Т.А. СМИРНОВА - МАКШЕЕВА

РАССКАЗЫ
И
ПОВЕСТИ

1975

Т.А. СМИРНОВА - МАКШЕЕВА

РАССКАЗЫ
И
ПОВЕСТИ

Из жизни
до-революционной
и
Зарубежной

1975

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я увезла с собой Россию,
она моя, она со мной,
и в дни изгнания лихие
меня хранит ее устой.

Я поклоняюсь идеалу
Добра, Любви, — и Красоте.
Хотела-б жизнь начать сначала,
чтоб быть на должной высоте.

Когда-то иноки простые
писали летопись свою,
она осталась там, в России,
она живет в родном краю.

И нет душе моей покоя :
я часто думаю, с тоской —
мой труд, УПОРНЫЙ ТРУД изгоя
останется в стране чужой.

ГОРПИНА

Из-под старой юбченки высовывались босые ноги; загорелая рука помахивала прутиком наводя порядок среди гусей на лугу. Покрытая платком голова то и дело поворачивалась в сторону господского сада.

Открылась калитка, и показалась девочка немного старше той, что пасла гусей. Она несла книжку, направляясь к зарослям лозняка, за которыми тотчас спряталась деревенская девочка; она знала, что барышня Тоня сядет под дикой грушей и станет читать, а раздвинув кусты можно видеть в книжке картинки... на них и кони, и господа в нарядах, собаки бегут за лисицей, богатые хаты и много еще чего. Барышне понятно то, что написано в книжке... вот бы научиться читать! А где научишься? Родители в школу не пускают, говорят « то панские выдумки » и посылают младшую дочку служить на птичне у Евдохи, а та старая, оглохла в грозу, самой не усмотреть за господской птицей. Барыня терпит, потому что добрая, а у других, разве стали бы ее держать? Индюшата и цесарки дохнут, цыплят свинья жрет, кур крадут. Вот и взяли ей в помощь девочку, — старухе легче и семье прибыль, — получает восемь рублей в лето.

Днем девочка пасет гусей на балке за садом, там долго не косят траву, так как барыня любит полевые цветы. Тонечка — ее младшая сестра — собирает их после того как начитается в своей книжке. Гусятница

дичится ее, а любуется, — все ей нравится в Тонечке — и кисейное платье, и косы, связанные лентой, и нежные ручки и серые глаза бегающие по строчкам книжки. Барышня — это существо волшебного мира : является из таинственного сада и возвращается в него с охапкой цветов.

⁂

Прочтя несколько страниц, Тонечка задремала. Казалось ей, что над ней склонилось чье-то лицо; кто-то отгонял веткой мух, веял прохладный ветерок. Проснулась, и видит : рядом сидит девочка. На ней холщевая рубаха, на черном шнурке медный крестик, полинялое платье без рукавов в заплатах. Заметив, что барышня смотрит, девочка вскочила и побежала прочь. Тоня позвала ее; она остановилась глядя исподлобья, обрывая листья с веточки, которую держала в руке.

« Чья ты ? Что тут делаешь ? » (ответа не последовало). « Подойди, я тебя не съем. Хочешь, покажу картинки в книжке ? »

Девочка застенчиво улыбаясь, подошла, села рядом. Разговорились. Выяснилось, что зовут ее « Горпыной », что она младшая из пяти сестер. Они не родные, а « батькины », не любят ее, обижают. Отец упрекает мать за то, что не родила ему сына, а как напьется, то и колотит. Горпынка присматривает у глухой Евдохи за птицей. Старуха, когда сердится, треплет за ухо и за косы. Тонечка жалела девочку, на прощанье обняла и поцеловала.

⁂

С этого дня, дети подружились, ежедневно встречались, — только бури с дождем мешали их свиданиям. Тоня стала учить Горпынку сперва буквам, потом слогам. Девочка конфузилась и не могла заставить себя

повторять их за барышней. « Неужели ты не понимаешь? — удивлялась Тонечка. « Ну вот это, что такое? — указала на росший вблизи подсолнух.

« Соняшнык », тотчас ответила ученица.

« Так. У него есть листья, стебель, шапка, корень. А все вместе, как ты говоришь, — соняшнык. В книге из букв составлены слоги, из слогов слова. Ты их видишь, буквы знаешь, слоги запомнила, отчего же не можешь выговорить? »

Уразумела-ли Горпина объяснение, или желание выучиться грамоте победило застенчивость, но вскоре она, хмурясь, заставляла себя соединять слоги, после сообразила как произносить слова. Неизвестно, кому больше радости доставляли эти успехи — учительнице или ученице? На свежем лугу, среди гогочущих гусей, под треск кузнечиков, пение иволги и колыхание растений, — совершалось приобщение к науке. Одно разумное существо передавало свои знания другому.

***

По воскресеньям господа устраивали развлечения для дворни. На террасу выносили грамофон с пластинками народных песен и танцев. Дивчата, молодухи, парубки, тетки и дядьки служившие в экономии, и кое-кто из деревенских, собирались против дома, на кругу обсаженном тополями.

Сын хозяйки дома, гимназистик Шурик и Тоня, заведовали программой.. Сперва ставили какой-нибудь марш, потом « Гоп мои гречаныки », « Ой, не ходы Грицю » и т. п., а после переходили на гопак. Тут выступали горничные Одарка и Катря, за ними пускались в пляс конюх и младший садовник, после примыкали кто « пониже чином » — и разгоралось общее веселье. Ребятишки не отставали и прыгали на месте взявшись за руки. Горпынка не приходила, хотя Тоня приглашала

ее. Из расспросов выяснилось, что она « скисняется » показаться среди других, так как не было у нее хорошей « спидныци » (юбки).

Бедная девочка ! Тоня сообразила, что всегда видела ее в одном и том же ситцевом платье, все больше выгоравшем на солнце. Стало стыдно : как же она не подумала о том, чтобы подарить Горпынке какое-нибудь из прошлогодних своих платьев ? Однако, это не годилось. Надо было ей смастерить одежду какую носили в деревне.

**
*

Заручившись согласием сестры и содействием портнихи Маруси, Тоня получила в свое распоряжение сатиновый капот в синих горошках. Сестра извлекла его из шкапа где висели вышедшие из употребления наряды. Гарпынка была приведена в комнату, где Маруся, с помощью машинки Зингера, обшивала господскую семью. Она сняла с девочки мерку и принялась за кройку. Девочка стояла выпятив животик, насупившись, не зная куда девать руки. А внутри все ликовало ! Наконец-то она получит собственное платье, а не сестрины обноски. Вошла барыня, погладила Горпынку по голове. « Тебе шьют платье за то, что хорошо за птицей смотришь, Евдоха тобой не нахвалится ».

Чувствуя ласку, слыша теплые слова, девочка повеселела.

Из барыниного капота вышло ей не только платье, но и юбочка. Тоня подарила ей, вышитую украинскую рубашку и три нитки разноцветных бус скрепленных лентой : « Наденешь в воскресенье, — сказала она. Горпынка онемела от восторга. Засиявшие глаза с любовью смотрели на барышню. « Нравится тебе ? » спросила та.

« Наравыться, — еле слышно раздалось в ответ.

**
*

На балке под грушей Тоня ждала Горпынку, принесла книжку с крупной печатью. С ее помощью, ученица читала уже довольно бегло; Тоня выучила передавать своими словами прочитанное, объясняла непонятное. Практика разговора с барышней приносила пользу, — Горпынка усваивала русскую речь, хотя предпочитала изъясняться на своей украинской. Она рассказывала о житье и обычаях деревни, о том как бабы « зóлят » белье, как дид Панас выводит в пустых колодах пчел.

Горпынка пришла в новом платье, радостная. Тоня залюбовалась ею: тонкие черты лица, ясные глаза и нежные вьющиеся волосы. Девочка загнала гусей за лозняк, где они паслись или плескались в болотной лужице. После подошла к Тонечке, засунула руку за пазуху и, достав пирожок, протянула ей: « Мамка сегодня спекла, так я для вас спрятала. Нет это все вам », — отказалась она, когда Тоня разломила пирожок и протянула ей половину.

Тесто было темное, твердое; вишни — с косточками, кислые, но барышне показалось, что ничего вкуснее никогда не ела она, — пирожок будто пропитался теплотой Горпинкиного сердца...

« Укусно ? »

« Еще-бы », — кивнула Тонечка, доедая последние крошки и поцеловала свою подружку. « Приходи в воскресение, будем вместе гопак танцовать ».

« Так я-ж нэ умию ».

« Давай научу. Становись против меня, повторяй что я буду делать и подпевай ».

Горпинка уже не « скиснялась ». Она быстро усвоила танец. Тонечка удивилась: « Ну, и способная-же ты ».

***

В воскресенье, Горпинка отплясывала под граммофон с ребятишками в своем новом наряде. Однако, вместо подаренных бус, на шее висел все тот же медный крестик на шнурке. « Где же твои бусы ? » спросила Тонечка.

« Сестры себе забрали, сказали, я еще мала чтобы украшаться », — девочка вздохнула и отвернулась скрывая слезы.

***

Прошло несколько лет. Горпина подросла, ее стали посылать на добавочные работы — полоть огород, поливать цветы, шевелить сено. Когда установили паровую молотилку, Горпина работала вместе с другими дивчатами: низко опустив платок на глаза, убирала граблями солому из-под машины; для ее лет, работа была тяжелая.

Жалея подружку, Тоня приносила кувшин с квасом в одну из беседок в саду, после чего шла на ток, останавливалась возле приказчика (заведовавшего работами) и кричала звонким голосом покрывавшим шум молотилки : « Горпина, иди скорей. Барыня зовет ! » Приказчик отпускал девушку; они уходили — барышня впереди, Горпина сзади, стирая с лица пот, вытряхивая из волос и из-за ворота рубахи полову. Войдя в сад, брались за руки и мчались к кринице. Горпина с наслаждением мыла лицо и руки, после чего пила в беседке холодный квас. Отдохнув полчаса, возвращалась на работу.

***

Когда Горпыне пошел 15-ый год, ее взяли в дом горничной. На эту должность стремились все деревенские дивчата : прослужив у господ 2-3 года, они отъедались, хорошели, — их на-расхват брали замуж, тем

более, что барыня делала подарки и крестила у молодух детей. На освободившуюся вакансию попала Горпына, (по неотступной просьбе Тонечки), ей сделали исключение, так как она была еще слишком молода. Однако, вопреки сомнениям, Горпина быстро освоилась с работой, несла службу исправно и как-то незаметно, будто за нее действовала сказочная фея. Она тщательно убирала парадные комнаты. Зная пристрастие барыни к полевым цветам, наполняла ими вазы, где-то доставала болотные лилии, бархатные шишки рогоза, или набирала крупных маргариток, мешая с васильками. Она умела составить букеты : каждый цветок выделялся и заставлял любоваться собой.

Зимой Горпына вышивала полотенца, выбирая замысловатые узоры, что-то от себя прибавляя к ним. Летом, когда Тоня приезжала на каникулы, она выходила за 2-3 версты встречать ее. В комнате барышни приготовляла сюрприз : уберет гирляндой цветов туалетный столик, посыпет пол душистыми травами, повесит в клетке пойманную птичку, накроет полочку скатеркой, которую вышила урывками от работ.

**
*

В 16 лет, Горпына расцвела : стала стройная и гибкая как степная былинка; светлые волосы приобрели пепельный оттенок, глаза напоминали крупные незабудки; появилась приветливая улыбка показывая белые ровные зубы. Руки с тонкими пальцами побелели на чистой работе в барском доме.

**
*

Глухая Евдоха была недовольна что лишилась своей помощницы. Она приходила в дом, вызывала Горпыну. Громко крича и жестикулируя (как все глухие)

требовала, чтобы девушка шла к ней « на помочь », хотя в ее распоряжении была другая работница.

Горпына отпрашивалась у барыни, и шла на птичню.

Это были две хатки-мазанки крытые камышом (очеретом); перед ними расстилался двор с вырытой посредине ямой, наполненной водой, — где наслаждались утки со своими выводками. В одной хатке помещалась Евдоха, с цыплятами, индюшатами и прочим пернатым поколением; в другой были клети, где спала и неслась домашняя птица. За двором, обнесенным низким тыном, росли кусты бузины, и липы; среди листвы чирикали и дрались воробьи; свиньи подкапывались под плетень и обижали птиц. Укрепить забор и завалить дыры было лень. За птичней была площадка, на которой стоял так называемый « кирпичный завод », где выделывались кирпичи на продажу и для усадьбы.

***

Как-то, помогая Евдохе, Горпына заметила, что стоит, опершись на тын, Федор, мужик из соседней деревни, работавший на заводе. Он не спускал с девушки внимательного взгляда; встретившись с ней глазами, — « поздоровкался » и отпустил сальную шутку. Она смутилась и отвернулась не ответив ни слова. С того дня, Федор стал искать с нею встречи; едва появлялась Горпына на птичне, он, будто сверхестественным чутьем угадывал ее присутствие и подходил к плетню. Если же она долго не приходила, — шел в усадьбу, чтобы хоть издали увидеть дивчину, которая явно избегала его.

***

Осенью, как всегда, Тоня уехала с матерью в С.Петербург. Там ее ждала приятная неожиданность: она была вызвана к Нотариусу, который сообщил ей, что по завещанию дальней родственницы ей оставлена сумма в 8.000 рублей. Эта сумма показалась ей целым богатством. На вопрос матери: « Что ты намерена делать с деньгами? — ответила: « Подумаю ».

Думала недолго. Внезапно вихрем ворвалась в комнату, где занималась ее мать. — Мамочка! Я составила план: мы найдем квартиру, чтобы у меня была своя комната, а не кушетка в столовой, и так как она очень способная, выпишем ее, чтобы жила у нас... »

« Кто? Что? Ничего не понимаю, говори толком.

Тоня втянула всей грудью воздух. Отрывая от работы, перецеловала все пальчики у матери и, успокоившись, изложила свой « план ».

Она хотела нанять квартиру больше той, в которой они ютились и выписать из деревни Горпыну; обе они поступят в Теннишевское Училище Прикладных Искусств, — Тонечка хорошо рисовала и лепила из глины, а Горпына была способна к вышивкам и к шитью, мастерски подбирала цвета. « Я, мамочка, хочу помочь ей выбиться на дорогу, она хорошая, ты полюбишь ее. Манерам и разговору научится, мы дадим ей образование и воспитание. Если не протянуть во-время руку, — пропадет Горпынка, не для ее деликатной натуры грубая деревенская жизнь ». — Так говорила Тоня и убедила мать своими доводами. « Ну, что-же, я одобряю твой проект. Однако, советую пока никому ничего не сообщать и не тревожить девушку. Ведь ты свои деньги получишь не раньше весны; летом, как обычно, поедем гостить к твоей сестре в имение. Я присмотрюсь к Горпыне, но, в принципе, даю согласие на доброе дело ».

На том и порешили.

***

В Петербурге задержались дольше чем предполагали и поехали в имение только в середине июля. Дорога, пухлая от черноземной пыли, бежала от станции среди полей пшеницы, ржи, овса и мака. Луга были скошены; в запрудах и речках мочили коноплю; тяжелый запах, врывался порой в ароматный деревенский воздух. Но это не портило Тоне настроения. После Петербурга и « Кацапии » (Великороссии), ей казалось, что из чужого края приехала в родной. Сердце трепетало при виде хат окруженных садочками, где росли подсолнухи, рожи (мальвы) и ноготки, красовались густые вишневые деревья. Хотелось погладить бархатные морды волов, качающиеся в ярмах упряжек; радовали живописные наряды дивчат и молодух просился на картину старый дид уснувший на бахче, даже небо казалось несравненно лучше, красивее северного. А ветренные мельницы, вертящие крыльями ? А пруды, синеющие среди склоненных верб ? недаром Тоня родилась в Полтаве ! Она будто сливалась с украинской природой.

***

В усадьбе обрадовались приезду гостей. Тотчас было подано обильное угощение, вплоть до любимых Тонечкой « варэнныков з вышнямы ». Разговаривали перебивая друг друга, обменивались столичными и деревенскими новостями. Все были оживлены, одна Тоня сидела тихо, порой отвечала невпопад, словно мысли ее витали вне семейного уюта. Причина была та, что Горпына не встретила ее за греблей. Среди выбежавших на крыльцо горничных, — ее тоже не оказалось. Когда несколько снизился тон радостной встречи, Тоня спросила о Горпыне и узнала, что она вышла замуж. « За кого ? »

« Да за Федора-вдовца. Он увез ее в свою деревню ».

Вышла замуж! Об этом думала Тоня, и сердце сжималось, чувствуя неладное. « Погибла Горпынка », — выразила она словами свое настроение, и боль об утрате чего-то прекрасного мешала ей заснуть до рассвета.

⁂

Через несколько дней Наталка позвала Тоню, собиравшую в саду смородину. « Баришня, там Горпына до вас прийшла ». — Передав горничной корзину с ягодами, Тоня побежала к дому.

На крыльце террасы сидела женщина с ребенком на руках. При виде Тони, положила его на ступени, встала.

« Горпына ?

« Тонечка !.. — они бросились друг к другу во внезапном порыве, обнялись, сели рядом. Она была в нарядном голубом платье, в бархатной « кирсетке », вышитой рубахе с пышными рукавами, на шее монисто, чоботы на медных подковках. Нарядная... но как изменилась ! Глаза потускнели, запали, у губ образовались складки, на лице были темные пятна, не то от загара, не то от болезни.

« Горпына, как живешь ? » она не ответила, заплакала.

« Чего же ты, дурная пошла замуж ? Меня не подождала, не дала мне знать.

« Так вышло... я не смела...

« Ты любишь своего мужа ? »

Внезапно глаза Горпыны сверкнули недобрым огнем. « Нет. Он меня испортил.

« А дитя свое... любишь ? »

Она не сразу ответила, проверяя себя, потом, тихо : « Любила-бы, кабы не от него. А то — так, жалею ».

⁂

Узнав о приезде Тони, Горпына, воспользовавшись отсутствием мужа, прошла шесть верст пешком со своим двухнедельным ребенком.

Тоня позвала ее в свою комнату, угостила. Хотела дать привезенные подарки, но Горпына не взяла: « Федор побьет меня, коли узнает что ходила в усадьбу к барышне ». Все же удалось склонить ее принять некоторую сумму денег.

« Спрячь, никому не говори, может быть тебе пригодится. А если будет тяжело, — пиши мне. Я тебе всегда помогу ».

Тоня не сказала Горпыне о своем намерении выписать ее в столицу. К чему?

Рассчитав время до возвращения Федора, Тоня отвезла обратно Горпыну в деревню где она жила. Ехали окольными путями, леском, чтобы никого не встретить. За версту до деревни остановились, Горпына прыгнула на землю.

Они молча обнялись и расстались. Навсегда.

Тоня стегнула лошадку и, не оборачиваясь, поехала обратно.

Прислонившись к дереву, Горпына долго смотрела ей вслед...

***

СВАТОВСТВО

Все жалуются, что время неудержимо летит куда-то; повернем его обратно, посмотрим, как шла жизнь замедленным темпом. Авиация находилась в стадии младенчества, не имели понятия о телевизии; луна покровительствовала влюбленным и не привлекала жадные умы стремящиеся исследовать ее кратеры и пощупать обратную сторону. Музыка — без воя, хрипа и скрипа, не раздражала нервы; художники изображали то, что видели нормальным зрением; молодежь танцовала не гримасничая и не таская за волосы партнеров... словом, жили спокойнее.

В 1910 году, в небольшом имении Полтавской губернии, жила семья Захарченко : муж, жена, два мальчика, сестра жены и Няня.

На летние месяцы приглашалась из Ромен портниха Еля, получавшая на всем готовом 50 копеек в день. Она сидела в « девичьей », кроила на длинном столе, вертела машину Зингера и обшивала всю семью. Еля была скромная девушка, лет 30. К ней часто забегал кто-либо из домашних мешая работать. Надя — сестра хозяйки — питала к портнихе симпатию и жалела ее. Под вечер помогала убирать комнату, водила купаться на речку или гуляла с ней в тенистом саду. Днем приносила какое-нибудь лакомство, — наберет в саду малины или крыжовнику, Елю не забудет; привезут из Полтавы конфет, — делится с ней. А мальчики

портниху не жалели, дразнили чем могли. Шурик пронюхал, что она стыдится своей фамилии и стал посылать к ней кого-либо из гостивших в имении; заходили будто невзначай, спрашивали: Как ваше имя отчество?» — Елена Евграфовна. На что вам это? Зовите просто Елей». «А как ваша фамилия?» Тут она закрывала лицо руками, щеки вспыхивали, на глазах выступали слезы. «Ах! Не спрашивайте. Стыдно сказать», и прибавляла чуть слышно: Кобылина».

Как ни уверяли ее, что фамилия хорошая и не «зазорная» — убедить не могли. Приняв к сердцу переживания бедной девушки, Надя задумала найти ей жениха. Остановка была за тем, чтобы отыскался претендент на Елину руку.

⁂

В начале каждого лета приезжал к Захарченко из Кобеляк пан Пухальский. Приглашали для настройки рояля. Он был вдовец, привозил с собой малолетнего сынишку. Настройка рояля — дело серьезное. Пухальскому отводилась комната во флигеле, где он поселялся на 2 месяца, проживая у Захарченко на полном иждивении. После утреннего чая, Пухальский честно подходил к двери гостиной. — Вы куда? — спрашивал хозяин. «Рояль настраивать». — Успеется, не убежит. Идем рыбу ловить. Владек, ты покушал? Ну, так айда с нами. Шурик, Пава, живо, собирайте что нужно». Компания с удочками шла к реке, наслаждаясь рыбной ловлей, пока Иван не позовет к обеду, раскачивая колокол привешенный к столбу. Свежий воздух возбуждал аппетит. Поглядывая на сына, Пухальский приговаривал: «ешь, Владек, ешь». Мальчик уплетал все, что ему щедро клали на тарелку, сопел и молчал. После еды расходились кто-куда.

⁂

Качаясь в гамаке под липами, Надя размышляла : « Пухальский... такая уютная фамилия. Вдовец, — может жениться. Настройщик, стало-быть зарабатывает. Еля будет шить, он настраивать; и мальчик есть, сразу получается семья. Правда, волосы у него рыжие, нос будто руль, глаза маленькие, на лице веснушки... но это выводится : не даром в « Ниве » рекламируют крем « Метаморфоза ». А фамилия симпатичная : Пу-хальский ».

Из гостиной звучат клавиши : « день-день, бум-бум ».

« Пан Пухальский, кончайте настройку, идите в крокет играть », зовут мальчики.

« С моим удовольствием... только я не умею ».

« Мы научим, приходите на площадку ». Хлопает крышка инструмента, Пухальский спускается с крыльца террасы. Надя направляется в девичью.

⁂

Портниха сидит у окошка; проворная рука собирает на иголку материю. Работая машинально, Еля смотрит в сад; оттуда несутся запахи цветов и свежей зелени. В кустах заливается птичка, жужжит шмель над клумбой, курлюкают индюки собирая с нижних веток и глотая жуков. Хочется пройтись по аллее где цветет жасмин, спуститься к реке, помечтать на бережку... хочется ! а работа не отпускает, — шей, строчи, выравнивай швы.

Надя вошла, смотрит как быстро мелькает иголка. « Кому шьете, Еля ? » — « Сестрице вашей, Ольге Сергеевне, блузочку : рукава с буфами в мелкую складочку. Вот, глядите по журналу ». Надя соображает как начать разговор, и вдруг выпаливает : « Как вы находите Пухальского ? Правда, интересный мужчина ? » — « Не знаю, не присматривалась. Нос уж очень длинный, и веснушки... »

« Веснушки можно вывести, а нос... зато фамилия! Будто пуховочка. А знаете Еля (начинает сочинять Надя), « я заметила, что вы ему нравитесь. В столовой все время на вас смотрит ».

« Вот уже неправда : только и занят своим сыном. Все ему пихает : "ешь, Владек, ешь", а тот и рад стараться ».

— Ну, и пусть кушает на здоровье. Разве жалко ? Минута молчания.

— А вы, Надечка, взаправду заметили, что пан Пухальский на меня смотрит ?

— Глаз не спускает. Как только вы отвернетесь, тотчас глядит в вашу сторону. Ну... а вы, Еля, пошли бы за него замуж ? » — Девушка чуть не укололась иголкой. « Надечка ? И что это вам в голову взбрело ? »

Жуя стебелек сорванной травки, Надя направилась во флигель к Няне. Старушка сидела в глубоком кресле у окна, — не то дремала, не то вязала крючком. У икон теплилась лампада. Любимец-кот мурлыкал на кровати; чистые половички белели на полу; в комнате пахло травами, которые Няня сушила для лекарственных настоек. На листе клейкой бумаги звенела муха. В окно смотрела отцветающая сирень.

Надя ворвалась в эту тишину : « Нянечка ! Я к тебе... »

— Фу ! Влетаешь как ветер, меня перепугала. — Все же на лице старушки запорхала улыбка, Надя была всегда желанной гостьей. — Ну, да уж входи. Открой вон, шкапик, достань пастилу, для тебя припрятала. Что давненько не заглядывала, солнышко мое ? Надя подняла уроненное вязание, чмокнула сморщенную щеку, потрепала кота, достала пастилу.

— Нянечка, как ты думаешь, отчего Еля не выходит замуж ?

— Да за кого-ж ей идти? Она полубарышня. За простого не пойдет, а кто чуть повыше, сам ее не возьмет. Да и какой с нее толк? Перестарок, глупа как курица, только что иголку в пальцах держать умеет.— Няня всегда по существу разберет. Недаром с ней все советуются, даже сестра Оля.

— Нянечка, нельзя ли ей жениха найти?

— Это, девонька, дело мудреное. Разве кто сжалится над сиротой... вот, у Оленьки остался капитал после покойной экономки. У той родных не было, накопилось жалование, да и сбережения в шкатулке нашлись, три тысячи набралось! Оленька решила, как минет год — пожертвовать на помин ее души. А коли вместо того, дала-бы Еле в приданное, — тогда и женихи мигом сыщатся.

* * *

Вечером Надя пошла прогуляться со старшей сестрой. Завела разговор о деньгах покойной экономки и без труда уговорила отдать их на доброе дело, — обеспечить Елю. Шутка-ли, 3 тысячи рублей!

Ольга Сергеевна переговорила с мужем. Он ответил: «устами младенцев правда глаголет» (подразумевалась Надя), и прибавил: «доброе дело душу спасет лучше казенных молитв».

Через несколько дней, Ольга Сергеевна сообщила Еле, что на «семейном совете» было решено дать ей в приданное капитал оставшийся после покойной экономки. — «Анна Федоровна служила у нас около 20 лет и кое что скопила. Мы вас ценим, и решили, что она предпочла бы способствовать счастью честной девушки, чем отдать деньги на помин ее души».

От неожиданной радости Еля вся просияла, а после расплакалась. «Я буду всегда молиться за Анну Федоровну и за вас», — искренно сказала она.

* * *

Капитал был положен у Нотариуса, в Полтаве, на имя Ели. Процентами с него она могла пользоваться, а распорядиться деньгами — со дня вступления в брак. Молва об этом распространилась очень быстро. Неимущие холостяки и вдовцы засуетились, но всех опередил пан Пухальский, как говорится — сразу намотал себе на ус. Девушка с приданным ! Хоть и не первой молодости, но это неважно. Кстати в Полтаве сдается магазин музыкальных принадлежностей, дело хорошее. Так думал настройщик, присматриваясь к Еле. Заметил, что она « недурненькая », светлые волосы, фигурка хоть куда. Немного бледна, — потому что сидит взаперти за работой, а при кассе в магазине, может быть поправится.

* * *

За обедом и ужином, пан Пухальский, будто невзначай, бросал красноречивые взгляды на Елю. Как то она встретилась с ним глазами, и так покраснела, что не только щеки запылали, но и шея покрылась румянцем. Наблюдательный Шурик закричал : « Пожар ! Пожар ! »

« Дурак ! Дурак ! » — рассердилась Надя, — « Еля горячим обожглась, а ты злорадствуешь ». Отец побранил Шурика, а Ольга Сергеевна сделала замечание : — « Надя, воспитанные барышни не ругаются ».

Дав простор мечтам, настройщик начал « серьезно » ухаживать за Елей : старался попадаться ей навстречу когда она, кончив работу, выходила в сад; даже заговаривал с нею. Мальчики проследили эти маневры и стали дразнить портниху, советуя ей купить пудру « Лебяжий Пух ». Надя сделала вид будто чем-то занята, не выходила с Елей и не звала ее купаться. Поневоле при-

шлось девушке совершать прогулки в обществе пана Пухальского. Кончилось это объяснением в любви и предложением « руки-сердца ». Однако, переговорив с предполагаемым женихом, Еля отыскала Надю и, припав к ее груди, залилась слезами.

— В чем дело, Еля ? Кто обидел вас ? Наверно Шурик ?

— Нет... Тонечка... он сделал мне предложение.

— Кто ? Шурик ? ?

— Да нет же, пан Пухальский.

— Так отчего же вы плачете ? Он вам не нравится ?

— Нравится... даже очень, а замуж за него не могу выйти. (Тут она зарыдала) Не могу... потому что он... католик !

***

Получив отказ, с разбитыми надеждами, Пухальский уехал в Кобеляки. Еля была неутешна. Шурик, хоть и выразился, что у нее « глаза на мокром месте », перестал дразнить портниху и даже катал и « заносил » на гигантских шагах. Надя пробовала доказать Еле, что религия в браке по любви роли не играет, но переубедить ее было невозможно.

Все же, Еля вышла замуж. Поразмыслив о ее приданном, приказчик соседа-помещика, воспылав любовью, сделал мадемуазель Кобылиной предложение. Оно было благосклонно принято. Фамилия претендента была Скребницын...

***

КИПАРИСОВОЕ ЯИЧКО

Подсчитав свои сбережения, Лидия Андреевна решила что может не работать на Страстной неделе и вздумала навести у себя порядок и лоск : сняла висевшую у изголовья икону, а со стен старые фотографии; развела водой нашатырный спирт и принялась за чистку. Когда засверкала серебрянная риза и посветлела бронза рамок, вспомнила, как в далекой стране — где она родилась — говели в Великом Посту; к Пасхе мыли, скребли и чистили жилища, готовили много вкусной снеди, красили яйца; а после Заутрени встречали Светлый Праздник. Все это ушло, кануло в пучину...

Лидия Андреевна, как и многие соотечественники, поселилась и работает на чужбине; вспоминая о минувших годах, иногда думает : « было это наяву или во сне ? » Вероятно наяву, — тому свидетели уцелевшие вещи, пережившие своих владельцев. Вот ладанка, которую Няня принесла из Монастыря куда ходила на богомолье. За стеклом в медальоне — прядь седых волос : отец срезал их и прислал в письме когда умерла мать. Здесь записная книжка покойного мужа, в ней помечены его любимые песни : « Меня ты в толпе не узнала », « По берегу синего моря »... хорошо он пел их. А это яичко из кипарисового дерева ? приятно пахнет ! Когда-то похристосовалась с ней... (Лидия Андреевна взяла в руки одну из фотографий). Из далекого прошлого смотрели на нее глаза любимой тети Вали.

**
*

Валентина Павловна Русова слыла красавицей на весь уезд. Она была сестрой Лидочкиной матери. Девочке тогда исполнилось 7 лет. Она очень любила свою молоденькую тетю, всегда веселую, нарядную, надушенную.

Валентина была помолвлена с богатым домовладельцем, гораздо старше ее. « Спасает семью », — говорили взрослые, и много еще чего говорили, особенно про какие-то « закладные ». Шептались о том, что « Валюша приносит себя в жертву », и что « из-за этого Сергей стрелялся, едва спасли его ». Он был офицером конного полка, стоявшего в провинциальном городе где жили родители Лидочки. Высокий блондин, жизнерадостный, часто бывал в их семье.

Будущего мужа тети Вали, девочка побаивалась. По ее мнению он был неуклюжий, с противными рыжими усами; от него несло табаком; грубые руки, резкий голос, неприятный смех.

**
*

Свадьба Валентины была пышно отпразднована, венчались в Соборе. Личико невесты, под прозрачной фатой с флер д'оранжем, было бледно и омрачено грустью. Сергей держал венец над ее головой. Рано утром уехал в С.Петербург, перевелся в другой полк и поселился в столице. Вернулся через 2 года...

Валентина и Сергей встречались у родителей Лидочки. С согласия мужа, он учил молодую женщину верховой езде. Они часто уезжали за город.

« Валя, не играй с огнем », — предупреждала старшая младшую сестру, но та лишь смеялась в ответ: « Эх, Маша, что думать о завтрешнем дне? Хоть минута, да наша »(*). Однако, на их горизонте появились

---

*) Цитата из стихотворения Апухтина « Старая Цыганка ».

тучи: кто-то донес мужу тети Вали об этих подозрительных прогулках. После бурной сцены, разгневанный супруг вынудил жену отказаться от уроков Сергея и нанял ей учителя, обучавшего ее верховой езде в обширном дворе при господском доме. Все-же, запретить жене навещать сестру, не было причин, и она продолжала встречаться с Сергеем.

***

Муж Валентины, огорченный тем что у них не было детей, стал баловать Лидочку, и как-то подарил ей дорогую куклу. Но девочка не оценила его жеста, куклу не взлюбила, сажала на креслице в углу детской. Маленькая хозяйка брала ее в руки только когда раздавался из передней голос мужа тети Вали; знала, что если выйдет к нему без его подарка, он обязательно скажет: « Почему ты не ИГРАЕШЬСЯ с куколкой? » и потреплет по щеке. Это « играешься » и прикосновение грубой руки, были ей ненавистны.

***

В жаркий летний день Лидочка сидела на террасе. Нелюбимую куклу поставила носом в угол.

Последнее время тетя Валя о чем-то грустила, иногда плакала. Из разговоров взрослых девочка поняла, что Сергей уезжает в столицу. Вероятно это и было причиной слез молодой тети. Об этом думала Лидочка перелистывая книжку с картинками. Вдруг, с улицы поднялись на крыльцо Сергей и тетя Валя, держась за руки; они так были заняты собой, что не поздоровавшись, прошли в гостиную. Сквозь стеклянную дверь было видно, как тетя припала на грудь Сергея. Он гладил ее волосы, целовал личико, глаза и руки, она судорожно обнимала его.... а у главного подъезда остановилась коляска...

Девочка стремительно вбежала в гостиную, закричала: « Твой муж приехал, тетя Валя, твой муж ! » — после чего бросилась на террасу и выхватила из угла куклу. Из гостиной скользнул мужской силуэт, сбежал с крыльца террасы и пошел вдоль тротуара. Однако муж Валентины заметил его. Подозревая неладное, заорал не своим голосом: « Вот где вы теперь свидания назначаете? Поймал-таки вас на месте преступления ! » Тетя Валя поднялась с табуретки возле рояля, бледная, испуганная: « Мишель, что с вами? Успокойтесь... » — бормотала она. — « Никого здесь не было... я не видала.... я не знаю... не понимаю... »

« Все ты лжешь ! » — вспылил муж и, заметив входившую Лидочку, схватил ее за руку. — « Кто тут был ? Ты видела? Говори »,

« Видела », — ответила девочка. — « На террасе был Сергей. Он проходил по нашей улице, я позвала его ».

« Вот как. Зачем же ты звала его? » — « Звала, чтобы показать ему... вот эту... » — (она вырвала свою руку, подняла упавшую куклу), — « что вы мне подарили. А тетя была в гостиной, играла на рояли и Сергея не видела. Он сказал, что кукла уродина, и ушел ». Тут Лидочка замолчала и заплакала.

Не владея собой, муж тети Вали вырвал у девочки злополучную куклу, с силой швырнул на пол; фарфоровая головка разбилась на куски.

Валентина, придя в себя, воскликнула с негодованием: « Как вам не стыдно, Мишель, как не стыдно ! » — Гнев ее мужа как рукой сняло. — « Ну, ладно, прости меня, не сердись. А тебе, Лидочка, я подарю другую куклу, лучше той... уродины ». Он повернулся и склонился в поклоне перед хозяйкой шедшей ему навстречу.

Тетя обняла племянницу: « Не плачь. Тебе подарят новую куклу ».

« Я не о кукле. Мне тебя жалко, тетечка ». Моло-

дая женщина подняла заплаканное личико ребенка, заглянула в глаза, крепко поцеловала. « Я никогда не забуду того, что ты для меня сделала ».

**
*

Прошло несколько лет. Разразилась революция. У мужа Валентины отобрали дом и все состояние, расхитили имущество, сослали в концентрационный лагерь. Жена хлопотала, делала все чтобы спасти его, но он погиб на непосильных работах.

Сергей сражался в Белой Армии. Валя была там же сестрой милосердия. Они встретились, в беженстве — поженились. Случай столкнул их с Лидочкой, ставшей « Лидией Андреевной ». Всем им жилось плохо, — брались за любую работу.

Как-то на Пасху, тетя Валя, уже вдова и седая старушка, подарила племяннице кипарисовое яичко, вывезенное из России, хранимое как дорогая память о прошлом.

« Это тебе за твою ложь спасшую меня », — сказала она, христосуясь с ней.

**
*

ДИМОЧКА

Ему было 60 лет. Но так уж повелось в русской колонии Ниццы, — никто его иначе чем Димочкой не звал : о его фамилии не имели понятия, отчества никто не знал. Он был небольшого роста, лысенький, шепелявый, с добрыми светлыми глазами. Лет 20 тому назад, Димочка одевался по моде, ездил на собственном автомобиле, на пальце блестело кольцо с бриллиантом. До того служил у пожилой женщины с больными ногами, возил ее в кресле и был ей безгранично предан. Она завещала ему свое имущество, — квартиру с хорошей обстановкой, автомобиль, кое-какие драгоценности и капитал. Где находился этот капитал — было тайной. Почувствовав приближение смерти, она все повторяла слабым голосом : « ищи, ищи ». Дима, понявший « виши », обливаясь слезами принес умирающей стакан минеральной воды. Она качнула головой, после чего испустила последний вздох.

**
*

Через несколько дней, русская сиделка помогавшая Диме касательно разных формальностей и похорон, приняла участие в уборке квартиры. И вот она спросила : « Ну, что ? Нашли вы что-нибудь после умершей ? » — « А что я должен был найти ? » — удивился Димочка. — « Да я ведь присутствовала при ее кон-

чине, она все твердила « ищи », стало-быть, что-то было спрятано ? » — « А я-то понял, что она просила пить виши. Ну,давайте поищем вместе ».

Начали поиски; наконец, в недрах кресла где сиживала покойная, был обнаружен увесистый пакет. Вскрыли. Там оказались процентные бумаги и порядочная сумма денег. Димочка остолбенел, закрыл лицо руками, зарыдал, а после щедро наградил сиделку : « Без вас все пропало-бы, я намеревался пожертвовать кресло в местный госпиталь ».

***

Итак, Дима зажил барином, да ненадолго : погубила страсть к рулетке, которую он почему-то называл « тетей ». И вот эта « тетя » оказалась настолько кровожадной, что меньше чем в два года высосала из бедного Димочки жизненные соки, — то есть, все деньги без остатка, выручку от продажи квартиры, автомобиль, бриллиантовый перстень и, наконец, те мелочи, которые он собрал за « спуск » белья, шубы и прочего барахла. Оставшись ни с чем, начал Дима искать работу. А так как он был приблизительно « мастером на все руки », то немудрено, что всегда находил какой-то зароботок : кому починит в кухне кран, кому помоет стекла, у кого вычистит погреб или перевезет вещи, оклеит комнату, а особенно ему удавались работы по электричеству. Был ли он специалист по этому делу, кто его знает, но проводка и починка всевозможных электрических аварий, удавались ему на славу. Работал он и у французов и у русских, с некоторыми выпивал, другие кормили его, и он всюду был желанный.

Однажды выдался голодный день. Димочка стоял рядом со своим приятелем в хвосте у мясника, где в складчину на последние деньги намеревались купить рубленного мяса (сортом подешевле) чтобы сделать русские котлеты. На мясо и на хлеб были деньги, а чтоб

выпить, — на это не хватало. Вдруг его приятель заметил на полу кредитную бумажку. Он тихонько лягнул Димочку ногой, прошептав : « подними ». Димочка нагнулся, обнаружил бумажку и заорал на всю мясную : « Ах-ты ! Эх-ты, вот-те на ! », но в момент, когда хотел подобрать деньги, какая-то нарядная дама громко заявила : « Это я уронила, благодарю вас », — и выхватила добычу у смущенного Димы. Приятель долго после укорял его : « Вот же разиня ! И чего ты раскудахтался ? И выпить из-за тебя не удалось ».

Димина работа не всегда бывала удачной. Слабым его местом было (как он выражался) « водопроводство », хотя он и за него брался. После его установки труб и кранов, вода часто текла не туда, куда ей полагалось, — приходилось звать настоящего водопроводчика, что обходилось втридорога, но на Димочку никто не обижался. Он был очень услужлив и приходил на помощь, когда это требовалось. Так, одна русская дама свихнула ногу и лежала в кровати; дверь ее квартиры не запиралась, — чтобы могли приходить знакомые сготовить ей пищу и убрать за ней. Дима, узнав о ее несчастии, бросил очередную работу, стал приходить ежедневно, охотно и безвозмездно исполняя взятое на себя обязательство.

Как-то он прочел в газете объявление о собаке, которая, будучи ведеттой в кинематографическом фильме, ослепла от яркого света. Искали доброго человека кто-бы взял ее, иначе собаке грозило « усыпление ».

« Да ведь я видел, как она играла в фильме, публика апплодировала и плакала, как же можно допустить, чтобы ее умертвили ? » Димочка помчался по адресу объявления; охотников взять на иждевение слепое животное не оказалось. Он получил его, забрал домой. Это была большая собака с длинной шерстью, умная, привязчивая. Заняла угол в маленькой комнате подвального помещения, где ютился Дима. Они стали неразлучными друзьями. Несмотря на свой физический

недостаток, собака была драчлива и задиралась с чужими псами, — Димочке не раз приходилось отвечать за это. Однажды собака каким-то образом попала в городскую отводную трубу. С помощью жандармов с трудом удалось ее оттуда вытащить. Хлопот с ней был полон рот ! На работу Дима приходил со своей собакой, но к этому относились доброжелательно, и она бывала сыта подачками. Прожив у Димы несколько лет, собака околела, а он горевал так, словно потерял близкого человека.

После работ, исполняемых Димой, его приглашали отобедать, выпить чай или предлагали стакан вина. За этим времяпрепровождением он всегда что-либо рассказывал. Говорил занятно, хотя путанно. Вот одна из его историй :

« Позвали меня на работу. Прихожу. Обстановка хорошая, хозяин живет один. Встретил меня и спрашивает : « Можете ли починить электричество ? Вот тут у меня не горит », — и повел в гостиную, где над диванчиком висела испорченная лампочка. Я осмотрел, сообразил в чем дело. Хозяин спрашивает — « Сколько времени займет работа ? » Про себя думаю : минут двадцать », а говорю ему : « часа в два справлюсь ». — « Ну, вот и отлично, — отвечает хозяин, — мне надо уйти по делу, а вы тут чините электричество ». Он ушел, а я в четверть часа исправил что было нужно и стал осматриваться. Искал книгу почитать, — не нашел; попался под руку иллюстрированный журнал, я его просмотрел, а после что делать ? Боюсь уйти, а вдруг хозяин вернется ? И тут вижу я на стене маленькую полочку, а на ней — фарфоровый слон. Так он мне понравился, что я полез на стул чтобы рассмотреть его поближе, а стул-то покачнулся, я схватился за полочку, она рухнула, слон упал... и разбился на куски ! Вот те бабушка и Юрьев день ! Ну, натворил делов ! Позарился на зароботок, а в результате одни убытки. Слез это я со стула, прибил на место полочку, подобрал

осколки слона и давай их осматривать. К счастью одна половина слоника была почти цела. Пришлось искать клей, — нашел в ящике на кухне. Принялся за починку. Клеил, клеил, в пот меня ударило, больше двух часов провозился. Поставил на место. Склеенная сторона пришлась сзади, так что вышло не очень заметно. Только успел это я кончить, слышу : хозяин ключом отмыкает дверь. Я шмыгнул к лампочке, которую взялся чинить и делаю вид что еще ковыряюсь с ней.

« Ну что ? Готово ? » — спрашивает хозяин, — « я нарочно задержался, чтобы вы успели кончить ». — « Готово, все в порядке, — отвечаю, а сам боюсь как бы мой склеенный слоник не свалился с полки. Хозяин проверил лампочку, — горит. Любезно улыбнулся, полез в карман и протянул мне пять рублей золотых ».

« Димочка, — прервали слушатели, — вы ошиблись, наверно он вам дал не пять рублей, а пять франков, и не золотых, а бумажных ? »

« Не бумажных, а золотых, — обиделся Дима, — раз я говорю, стало-быть правда ». — « Да откуда же он их взял ? Здесь во Франции люди давно забыли как выглядят золотые монеты ».

« Так ведь это же было еще в России, как же вы не поняли ? »

***

Бедный Димочка кончил трагично : на него наехал автомобиль. С поломанными бедрами и коленями его доставили в госпиталь.

По ходатайству Диминых приятелей, за дело взялся известный в Ницце адвокат, потребовавший крупную сумму за причененные увечья. Процесс затянулся. Димочка наверно снова стал бы миллионером, но судьба не улыбнулась ему : перенеся тяжелую операцию, он вскоре умер.

***

*« Жил старик со своею старухой
у самого синего моря ».*
А.С. Пушкин

ЖИЛ СТАРИК СО СТАРУХОЙ

« У самого » выражалось расстоянием в 10 километров, а море бывало синее лишь в безветренные дни, отражая небо. Порой казалось зеленым с перламутровым отливом; розовым — когда в нем купался вечерний закат. При сильном ветре, его волны, одеваясь пеной, кидались на скалы; тогда море напоминало кофе с молоком.

Жил старик со старухой 30 лет и 3 года, не в землянке, а в чердачном помещении большого дома в деревне. Сошлись по горячей любви, остывавшей с наростанием годов, сменившейся под конец привычкой и дружбой.

Старик ловил рыбу удочкой : невода не имел, да и трудно было-бы путешествовать с ним в автобусе; в летние месяцы катил на море, возвращался с рыбками, поджаривал на оливковом масле и угощал старуху.

Она пряжи не пряла, — роспускала подаренные фуфайки, вязала мужу и себе шарфы, носки и перчатки.

Старик ходил на охоту. Натягивал купленные по случаю сапоги, влезал в кожанную куртку, опоясывался патронташем, брал ружье и две сумки : одну с провизией и вином, другую — пустую.

По горам и лесам бродили охотники. Старуха при-

слушивалась к выстрелам, жалела зайчиков и цтичек, говорила : « хоть бы промахнулись ! » Глядя на темнеющее небо начинала беспокоиться, то и дело отворяла двери на лестницу, выглядывала : « что это старый запаздывает ? »

Старик возвращался с полными сумками : в одной приносил часть провизии и пустую бутылку, а вторая была набита яблоками, грушами и виноградом, сорванными на заброшенных участках. Радуясь добыче, старуха варила компот или варенье.

Часто они коротали время на кухне (она-же столовая). Старик чинил удочку, чистил ружье, причем бурчал и жужжал без перерыва. Старуха ему подваркивала. Сюжетов для критики находилось немало, например — музыка. Ну, что это теперь такое ? Чорт знает что, а не музыка. Мелодии никакой, грохот, лязг, визг, стук. А живопись ? Наставят запятых, наляпают круги, говорят « абстрактное »... А коли не понимаешь, сталобыть, ты дурак. А танцы ? Не то гимнастика, не то акробатика, и лица при этом свирепые. А штаны ? А мини ? А по-ли-тика ? Да я-бы, на месте Правительства... да я бы...

Помимо этой воркотни, мечтали вслух : вот, если бы да кабы, да вместо надоевших картошки и макарон, появилась бы у нас на столе жареная телятина, а к ней соленые огурчики... « Пойти-бы в синема или в театр, » — вздыхала старуха, « да-а-вно не были. »

Порой налетали воспоминания. Тогда рассказывали случаи из делекого прошлого, много раз повторенные, но всегда живые, интересные. Разглаживались морщинки, сияли глаза, смех — молодой и заразительный — волновал голубей на крыше, принимавшихся вертеться и ворковать. Однообразная жизнь, мчавшаяся к неизбежному концу, удовлетворяла их... да и что

надо старикам? быть в тепле, покушать, почитать газету или книгу, рано лечь спать. А главное — быть вместе.

**
*

Как ни странно, случилась у них ссора, (даже с участием местных властей), из-за разрешения на охоту. Чтобы его получить, следовало заявить в Мэрию, представить 2 фотографии и заплатить 70 франков. Сумма крупная. Для этой цели старик стал класть деньги в копилку. Набрав что следовало, поехал в город сниматься. Вечером привез карточки.

Кто это такая? — полюбопытствовала старуха, взглянув на моментальный снимок. « Кто-о? не видишь, так надень очки ». Но и очки не помогли. « Не знаю. Физиономия незнакомая ». Старик ушел, хлопнув дверью.

На другой день передал деньги и карточки помощнику Мэра, сказав: « вуаля сэ пур перми шас ». (Вот это для разрешения на охоту). Через неделю помощник Мэра встретил старика на улице: « Попросите вашу жену зайти в Мэрию. Для нее получено разрешение на охоту.

Старик остолбенел. Это не помешало ему бежать домой, словно его преследовал рой пчел.

**
*

Вооруженная метлой, старуха подметала лестницу. Из окутавшей его пыли, старик зарычал подобно Перуну-Громовержцу: « Что это ты выдумала? Зачем просила разрешение на охоту?

Старуха уронила метлу. « Я-а-а? »

« Русским языком спрашиваю: зачем оно тебе понадобилось? »

« Мне-э-э? »

Муж продолжал метать громы и молнии. Пришлось ей сменить шлепанцы на приличную обувь, пригладить космы и водрузить шляпу. Оба помчались в Мэрию.

***

Представитель закона принял их любезно и достал из стола бумажку :

« Получите, мадам, ваше разрешение на охоту ».

Старик, плохо говоривший по-французски, принялся по русски бранить свою жену, а кстати и Мэра. Старуха изъяснялась лучше, и старалась доказать, что произошло недоразумение, — ведь она и стрелять-то не умеет, а ружья боится даже не заряженного. Мэр упрямился : « Лицо на фотографии как будто женское, стало быть ваше ? » После долгого крика и спора, он пожал плечами : « Первый раз в моей практике такое случается...» все-же, переписал разрешение на имя мужа, с условием, чтобы старик принес свои, а не женины фотографии.

« Да их же с меня снимали », чуть не плача уверял старик, но Мэр стоял на своем. Ушли домой не солоно хлебавши. Старуха злорадствовала и усмехалась; старик злился и припоминал все ее прегрешения. Наконец, умолкли и не разговаривали до следующего дня. Все же старуха сжалилась, порылась в своих залежах, извлекла фотографии мужа снятые 20 лет тому назад — и мир был заключен. Мэр снова принял их; увидя фотографии, покачал головой, вздохнул : « О-о, сэ рюсс ! » (ох уж эти мне русские). Однако выдал просимое разрешение.

***

Старику удалось-таки зацепить золотую рыбку. Ею оказался турист, подсевший рядом на берегу. Спер-

ва косились друг на друга, потом объединились за выпивкой и разговорились. Турист приехал к синему морю и его лазурному берегу с намерением купить участок и построить домик где мог бы жить летом. Старик вспомнил, что один из его соседей продает участок : там есть виноградник, фиговые и персиковые деревья, а главное — бассейн с проточной водой : « Будь у меня деньги, сам бы купил ».

Не откладывая в долгий ящик, турист поехал в деревушку где жил старик, осмотреть землю. Понравилось. Даже подходило под коварный закон о постройках, и цена была сносная. Вскоре у Нотариуса состоялась сделка.

Старика наградили и покупатель и продавец, — дали ему сумму, какую уже давно не держал в руках. На радостях, он подарил часть денег старухе, пригласил поехать в город за покупками и сходить в синема.

***

Ницца ошеломила старуху : давненько там не бывала. Старик таскал ее по магазинам, « бери что хочешь, пользуйся ». Она упиралась : « К чему мне нейлоновые чулки ? и в простых похожу ». На одной из улиц привлекли ее внимание выставленные снаружи у синема картины : русские пейзажи, снег, санки, тройка. Старик тотчас взял дорогие билеты, вошли в роскошное помещение, уселись. Фильм, состряпанный по роману какой-то французской писательницы, назывался « Тайна Кавалера д'Эона ». Все было хорошо, пока действие не перекинулось в Россию, ко двору императрицы Елизаветы, дочери Петра. Играла одна из ведетт синема — сухопарая, с длинными бронзового оттенка волосами. Когда ей предстояло решить вопрос о выборе любовника, она просила об этом Николая Угодника, великана, намалеванного во весь рост прямо на стене. Постоянным фаворитом при ней состоял некий « Гри-

ша», по наружности вурдалак. Его показали храпящим на двуспальной кровати: Елизавета сердилась на него, хлестала кнутом, приговаривая: «Вот тебе водка, вот тебе икра» *).

Придворные стояли шеренгой, мужчины налево, женщины направо. При появлении Елизаветы, падали ниц, земно кланяясь. Фрейлены походили на доярок в сарафанах. Провинившуюся вытаскивал за косу страшилище Монгол; она упиралась, падала на пол, он уволакивал ее, Елизавета визжала вслед: «В Сибирь ее, в Сибирь!» Потом оставшись одна, упражнялась в стрельбе разбивая поставленные ребром тарелки. Во время этого занятия, — без доклада — вошел «Орлов», огромный детина в черкеске с кинжалами. Елизавета направила на него пистолет; он храбро подставил грудь, и она молниеносно пленилась им.

Затем была на площади джигитовка. Публика сидела в деревянных бараках, лишь Елизавета уединилась в росписном шатре; у ее ног полулежала юная монголка. Во время проносившейся в тумане джигитовки, владычица России, дочь Петра (каковой неоднократно себя именовала), разозлившись на своих фрейлин, ворвалась в их барак и порвала их платья, обнажая то, что было прикрыто...

Старик со старухой смотрели, слушали, сперва возмущались и негодовали, потом начали смеяться; на них шикали со всех сторон.

Елизавета сидела на троне с короной на голове; под ее ногами расстилалась карта Империи; помахивая скипетром, Императрица приказывала:

«Отменить смертную казнь! Учредить Университет!» Придворные униженно кланялись.

Заключительная сцена была в ее спальне. Распус-

---

*) Автор ручается за все изложенное: видела в синема собственными глазами. (Т.С.-М.).

тив до полу свои бронзовые волосы, в нейлоновой рубашке, она ждала очередного счастливца.

Старики смотрели бы и дальше, но спохватились, что пора на обратный автокар. По дороге стали обмениваться впечатлениями. Старуха заворчала:

« Два года не были в синема, и вот, угораздило-же попасть на такую картину. Меня в итальянском фильме « Выстрел » (по Пушкину), не так шокировало, когда героиня смотрела на часики на руке и пела песенку Вертинского. А в этом Д'Эоне такая развесистая клюква, просто рекордная.

Старик, страдавший духом противоречия, перебил: « Чтобы говорить о клюкве, надо знать, что это такое. Ты то сама ее видела? А может быть Дюма, от которого и пошла эта "клюква", не так уж был неправ. Возможно, что он пил под нею чай ».

« Да ведь она же ростет в болоте, как же можно под нею...»

« В болоте? — возмутился старик. Вот и видно, что ты в Институте обучалась. Вам там, кроме засахаренной клюквы, да клюквенного киселя, ничего больше не преподавали. А я сам видел, и знаю, что это ДЕРЕВО, и ростет на твердой земле ».

Старуха вздохнула. Уж если старик уперся на своем, то его не сдвинешь, пока сам не одумается; кроме того, ее укачало: автокар поднимался в гору по извилистым дорогам с крутыми поворотами; старуха-же объелась в синема шоколадом и мороженным. Красоты Альп не радовали, — скорее бы доехать.

Наконец, показался домик почты и телеграфа. Еще поворот, — и они приехали. Старик помог вылезти из машины. Идя домой, вдыхая свежий деревенский воздух, он вел под руку свою старуху. Вдруг, сознался: « А знаешь, что? Ведь ты была права. Я клюкву с рябиной спутал. Может быть, и Дюма тоже спутал... как ты думаешь? »

КАРНАВАЛ

В Ницце, на бульваре Гамбетта, встретились двое русских.

« Ну, как дела ? »

« Как сажа бела. А у тебя ? »

« Ничего себе : есть надежды ».

« А у меня подошли разные платежи, в лавках долги. Работы нет, ищу, ищу... »

« Здравствуйте, нет работы ? А что у нас на носу ? То есть, не у нас, а у города Ниццы ? »

« Шут его знает. Я городскими делами не занимаюсь... в чем дело ?

« В чем ? Да в ежегодном событии, берущим начало от Средних Веков.

« Опять в библиотеке исторический роман взял ? Вот и говоришь напыщенными фразами. Выпьем, что-ли ? »

Зашли в русский бар-ресторан. Хозяин страдает ревматизмом по причине давнего ранения, жена скучает по случаю плохих дел. Кругом тускло и неуютно. Приятели заказали по стакану красной кислятины, подававшейся под видом « вина » и продолжали разговор.

« Так ты не знаешь, что в Ницце готовится ?, — снова пристал Семен Николаевич. Не надо для этого исторических романов читать, а проходя по главной улице, поднять голову и посмотреть. Что там происхо-

дит? Для чего площадь Массена украшена? Для кого трибуны ставят и ложу воздвигли?»

«Это ты про Карнавал?»

«Насилу догадался. Всегда рохлей был, рохлей и останешься. Ноешь: «нет работы», а работа сама тебя ищет».

«Ну?? Какая работа? Говори скорее!»

«Карнавальная. Иди в Бюро и записывайся, просись в кавалькаду. Хорошая плата, плюс два литра вина в день. Это тебе не фунт изюма. Напялишь на себя маскарадный костюм, сядешь на коня и следуй за его величеством Карналом. Кони смирные».

«Воображаю! Вероятно клячи из похоронного Бюро, что когда-то покойников таскали».

— А какое тебе, собственно, дело, что лошади из бывшего похоронного Бюра?

— Ну, все-же неприятно: сидишь на коне и думаешь, что его в катафалк запрягали.

— Велика беда! Ну, вообрази себе приятное: будто умер ты в чине генерала. На катафалке твой гроб стоит, сзади несут на подушках ордена; военный оркестр играет Марш Шопена... вот тебе и станет легко на душе.

— А ну тебя, — отмахнулся Петр Степанович. — тоже, нашел утешение.

Выпили еще по стаканчику, потом направились туда, где принимали и записывали фигурантов для карнавального шествия.

Наврав дирекции, что они «козак рюсс», Степан Николаевич и Петр Семенович получили предпочтение перед другими претендентами. Им выдали талоны и велели явиться за день до Карнавала для примерки костюмов. Кроме двух приятелей, в бюро явилось немало народу, — преобладали итальянцы и алжирцы, попадались и наши русские. Покончив с формальностями, все объединились, — пошли угощать и угощаться в русский ресторанчик. Хозяин на этот раз охотно

отпускал в кредит: у публики предстоял заработок, следовательно ему — барыш.

**
*

20-го февраля на улицах Ниццы уже днем можно было встретить ребятишек в пестрых маскарадных костюмах, в смешных или звериных масках; в руках — картонные трубочки с каскадом бумажных лент. Лица выражали радостное волнение.

Въезд его величества Карнавала с супругой и кортежем, был назначен в 20 ½ часов. К этому времени оживленные толпы народа стекались к улице где должно было начаться карнавальное шествие.

Озабоченные полисмены следили за изменением направления автокаров, автомобилей и прочих машин, очищали середину главной улицы, сдерживая наплыв публики.

Раздались три пушечных выстрела. Под звуки специально сочиненного для него марша, предшествуемый факельщиками, появился его величество Карнавал со свитой и кортежем. На колесницах, вышиной с трехэтажный дом, играли городские музыканты, впереди танцовали ряженые. Вперемежку с кавалькадами шли смешные фигуры и огромные головы, вертясь на ходу и раскланиваясь. — Степан Николаевич был скрыт под одной из этих нелепых голов, а Петр Семенович ехал на старой кляче. Он был закован в посеребренные картонные латы, по голове ерзал шлем, всаднику приходилось поправлять его свободной рукой. За ним следовала кавалькада подобных ему фигурантов.

Ехали шагом; одряхлевшие кони перебирали опухшими ногами под спускавшейся до земли попоной. Из глазных прорезов материи покрывавшей голову, кони видели хвост другой лошади шедшей впереди и мечтали об отдыхе в конюшне.

Петр Степанович задумался. Его ноги отвыкшие от

верховой езды, скоро все же слились с телом послушного животного. Звуки карнавального марша скользили мимо слуха, колесницы и уродливые маски не привлекали его внимания.

Видел он... молодого корнета недавно произведенного в офицеры. На плечах новенькие погоны со звездочками; в глазах — восторг, какой бывает у щенка, не знающего куда девать избыток хороших чувств. Рука поминутно тянется к зарождающимся усам, в голове вихрь мыслей, а главное — влюбленности. В кого?

Он едет верхом по узкой дорожке спускающейся к лесу; за ним — поворот и усадьба. Вид обычный, уютный и приветливый. Небольшая терраса с навесом, четыре колонны повитые диким виноградом.

Идущая по двору горничная, увидев юного всадника, улыбается, кланяется и звонко кричит: «Андрий Ахванасыч, паныч с Пидгорного до нас приихали». Открывается дверь дома, с крыльца террасы спускается Андрей, старый лакей господ Комаровых. У него расчесаны бакенбарды, лысина, и не хватает переднего зуба, отчего он шепелявит: «Ждрашствуте, ваше Вышокоблагородие. Барышни у саду в гамаке под липами». Корнет бросает ему поводья, соскакивает с коня, идет в сад. Гамак и липы недалеко от дома. Оттуда несется хохот и говор девичьих голосов. Зина, Оля, Катенька, Тонечка... в которую влюбиться? Все хороши. Ольга — красавица, но «холодна как лед». Зина готовится в Консерваторию, с ней можно говорить только о музыке. Катенька — невеста, а Тонечка?

«Моя сероглазая мечта», определил в тот же вечер корнет, танцуя с нею вальс.

Шествие Карнавала огибает площадь и останавливается против трибун, где черно от публики. Клики, приветствия, летят конфетти, вьется серпантин. На

главной улице оживленный бой конфетти, они взлетают разноцветными облачками, кружатся в воздухе. Хороводы масок замыкают в свой круг проходящие пары и заставляют их целоваться, — без этого не выпустят. Дети проявляют полный азарт: хватают горстями с мостовой конфетти и бросают в лица гуляющих. Карманные воры успешно занимаются своим делом: во время Карнавала у них всегда хорошие заработки. Кое где происходит давка, но везде смех и веселье. Конфетти покрывают мостовую толстым ковром, — вот будет под утро работы городским уборщикам! Хотя им помогают пожарные трубы, смывая водой, но все же камьон-другой нагрузят мелкими кружочками бумаги, чтобы отвезти на свалку. Несколько дней после Карнавала можно будет видеть конфетти приставшие к решоткам скверов, возле панели и даже на одежде прохожих.

***

Больше трех часов длится веселье на улицах Ниццы. Горит разноцветная иллюминация, улыбается со своей колесницы его величество Карнавал, пляшут и скачут ряженые, играют оркестры, толпа куда-то стремится или стоит, любуясь грандиозным кортежем. Шутки, хохот, танцы, музыка, и не видно под масками лиц уставших фигурантов, с нетерпением ждущих конца и продолжающих развлекать беснующуюся публику...

***

Петр Семенович опять видит себя корнетом:

...Под звуки военного марша, по улицам родного города, полк идет в конном строю. Стоящая на троттуарах публика, апплодирует; у многих слезы на глазах, — всю эту русскую молодежь отправляют на войну.

На вокзале стоит воинский поезд, — вот-вот дви-

нется. Перегнувшись из окна, молодой корнет жмет теплую ручку. Семья и знакомые провожают его, но видит он лишь печальные серые глаза и неестесвенную улыбку на губах.

— Приезжайте в отпуск, Петя, пишите... мы все будем ждать вас.

Поезд начинает медленно двигаться. Петя осмеливается сказать: « Тонечка, я люблю вас... а вы ? »

« Я вас тоже, » — едва улавливает он среди вокзального шума. Маленькая ручка выскальзывает из его руки. Поезд идет быстрее... быстрее, и вот уже скрылась вдали изящная девичья фигурка.

***

Его величество Карнавал помещен в своей нарядной ложе. Публика расходится по домам, течет рекою по улицам Ниццы. Участвующие идут и едут сдать свои костюмы и прочие атрибуты, поставить в конюшни лошадей и получить директивы для следующего выезда Карнавала.

Думы плетут все ту же сеть воспоминаний.

Революция. Бывшая власть потеряла свой авторитет. В столице — хаос и безначалие. Людская злоба разжигается пропагандой. Выростает нелепая ненависть человека к человеку. Массовые аресты. В собственном отечестве, где родились и служили, — объявленные « врагами народа », запуганные люди прячутся, скрываясь от своих.

У офицеров срывают погоны. Петр Семенович долго не снимал своих, рискуя жизнью. Но однажды его окружили, расправа была неминуема. Чудом ему удалось вырваться; бежал через чужие дворы, перелезал какие-то заборы, укрывался под защитой подъездов... гнавшиеся потеряли его след.

Перед отъездом в Добровольческую Армию, он ви-

дел Тонечку : в длинном хвосте за провизией, она мерзла переминаясь с ноги на ногу, согревая дыханьем красные от мороза ручки. Казалась такой хрупкой и несчастной. Он не смел подойти, боялся, что его узнают, а это могло принести ей вред.

После, в беженстве, с дикого острова Лемноса, затем из Франции, он писал ей : ответа не получил. Не дошли письма... или ?

⁂

По дороге домой, Петр Семенович переходил площадь, где в ложе под городским гербом стоял его величество Карнавал.

Механизм внутри бездействовал. Гигантские руки, посылавшие приветствия, покоились на коленях. На лице застыла традиционная улыбка; не освещенная иллюминацией, она казалась печальной. Но сам Карнавал был величествен, даже красив в своем уродстве. « Калиф на час », прошептал Петр Семенович, « твое эфемерное владычество еще короче моей юности. Девять дней будешь королем, в десятый тебя сожгут на костре под пляс и хохот толпы, под гром фееверков и пальбу ракет. Что после тебя останется ? Пепел и дым, развеянные ветром ? Я, твой рыцарь в картонных латах, провожу тебя на казнь и буду свидетелем, когда тебя поглотит огонь людского непостоянства. У тебя лицо осужденного, — знаешь, что сожгут и... забудут.

Нет, не все забудут.

Несколько русских беженцев в Ницце почтут твою память за стаканом вина. Поблагодарят за то, что ты дал им возможность заработать и облегчил трудную жизнь.

⁂

РОКОВАЯ БЕСЕДКА

(Из семейной хроники)

В конце прошлого века, в одной из наших южных губерний, жил состоятельный помещик Лутонин.

Шла молва, будто ревностью и необузданным характером, он замучил свою молодую жену. Осенней ночью, спасаясь от ярости мужа, она убежала из дома и где-то скрылась. Лишь под утро отыскали ее, полузамерзшую в отдаленной беседке, закутали, принесли домой; вызвали доктора, — но было поздно, горячка сожгла остаток жизни.

Соседи возмутились; многие даже перестали принимать у себя Лутонина. Он предался горю и раскаянию. Топил тоску в вине, охотился, истребляя без надобности окрестную дичь. Периодами покидал дедовский дом и месяцами живал в столице.

* * *

В Петербурге на Знаменской улице был маленький магазин, где продавали материалы для дамских рукоделий: модные в то время ленточки «помпадур», синельки, шелка, бисер и прочее. За прилавком сидела хозяйка, почтенная дама. Ей помогала молоденькая дочь.

Кроме покупательниц, заходили в магазинчик и

мужчины; они брали какой-либо товар, вплоть до «коклюшек» (для плетения кружев). Иной раз, будто невзначай, оставляли на прилавке букет цветов. Мать, если замечала, немедлено отдавала обратно, хотя догадывалась, что цветы были данью красоте ее дочери; была она хороша на-редкость, и молва об этом передавалась из уст в уста. Немудрено, что эстеты, поклонники и просто любопытные заходили в магазин поглядеть на Дорушку — ее имя почему-то всем было известно.

Возможно, что от любования и вздохов, кто-либо перешел бы границы дозволенного, но от этого ограждали молодость и невинность девушки, а кроме того, строгая мать не оставляла ее одну. Она влияла на дочь, и та слушалась, — ведь тогда времена были другие...

⁂

Но, как ни берегла мать свое дитя, пришла и для него пора. Стала Дорушка задумываться, что-то в себе таила, не поверяла матери. Началось с того дня, как вошел в магазин высокий господин с огненными глазами и холеными руками.

Как увидел юную красотку — будто остолбенел; таким ее окутал взглядом, что она, смутясь, опустила голову.

Он долго выбирал какие-то узоры. Мать заметила, что у дочери, раскладывавшей товар, дрожали руки. Она не поднимала глаз; тень от ресниц терялась в загоревшемся на лице румянце.

Покупатель ушел, и с той поры будто подменили девушку. Стала рассеянная, грустная, неразговорчивая. Умолк ее смех. Рано уходила спать, ссылаясь на усталость.

⁂

Этот господин стал появляться почти ежедневно. Но едва ступал на порог, насторожившаяся мать тотчас приказывала дочери убрать полку, или проверить какие-то счета, а сама принималась показывать товар. Статный барин небрежно перебирал его, покупал мелочь и уходил недовольный.

Как-то пришел и сразу попросил : « Разрешите вашей дочери заняться мною-? Помочь мне выбрать материал ? Завтра я уезжаю в свое имение, соседки поручили мне купить кое-что для их рукоделий ».

Озадаченная мать не посмела отказать ему. Он отложил немало товару : брал все, чего касалась рука Дорушки, был корректен и остроумен. Она отвечала улыбками, глаза сияли.

Как ни следила за ними мать, все-же он смог передать записку. Заплатив, велел послать пакет в Северную Гостиницу; оставил визитную карточку : « Василий Николаевич Лутонин ».

У девушки появилось чувство, будто не клочек бумаги, а камень лежит в руке. Поколебалась, вздохнула, и передала записку матери.

« Дорушка ! Я полюбил Вас. Уезжаю ненадолго, вернусь. Ждите меня. До свиданья. В.Л. ».

***

Лутонин вернулся в Петербург только через несколько недель. Зашел в магазин на Знаменской, но не застал там юную красотку. Мать сообщила, что она гостит в провинции у тетки. Нахмурясь, он молча поклонился. Вышел, хлопнув дверью.

В течении зимы Лутонин неоднократно останавливался у витрины магазинчика, заглядывая внутрь. Дорушка не показывалась, и он не заходил.

***

Прошло около двух лет. Василий Николаевич попрежнему жил в имении занимаясь хозяйством и охотой, наезжая по делам в столицу.

Как-то перед Рождеством, проходя по Невскому мимо Гостиного Двора, заметил подъезжавшие санки. Нарядный кучер осадил рысака под голубой сеткой. Вышла молодая дама в шубке, отделанной мехом, в шапочке с вуалеткой. Она показалась Лутонину знакомой. Вошла в Гостиный Двор, — он — за ней. Остановилась у лотка с выборгскими кренделями. Взглянул в лицо, вспомнил : « Дорушка ! »

Молодая женщина вздрогнула, обернулась : те-же искристые глаза, похорошела, возмужала. Светлыми прядями, волосы оттеняли свежее личико. Они обрадовались друг другу. Пошли рядом, словно были давнишними знакомыми, будто никогда не расставались.

Завернутый в бумагу крендель так и остался на лотке, хотя торговец звал покупательницу.

Лутонин узнал что Дорушка, — теперь Дарья Ниловна Бушева — замужем за купцом Первой Гильдии. Живет в Петербурге в собственном доме, что у нее есть маленький сын.

На вопрос « счастлива-ли она ? », ответила уклончиво : « Ничего... живу », и стала расспрашивать : « Вспоминали обо мне ? »

Лутонин рассказал, что вернувшись два года тому назад в столицу, не застав ее в магазине, досадовал, уехал в деревню, думал о ней, тосковал : « все бы отдал, чтоб хоть издали поглядеть на вас ».

Было-ли это на самом деле ? — ему казалось, что да. Много чувства вкладывал он в свои слова. Загорался мечтой от ее близости, сам верил во все, в чем убеждал собеседницу. Распространялся о « загубленном счастьи », о своем одиночестве, и о том, что никогда, ни одна женщина не производила на него подобного впечатления... « Отчего не дождались меня ? »

Они очутились на Садовой где всегда толпился на-

род. Шли, никого не замечая, спеша высказать то, что накопилось за два года и рвалось наружу, — а главное — хотели наглядеться, чтобы сохранить в памяти черты один другого.

Вдруг Дорушка спохватилась : « Пора домой ».

Они вернулись в Гостиный Двор, к тому месту где ждал кучер. Расстались влюбленные, взволнованные.

Лутонин задержал ее руку, спросил : « Где встретимся ? »

***

На следующий день бродили по Музею Александра III-го, продолжая, будто и не прерывали, вчерашний разговор. На той же неделе катались на коньках, сплетая руки, под томную музыку несущуюся с иллюминованной эстрады. Молились в Исаакиевском Соборе. Гуляли по набережной Невы, и каждая разлука была для них томлением и мукой.

***

Перед большим трюмо*) горничная одевала Дарью Ниловну на бал в Купеческое Собрание. Нелегко давалась ей эта задача ! Всегда кроткая барыня придиралась, нервничала, не могла остановиться на выборе платья. Одно чуть не сорвала с себя, другое, едва прикинув, швырнула на кушетку.

Остановилась на бархатном, серебристо-розовом, опушонном голубой лисицей, может быть потому, что послышались шаги мужа.

Он вошел, одетый во фрак, и удивился : « Что же ты, мать, еще не готова ? Небось, уж все съехались. Пора бы и нам, поторопись. Она как-то сжалась. по-

---

*) Стоячее зеркало.

тух огонь в глазах. Машинально вдела в уши бриллиантовые серьги, накинула на шею жемчужную нить. Торопливо застегнула браслеты и натянула длинные перчатки.

« Готова ? » — спросил муж.

« Веер, барыня, забыли, » — догнала в корридоре горничная. В передней, лакей подал подбитую мехом ротонду, накинул на голову капор.

Вдруг, вспомнила : « не перекрестила на ночь сынишку, » — и метнулась-было к детской.

« Ну ? Едем, что-ли ? Чего ты сегодня валандаешься ? » — нетерпеливо обернулся Бушев. Она подобрала шлейф платья и пошла за мужем.

В лицо пахнула морозная ночь. Захлопнулась дверца кареты. Замелькали огни Невского проспекта.

***

Лутонин стоял у дверей зала.

Бальную музыку, нарядную толпу, сверканье хрустальных люстр с сотнями зажженных свечей, — ничего этого не видел и не слышал. Ждал. Сердце то усиленно билось, то замирало. В каждой входящей паре не было той женщины ради которой пришел.

Но вот, появилась она, рядом с тучным бородатым господином с затянутыми в белые перчатки крупными руками. Возле него, она казалась особенно тонкой, воздушной, неземной.

Их глаза сразу нашли друг друга. Он не посмел поклониться ей, да этого и не требовалось : найдется предлог потанцовать, поговорить.

***

Бушев прошел в смежный зал, где играли в винт. Его не так интересовали карты, как встреча с людьми пригодными для его торговых дел. Он охотно проигры-

вал даже крупную сумму намеченному лицу, увереный, что барыши от этого знакомства, во много раз покроют проигрыш.

Его молодая жена, отвечая на поклоны и приветствия, осталась в танцовальном зале. Вскоре возле нее очутился Лутонин.

Они смешались с нарядными парами, закружились в вальсе, но видели только друг друга. Увлеченные танцем, близостью, не хотели да и невозможно было остановиться, прекратить охватившее очарование. Им начало казаться что зал тесен, что они задыхаются; хотелось простора, дали, неизвестного а главное — быть вдвоем... вдвоем.

Смолкла музыка; по инерции, они остановились едва очнувшись от пережитого. Разомкнули объятие вальса, пошли в зимний сад. Там было прохладно, а им показалось — жарко.

Дорушка села в кресло. Шлейф платья зацепился за ножку. Лутонин поправил; вздрогнул, нечаянно коснувшись ее колена. Она раскрыла веер, стала обмахиваться. Струя духов нежно ласкала его лицо.

И вот, он заговорил. О чем ? Конечно, о своей любви. Слова были банальны, избиты, черпали свое начало в глубокой древности. А ей казались стихами льющимися под аккомпанемент несмолкавшего оркестра : так поет соловей при шелесте листьев, под журчанье ручейка.

— Дарья Ниловна, я не в силах расстаться с вами. Я весь в вашей власти, будто околдован. Вы как-бы влились в каждый фибр моего существа. От вас зависит сделать меня... нет, —нас обоих — счастливыми на всю жизнь. Вы тоже любите меня, я это чувствую. Так уедем-же вместе, сейчас-же, с этого бала. Соединим наши жизни, чтобы не расставаться. Я добьюсь вашего развода мы женимся. Я так хочу, решил, и так будет. Согласны ? — он взял ее руку, крепко сжал. « Согласны ? »

Она молчала. Не могла сказать « да », не было сил отказаться.

— Дорушка? вы колеблетесь, но я решил за вас. Если не согласны с моим предложением, то мне остается... — откинувшись на спинку стула, он вынул из кармана небольшой револьвер, открыл его. « Видите? Он заряжен. Я застрелюсь тут же, на этом месте. Своих решений никогда не меняю. Или вы будете моей, или я покончу с собой. Выбирайте.

Дарья Ниловна закрыла лицо руками. Веер скользнул на ковер. Она была вне себя. Сказала едва внятно :

— Как-же могу я решить так внезапно? Я замужем, у меня сын...

— Дорушка, поймите : связавшее нас чувство сильнее семьи, общественного мнения, предрассудков. Если вы меня любите также как я вас — слушайтесь того, что подскажет вам сердце. Поступите по его велению.

Она опустила голову. Руки упали вдоль кресла. Подумала. Вздохнула. Ответила тихо, но твердо : « Я согласна. Ждите меня у подъезда. Я напишу мужу несколько слов. Он... поймет ».

Лутонин выпрямился. Во взгляде мелькнуло торжество. Медленно спрятал револьвер, коснулся ее плеча, прошептал : « Я верю вам. Верьте и вы мне, — после чего быстро вышел. Дарья Ниловна смотрела ему вслед.

Встала, направилась в дамскую комнату.

***

Бушев сидел в своем кабинете. Вернувшись с бала, еще не снял фрак. Разорванные перчатки валялись на полу. Пепельница хранила гору окурков, — он не переставая курил. Не знал, который час, какой день. Не ел,

не пил. Приказал лакею никого не впускать и являться лишь на зов.

Прислуга не смела беспокоить хозяина; мимо двери кабинета ходили на цыпочках. Шептались о том, что « барыня не вернулись из Купеческого Собрания, а барин, вот уже вторые сутки, — не в себе ».

А перед ним лежал клочек бумаги со спешно написанными словами :

« Петр Андреевич, я встретила того человека, о котором Вас предупреждала накануне свадьбы. Я пошла за ним. Пришло время исполнить Ваше слово, которое Вы дали мне. Оставляю Вам сына. Будьте великодушны, разрешите хоть изредка взглянуть на него. Простите меня. Дарья. »

***

Это было два года тому назад.

Петр Андреевич Бушев, состоятельный оптовый торговец в Петербурге, перейдя за 40 лет, еще не был женат. Недостатка в невестах не ощущалось ,но он не торопился. Хотел найти себе жену по-сердцу, чтобы родила ему сына. Мечта о наследнике больше всего играла роль в его матримониальных намерениях. Род Бушевых красотой не отличался; для исправления этого недостатка требовалось взять красивую жену.

Как-то на вечеринке у родственников Петр Андреевич встретил Дорушку, и сразу-же был пленен ею. Стал присматриваться к девушке, даже заходил в магазинчик на Знаменской; она все больше и больше привлекала его, и не только своей наружностью.

В одну из деловых поездок, он снова встретил Дорушку гостившую в провинции у тетки.

Приняв окончательное решение он, как тогда полагалось — через тетку — предложил девушке « свою руку и сердце ».

В купеческом кругу Бушев считался блестящей

партией. Тетка дала принципиальное согласие, сказав что « отпишет » сестре, но предупредила, что Дарью неволить не будут, пусть сама распоряжается своей судьбой.

И вот, произошло странное объяснение.

Честно глядя ему в глаза, девушка призналась, что любит другого, но тот ей не пара: пути их разошлись, между ними не было сказано ни слова любви; но, (она это чувствовала) если бы судьба случайно свела их, то она не сможет бороться со своим чувством.

— Вот моя правда, Петр Андреевич, — заключила Дорушка. — « Если не измените своего решения жениться на мне, я согласна выйти за вас, но при непременном условии: дайте мне ваше нерушимое слово, что откажетесь от меня, отпустите на волю, когда об этом попрошу. Если же не встречу того человека, — буду вам верной женой, послушной и безупречной ».

Озадаченный, Бушев задумался. — « Отвечу завтра. »

Однако, не долго колебался. Надеялся, что девичья дурь не задержится в голове замужней женщины; по русской пословице — « стерпится-слюбится » не даром же есть такая. Соблазняла его перспектива иметь женой красавицу и, возможно, от нее сына. Влекла его и прелесть юной чистой девушки. А насчет того, чтобы она полюбила его — Бушева — он не претендовал, лишь бы уважала.

Эти соображения и чувства сыграли свою роль. Не дожидаясь следующего дня, дал невесте требуемое « нерушимое » слово, и вскоре состоялась их свадьба.

***

Спустя некоторое время после бегства Дорушки, мать ее написала зятю, прося свидания.

Он принял ее в большой комнате затянутой ковром, с тяжелыми портьерами, мебилированной дивана-

ми, ломберными столами и креслами красного дерева. Пригласил сесть, спросил : « Что скажете ? »

Она внимательно оглядела его : осунулся, постарел, глаза грустные.

— Я по поводу дочери. По ее поручению.

— Так-с... в чем дело ?

— Она уехала из Питера, о чем я узнала из ее письма где сообщила о том, что произошло. Просит переговорить с вами...

— Говорить нам не о чем. Уехала? Скатертью дорога. Погони я не посылал, обратно не требую. Стало быть, на то есть причина. Теперь она для меня — отрезанный ломоть. И кончено. — Бушев ударил кулаком по столу. « Кончено, говорю. Так и отпишите ».

— Но у вас с ней сын. Дарья просит... позволить ей...

— Ничего не позволю. Сын в наш род, Бушевский. Ничего вашего в нем нет. А что она его родила, — это верно. Не пожалела оставить сиротой? Тоже верно. Стало быть, сама от него отреклась. Я, как глава семьи, порешил : видеться с ним не разрешаю. Пусть забудет о сыне. Он тоже, — поплачет и забудет. Остался без матери? Стало быть сирота. А мой дом для нее закрыт. Так и передайте.

Мать Дорушки боялась зятя. Что сказал, что решил, — как оловом припечатал. Спорить и просить бесполезно. Она вздохнула.

— Поручила мне Дарья передать вам вот это. Прислала с оказией.

Она вынула из радикюля пакет в тонкой бумаге, развернула. Показалось жемчужное колье, бриллиантовые серьги и два браслета.

— Это ваше семейное. — Она положила все перед зятем.

— Бушевы, коли что подарили, обратно не берут. Не нужны нам эти побрякушки ». — Он гадливо от-

странил драгоценности, словно не желая даже коснуться их. Потом продолжал :

— Остались тут в доме ее вещи. Я велю горничной собрать, пошлю вам на дом, а вы отправьте по назначению. Адреса не спрашиваю : знать не желаю. Да, еще. Вы дали за ней приданого 50 тысяч. Получите обратно в Купеческом Банке всю сумму сполна, я распоряжусь, вам выдадут.

Бушев встал.

— Простите, Петр Андреевич. Дарья спрашивает еще насчет развода. Потому что... тот господин хочет жениться на ней. Вот и его письмо к вам. Он готов дать любое удовлетворение.

— Удовлетворен я по-горло. Хочет он жениться, или не хочет, это меня не касается. Развода не дам. Письмо его оставьте себе на память.

Бушев брезгливо толкнул разрезным ножом запечатанный конверт; тот упал на пол перед матерью Дорушки. Зять позвонил в колокольчик и приказал вошедшему лакею : « Проводи барыню, »— молча поклонился и, резко дернув портьеру, ушел в свою комнату.

Ночью Бушев не мог уснуть. Посещение тещи взволновало и потрясло его. Что-то в ее голосе, манерах, в чертах лица, — напоминало Дорушку, и он не мог отделаться от впечатления ее невидимого присутствия.

Шел второй месяц, как она покинула его дом. Петр Андреевич старался вычеркнуть ее из памяти; гневом и силой воли гнал прочь ее образ; по-уши окунулся в свои дела и спекуляции. Жена стала ему казаться « отрезанным ломтем », тем более, что в интимных отношениях они были чужды друг другу.

В первый же год женитьбы — до рождения сына — он почувствовал, что жена только исполняет свой

долг, верна взятой на себя обязанности, но никакой страсти он в ней не вызывал. Несмотря на это он ее баловал, ни в чем не отказывал, был предупредителен и ласков, насколько это допускала его замкнутая натура.

Появление на свет ребенка ничего не изменило. Когда Петр Андреевич пришел поздравить и принес ценные подарки, она поблагодарила, не выразив особенной радости.

И вот тут, лежа в постели, впервые после свадьбы, затронула, казалось умолкший, вопрос: « Помните слово, что дали мне ? »

Он вздрогнул. « Бушев своего слова не забывает. А что, разве ?.. »

— Нет. Я оттого напоминаю, что думала, не выживу от родов. А теперь снова хотела бы услышать, что вы согласны... в случае чего... отпустить меня ?

Не говоря ни слова, он утвердительно кивнул головой, но взглянул, — будто ножом ударил.

***

В том, что у Дорушки не было любовника, Бушев убедился поручив сыщику слежку. Она была верна ему.

Стало быть, ее не оставляла и мучила мечта. Мечта о любви, о счастии, не найденном в замужестве.

Ребенок оказался хилым, золотушным. Наружностью пошел в род Бушевых, не наследовав от матери красоты кроме цвета волос, но их рыжеватость лишь подчеркивала его уродство.

Рождение мальчика чуть не стоило жизни Дорушке. Доктора запретили ей иметь детей.

Супруги стали жить на разных половинах. Она приняла это со скрытой радостью, а муж, охладевший к своей « субтильной » супруге, помирился с обстоятельствами и зажил как-бы холостой жизнью.

Однако, он любил Дорушку. Любовался и гордился ею, особенно показываясь с ней на людях или принимая у себя гостей.

Дарья Ниловна была не только украшением его дома; он охотно беседовал с ней, даже говорил о своих делах. Ее веселый смех вызывал улыбку, отвлекал от непрестанных комерческих комбинаций; случалось даже что ее вдумчивое слово или удачное замечание нравились ему, озаряя иным светом принятое-было решение. Она как-бы перешла на роль его любимой дочери, светила и грела как солнечный луч.. И вот, его доченька покинула его. Луч солнца погас.

***

Когда пришла теща, Петр Андреевич особенно остро почувствовал одиночество и моральную пустоту. Заныла мысль о побеге Дорушки, о том, что теперь она с кем-то другим, кому беззаветно отдает свою молодость, прекрасное тело, непосредственный ум, и сама испытывает чувство которое не мог вызвать в ней законный муж. Расцвело в ней то, что ревниво скрывала ото всех.

Вернула подарки... просит развода... ушла.

Не замечая времени, Петр Андреевич всю ночь ходил по кабинету. Мысли о случившемся, воспоминания, одолевали его, затуманивали окружающее, столкнули куда-то все его дела, рассчеты, комерческие операции.

Когда стало светать, он разорвал ворот рубахи, направился к буфету, достал из шкапика коньяк, большими глотками выпил почти всю бутылку.

***

Лутонин привез Дорушку в свою усадьбу, на руках внес в старинный дом предков. Велел принести

для нее из оранжереи цветы и растения, — роскошно убрали залу, будуар, столовую.

В ее комнате, обитой шелком, стояли кресла и диванчики со множеством атласных подушек, пол был застлан коврами и шкурами диких животных. С утра до ночи горел камин.

Василий Николаевич то бурно ласкал свою возлюбленную, то любовался ею, обнаженной, не смея дотронуться, следя за бликами от горевших дров, трепетавших на ее прекрасном теле. Иногда уводил Дорушку в свой кабинет, усаживал на отоманку, читал стихи или пел, аккомпанируя себе на гитаре.

Они жили вне жизни, замкнувшись в своей страсти, опьяненные ею.

***

Настала весна. Сад стряхнул снежный покров, на голых ветках набухли почки. Птицы начали свои веселые концерты. Дни удлиннились. Солнце пекло все жарче, и под его поцелуями развертывались нежные листья и выглядывали первые цветы.

Для Лутонина и Дорушки время будто остановило свой полет, но... приходили из столицы письма и телеграммы. Ей писала мать, его вызывали по неотложным делам.

Василий Николаевич должен был уехать на неопределенное время. Взять с собой Дорушку ? Об этом и думать не хотел, — остерегался столичных соблазнов, а главное того, что в Петербурге остался ее ребенок... Никогда между ними не было о нем разговора, но иногда Дорушка глубоко задумывалась, или, со слезами на глазах, молилась перед иконами.

***

За садом, вдоль проезжей дороги начинался парк; в конце липовой аллеи стояла беседка, где несколько лет тому назад, нашел Лутонин свою полузамерзшую жену.

— Пора бы снести эту беседку, — думал он, но откладывал или забывал исполнить это намерение.

Перед отъездом в столицу охватила его внезапная тревога, но так-же быстро исчезла как и появилась, сменившись влекущими картинами: он видел перед собой набережную Невы, Острова, Петербургские театры, уютные рестораны, ужины в холостой компании...

***

У балкона, кутаясь в оренбургский платок, стояла Дорушка. Солнце осыпало блестками ее пышные волосы. Она кормила воробьев, сбившихся стайкой возле ее ног.

Подошел Лутонин, спугнул птичек, обнял Дорушку, велел идти в дом:

— Простудишься, напрасно вышла наружу в легком платье.

— Да ведь весна, тепло. На мне шерстяной платок.

— Ну-ну, не спорь, делай что я говорю.

***

Он уезжал рано утром. Не захотел чтобы Дорушка провожала его — «долгие проводы, лишние слезы». Крепко целовал, смотрел в глаза, словно что-то внушал. Еще объятие и, быстро, не оглядываясь, спустился с высокого крыльца; на нижней ступени задержался, приказал отрывисто: «Ты, Павел, за барыней присматривай... мало-ли что? А если заметишь неладное, немедленно дай телеграмму, а не то...»

Павел вздохнул: «Не сомневайтесь, барин».

Лутонин сел в экипаж, не сделав даже прощально-

го знака рукой; обратился к кучеру : « Ну, с Богом, трогай ». Подхваченная тройкой, коляска скрылась за поворотом. Дорушка махала вслед платком, которым тутже утирала слезы.

Лакей стоял в раздумьи у крыльца. Взгляд и слова барина напомнили ему ту осеннюю ночь, когда, спасая от его ярости молодую жену, он выпустил ее с черного хода накинув на плечи свой полушубок. Она побежала, полушубок скользнул на дорожку, Лутонин, споткнулся на него, а после... ну, да что вспоминать? Шрам на щеке по сей день виден на лице Павла.

***

Оставшись одна, Дорушка прошла в свой будуар, велев горничной подать туда чай. Однако до него не дотронулась. Сидела в каком-то оцепенении до поздних сумерек. Достала из шифоньерки письма своей матери.

........« сама была я молода, доченька моя. Не осуждаю
« тебя. А все-же напомню : ты добровольно приня-
« ла брачный венец, клялась мужу в верности пе-
« ред святым крестом, — значит, должна соблю-
« дать себя.

« Не думаю, чтобы ты была счастлива со своим
« любовником. Небось, совесть мучит тебя? Оду-
« майся. Не пара он тебе : барин образованный, а
« ты ? Только-что грамотная. Красива, бесспорно,
« но разве удержишь мужчину одной красотой?
« Она увянет, надоешь ему. Эх, дочурка моя! На
« глупое увлечение променяла ты хорошего мужа,
« уважение в обществе. Даже сына не пожалела, —
« при живой матери, бедняжка остался сиротой.
« Петр Андреевич стал запивать с горя; хоть и ку-
« ражится, но любит он тебя. Не к тому пишу, что-
« бы ты к нему вернулась, — поздно. Мужний дом
« закрыт для тебя. Но, помни : хоть виновата ты
« и передо мной — причинив горе и обрекши на

« срам — а все-же сердце материнское не камень.
« Пока не бросил тебя барин, как надоевшую иг-
« рушку, одумайся. Приезжай ко мне. Приму тебя,
« не стану упрекать. Перетерпим ».

Таков был лейт-мотив писем матери.

Дорушка перечла их, задумалась. Чувствовала что мать права. Сознавала что счастье не прочно, что « не пара » она Лутонину, и не удержать его одной красотой...

Мысли бежали одна за другой, отчетливые и строгие.

« Виновата я перед мужем, сыном и матерью. Из их налаженной спокойной жизни все вычеркнула одним махом, ничего не пожалела, отдала... кому? за что? За любовь? Но так ли уж прочна, эта любовь? Мать права: « он барин образованный, а ты? »

« А я? » — задала себе вопрос Дорушка. « Одной красотой не удержишь мужчину ».

Подошла к туалетному столику. Зеркало отразило лицо с красным от слез носом, опухшие веки. Красота проходит, она хрупкая, а что остается? « Он образованный, а ты, — только что грамотная ».

Но... разве может она уйти от него, когда от одного ласкового слова трепещет ее сердце, от малейшего прикосновения загорается огонь и тает рассудок.

Подумала Дорушка о своем маленьком сыне. В душе вспыхнула жалость. « Остался сиротой при живой матери! » И как бы каленым железом пронзило воспоминание: когда в тот роковой вечер, ехала на бал в Купеческое Собрание, то не перекрестила на ночь малютку. А после уже не видела его, между ними стала будто каменная стена. Неужели так низко пала она, что ради « глупого увлечения » (по словам матери), забыла свои обязанности, пожертвовала всем своим окружением?

И вот внезапно Дорушка сознала, что подкладка ее увлечения была не серьезна, не глубокой, что гналась

за мечтой. Лутонин как бы околдовал ее с первого взгляда. И даже спустя 2 года, будучи замужем, при случайной с ним встрече, сразу опьянела она, и хмель этот не отпускает, затемняет рассудок.

Среди этих мыслей, Дорушка перешла в кабинет Лутонина. На диване лежала гитара, оставленная накануне отъезда, после того как он пел ей, перебирая струны.

Над диваном висели ружья, патронташ, головы дикого кабана и коз; волчья морда скалила зубы.

Лутонин страстный охотник, а Дорушка не умеет и стрелять, ружья в руки не возьмет, — боится. Он учил ее кататься верхом, но не было у нее влечения к этому спорту; предпочитала, доехав до рощи, слезть с коня и сесть под деревом обнявшись с любимым.

Он читал ей стихи, пел песни. Она слушала, но... не все понимала, особенно скучны были стихи. Спросить объяснения — стыдилась. Иной раз, войдя случайно, заставала его за книгой. Он бросал чтение, целовал ее, слушал что она говорила, но отвечал не всегда впопад, — очевидно мысли его оставались на страницах раскрытой книги.

Вот, вдоль стены тянется большой шкап. На полках рядами стоят книги. Он их прочел, запомнил то, что в них напечатано. А она — его спутница Дорушка — даже некоторых заглавий не понимала. Здесь отдел иностранной литературы : немецкой, английской, французской. Иностранных языков она не знает. Рассматривала « картинки », но где-же ей понять напечатанное ? Не одолеть и десятой доли того что знает Василий Николаевич, о чем обсуждает с приятелями. А Дорушка сидит как дурочка, ничего не смысля, и втихомолку зевает от их ученых разговоров.

Не в курсе она и того, какие у него дела в Петербурге, зачем его туда вызвали ? Бывало и муж ее, Петр Андреевич, уезжал по делам, но она знала, что едет он совершать торговые сделки, подписывать выгодные ус-

ловия; все это объяснял ей, и радовался что она слушает и вникает. « Хочешь, поедем со мной в Нижний-Новгород ? Прокатишься, развлечешься », — предлагал он. А Лутонин даже не намекнул на то, чтобы взять ее с собой. А могла бы поехать, повидала бы мать, может быть хоть издали взглянула бы на сынишку своего...

Переживая то, что клубилось в думах, Дорушка очутилась в гостиной. Опустилась на табурет перед роялем. Открыла инструмент, взяла несколько аккордов. Взгляд скользнул и задержался на тетрадях переплетенных нот : Гайден, Бетховен, Россини, Моцарт, — все серьезная музыка, которую любил Лутонин, играл вечерами, а она слушала не слыша, думая о своем. Когда-же он днем отлучался по хозяйству, садилась к роялю и тихонько наигрывала знакомые мотивы романсов : « В дверь стучится ветер зимний », « Глядя на луч пурпурного заката », или играла польки и вальсы. Осторожно опускала крышку на клавиши, когда раздавался голос возвращавшегося.

И вот он уехал, может быть на месяц. Тоскливо и одиноко в большом доме, где все прибрано, блестит, паркеты навощены, дорогие безделушки заперты в горках за хрустальными стеклами. Все чинно, размерено. Горничная во-время позовет : « Барыня, пожалуйте кушать », за стулом будет стоять молчаливый мрачный Павел.

Захочет кататься, — подадут коляску, повезет ее кучер по известной дороге, вдоль полей принадлежащих Лутонину, мимо рощи, и повернет обратно, там где барин не велел катать ее дальше. Знакомых помещиков нет. Кто-же примет в свой дом, ее, любовницу причудливого соседа ? У Лутонина бывали только холостые приятели. Он хвастался ею также, как и породистой лошадью своей конюшни. Дарье Ниловне целовали ручку, она занимала место хозяйки, но разве не

замечала скользящих по ней, словно раздевающих, взглядов мужчин?

Грустные дни сменялись тоскливыми вечерами. На ночь Дорушка молилась перед иконами. Слезы застилали глаза, когда поднимала их на Божью Матерь с Младенцем на руках. Просила Заступницу не оставить ее мальчика — сироту. Ложась спать долго ворочалась, страдала бессонницей.

***

Через некоторое время пришли два письма. Повертела в руках, распечатала. Мать пишет все то-же. Письмо Лутонина пробежала глазами, взволновалась, понесла с собой, — пошла пройтись по саду. Задумавшись, дошла до конца аллеи, завернула в беседку.

Там все было запущено: пол устлан прошлогодними бурыми листьями; деревянная обшивка стен кое-где сгнила, сквозь дыры просовывал тонкие ветки дикий виноград. В глубине был стол окруженный скамейками, над ним полка с разбухшими от сырости книгами.

Достала одну из них, небольшую, в хорошо сохранившемся переплете. Текст французский; заложена выленевшей закладкой. Вздохнула, положила перед собой на стол. Достала из кармана письмо Лутонина, перечла внимательно, загораясь от первых-же строк. « Любит он меня, любит! Скучает, вспоминает, целует несчетно... »

Любит? да... любит красоту ее. Вспоминает? молодое тело, глаза, лицо, волосы, грудь. А не спросит, здорова-ли, о чем думает, чем занята, не нужно-ли чего?

***

Запечалилась Дорушка, и не оторвал ее от дум любопытный взгляд молодого всадника. Став на стремена, смотрел в чужой сад.

Вход беседки, повитый дикими розами, привлек его внимание. Часть его, разрушенная временем, открывала стол, и сидящую перед ним юную женщину.

Всадник — гвардейский поручик, приехавший погостить к соседям Лутонина — катаясь верхом, не мог и подозревать, что в глуши черноземной усадьбы живет такая красотка.

« Простите, что нарушаю ваш покой. Не откажите указать мне, как проехать к помещику (он назвал фамилию знакомого у которого гостил). Я чужой в здешних местах, еду наобум с вокзала железной дороги. Разрешите вам представиться ?

Дорушка вспыхнула и, перебив молодого человека, ответила :

— Не могу быть вам полезной, я тоже не здешняя. Спросите дорогу в деревне что за парком. — с этими словами встала и быстро покинула беседку. Захватив со стола свой шарф, этим движением уронила книгу.

Поручик, заинтригованный и пораженный ее наружностью, спрыгнул с коня, перелез плетень и вошел в беседку. Посмотрел вслед удаляющейся незнакомке, но последовать за нею не посмел.. Поднял книжку. Это был томик рассказов Мопассана. Подумал : « Очевидно столичная дама, не здешняя, читает по-французски ».

Внезапно пришла ему в голову шальная мысль. Из бокового кармана достал записную книжку, написал карандашом : « Очарован вами. Хотел бы еще встречаться. Буду ежедневно проезжать мимо беседки. Надеюсь... » подписал неразборчиво, сунул листок в томик Мопассана вместе с выпавшей закладкой. Сел на коня, умчался насвистывая с игривой мыслью : « Чем чорт не шутит ? А вдруг ? »

***

Лутонин не задержался в Петербурге. Было начало летнего сезона. Столица готовилась отпустить часть своих жителей на дачи и курорты; театры закрывались, процветало лишь катание на Островах; сидели на Стрелке любуясь закатом солнца, оживленно болтали на скамейках или за столиками на Поплавке.

Василий Николаевич быстро закончил свои дела, покутил; его потянуло в свою усадьбу и к оставленной там Дорушке. Она еще не успела ему надоесть, манила своей неопытной страстью и свежестью.

Достав лошадей у знакомого, живущего при станции железной дороги, Лутонин ехал в свое имение, мимо зеленеющих, еще не заколосившихся хлебных полей, мимо свежих нескошенных лугов и маленьких рощиц с распускавшимися почками. Река, пересыхающая в жару, играла на солнце серебристыми волнами. В воздухе стоял гомон прилетевших с зимовки птиц. Дышалось легко, пьянили ароматы переходящей в лето весны.

Десять верст расстояния до имения показались нетерпеливому Лутонину долгим путешествием. Он торопил кучера, угощал его столичными папиросами, обещая « на чай ».

А в это время была подана коляска, Дорушка поехала кататься, сопровождаемая своими думами и опасениями.

Лутонин не застал ее дома. Насупился. Проглотил два стакана портвейна, помыл с дороги лицо и руки, вышел пройтись по саду. Дошел до конца длинной аллеи, очутился перед входом в беседку. Машинально зашел внутрь. Томик рассказов Мопассана, перелистываемый ветерком, привлек его внимание. Взял в руки. Книжка сама открылась там, где была вложена закладка; из-под нее выпала записка... поднял, прочел.

* * *

Вернувшись с катанья, Дорушка застала Лутонина. Но это не был ее любимый « Василек », может быть, его подменили в столице?

Не здороваясь, с перекошенным лицом, он схватил ее за руки, больно сжал, грубо толкнул на диванчик, и посыпались вопросы :

« С кем каталась? Где таскалась? Кто твой любовник? » — затем — оскорбления : « Потаскуха! Не успел я из дому выехать, как ты шашни любовные завела? Притворялась, клялась в любви, лгала мне, как лгала и мужу укатив со мной? Невинность разыгрывала? Даже я, — на что уж опытный — попался на твою удочку... ах ты, негодяйка, притворщица! »

Ничего не понимая, ошеломленная, Дорушка молчала.

Распаленный гневом, ослепленный ревностью, он ударил ее по лицу толкнул; она упала на пол, — стал топтать ногами.

« В беседке свидания назначаешь? Записки любовника в книгах прячешь? Отвечай, кто он такой? Тварь! » — Лутонин грубо, рискую вывихнуть, поднял ее за руку, поставил перед собой.

« Стыдно вам, Василий Николаевич, ни в чем я не виновата. Никаких записок не получала, ничего не прятала, нет у меня любовника кроме вас ».

— Лжешь, лжешь! — закричал он и снова ударил ее по лицу. — Вот записка. — Он помахал перед ней клочком бумаги. « А? Это что? Это тебе не доказательство? »

« Стыдно вам, сударь, издеваться над женщиной. А еще дворянин! Коли хотите от меня избавиться, сказали бы прямо, честно, нечего выдумывать, драться и какие-то записки подсовывать... Стыдно вам, стыдно », повторяла Дорушка, вырвалась и убежала в свою комнату. Повернула ключ в замке, бросилась на кровать и разрыдалась.

***

Неоднократно подходил Лутонин к ее спальне: прислушивался, стучал, молил, грозил выломать двери, — все напрасно. Ответа ему не было. Усталый, решив что « утро вечера мудренее », он наконец ушел на свою половину и забылся тяжелым сном.

Дорушка не сомкнула глаз. Мысли, которым предавалась в отсутствие Василия Николаевича, крутились, заливая мозг, не давая покоя. Ощущение обиды, воспоминание об оскорблениях и побоях, — все это мучило ее.

Призыв матери, — которую чтила и слушалась с детства, — стал превышать все остальные чувства, укрепляя назревшее за эти дни решение: Дорушка поняла, что необходимо уехать от Лутонина, немедленно, не откладывая. Порой цеплялась за мысль: « ревнует? значит, любит? », но тут-же возражала себе: « Какая-же это любовь? Оскорбление, а не любовь! В чем-то заподозрил, не проверил фактов... а может быть, просто выдумал, взвинтил себя нарочно, чтобы напугать, навести ее на мысль расстаться с ним? Но к чему-же было издеваться, оскорблять, топтать ногами, бить по лицу? Никто никогда не бил Дорушку, однако физическая боль меньше ощущалась, чем нравственная. Горячая, вспухшая щека напоминала о случившемся.

Дорушка томилась в тоске. Вставала с кровати, ходила по комнате, обдумывая, как уйти из ставшего ненавистным чужого дома, выйти незаметно, не объясняясь с Лутониным, уйти, бежать, — вот то, чего хотела, к чему рвалась.

Она собрала кое-какие вещи, сосчитала свои деньги; на дорогу хватит. На рассвете повернула ключ в замке, приоткрыла дверь. В доме тишина, лишь в столовой тикают стенные часы... или это ее сердце бьется так громко?

Крадучись, прошла в гостиную; открыла дверь на террасу, прислушалась. Кровь то приливала, то отли-

вала от головы, ноги дрожали. Спустившись со ступенек оглянулась : в доме темно, окна жилых комнат закрыты ставнями.

Дорушка обогнула клумбу настурций, свернула на аллею и, не оглядываясь, побежала, откуда силы взялись ? Вот и беседка. Бросилась на скамью чтобы отдышаться. На столе заметила книжку. Листы измяты. Не на нее-ли намекал Василий Николаевич ?.. Но ведь она французского языка не знает. Говорил про какую-то записку спрятанную в ней... да нет, наверное все выдумал, нарочно подстроил, чтобы избавиться от « надоевшей игрушки ». Мало-ли кого встретил в Питере ? Вероятно, нашел ей заместительницу. Думая это, Дорушка сама себе удивлялась : никакой боли при этом не чувствовала, ревность не мучила. Должно быть, сошло с нее наваждение : не любит, и не любила она Лутонина. Мечту свою в нем лелеяла, а мечта-то была хрупкая, растаяла от первого грубого прикосновения.

Дорушка встала, прочла про себя молитву, сама ее сложила — благодарила Господа за освобождение от навета, за то что Он прояснил ее ум. Тут-же подумала : « сколько зла причинила я своим близким... как все это исправить ? Научи меня, Господи ».

***

Покинув беседку дошла до конца сада, где начинался парк. От дороги его отделял небольшой ров; она перебралась через него, дошла до деревни. Там уже копошилась крестьянская жизнь. В одной из хат ей указали где нанять телегу с лошадью, чтобы довезти на станцию.

***

Вздрагивая, тяжело дыша, мчался поезд мимо полей, лугов и лесов, мелькавших золотистыми, зелены-

ми и пестрыми видениями. Колеса мерно отбивали аккомпанемент Дорушкиным мыслям. Взяла билет в Петербург, но изменила решение : пересядет на другой поезд, — выйдет на первой-же станции, даст телеграмму тете. Это женщина разумная, доброжелательная. Не раз гостила у нее Дорушка, и она любит свою племянницу. Конечно, пожурит... (есть за что !) но, поймет; даст хороший совет, ведь самой трудно разобраться в переживаниях и наметить будущие поступки.

Да, конечно, надо ехать к тете, переменить обстановку, успокоиться, одуматься. « А телеграмму нет, не пошлю — не буду пугать ».

**
*

Тенистая, обсаженая деревьями улица. По обе стороны — небольшие дома в глубине садов с калитками : они не заперты, — толкните и входите; дорожка поведет вас к уютному особнячку, вдоль нее полюбуетесь кустами смородины и крыжовника, клумбочками с душистым горошком, резедой, ирисами. В отдалении ростут яблони, груши, сливы. Около домика на маленькой площадке скоро поставят жаровню с медным тазом. Старушка Полина Яковлевна, — не то служанка, не то подруга тетки Дорушки, — будет мешать длинной ложкой варенье, обмотав руку полотенцем.

Обе женщины так сжились, что даже стали похожи друг на друга. Выраженье лица и разговор у них одинаковы, манеры схожи. Живут душа-в-душу. Зовут одна другую : « Полинька » и « Елена Михайловна » — в чем единственный оттенок, — хозяйки и подчиненной.

**
*

Вечером в гостиной, при керосиновой лампе, Елена Михайловна вязала из шерсти пелеринку. Дорушка

исповедовалась. Полина Яковлевна была допущена к слушанью. Она поместилась напротив хозяйки, штопала чулок и сокрушенно качала головой. Кающаяся вытирала слезы кружевным платочком и тяжко вздыхала.

— Эх, дура ты, дура, — журила тетка, — такого мужа, как твой Петр Андреевич, днем с огнем не сыскать... а ты от него, как от чумы бежала. Какого тебе рожна понадобилось? Спуталась с барином, дитя свое бросила, как щенка, прости Господи. Семью, нас, — никого не пожалела.

— Полно вам, Елена Михайловна, ну что, право? И без вашего осуждения у Дарьи Ниловны, небось, вокруг сердца змея обвилась. А вы еще усугубляете да пилите. Забыли, что и сами-то молоды были? Не все и у вас гладко проходило... все мы грешны. — При этом последовал вздох и обе женщины стали вытирать слезы.

— Ну, ладно, — сказала Елена Михайловна. — Ты, Полинька, правое слово нашла. Кто старое помянет — тому глаз вон. Подойди ко мне, Дорушка, болезная моя. Небось, как беда прикатила, так к тете сразу дорогу вспомнила. Ну, Бог с тобой, успокойся, касаточка. — Она положила руку на голову ставшей перед ней на колени племянницы и, как бывало в детстве, ласково перебирая волосы, думала, чем-бы ее утешить?

— Что же нам теперь делать? Полинька, ты что скажешь?

— Тут уж, Елена Михайловна, вам лучше рассудить. А я бы того мнения, что Дарье Ниловне следовало бы к мужу вернуться. Он простит.

— Простить-то, может и простит, а как все обставить, чтобы его не обидеть, или не подвернуться под сердитую руку? Он-то человек добрый, да ведь обида велика, и дом его срамом был покрыт.

— От срама, его ваше письмо прикрыло. Сам-же

просил, чтобы вы ему сообщили, будто Дарья Ниловна по болезни временно у вас живет.

— Неужто ? — обрадовалась Дорушка. — Тетя, милая, как-же так ? Что-ж вы мне о том ничего не написали ?

— Чего писать-то было ? Сама понимаешь.

***

На совместном обсуждении, выяснили, что Дорушке следовало-бы пожить в местном женском монастыре. Настоятельница его была хорошей знакомой Елены Михайловны.

— В монастыре помолишься, попостишься. Достойных людей встретишь, проверишь себя. А как убедишься, что дурь с тебя сошла то, с благословения матери Ефросинии, поедешь к мужу. А там видно будет. Коли простит и примет тебя, останешься при нем, а коли нет...

— Если нет, — перебила племянница, — стану Богу слугой, постригусь в монастырь.

На том и порешили.

***

29-го июня — именины Петра Андреевича. Всегда праздновались торжественно, со множеством гостей, при парадном обеде, заканчивались танцами под оркестр и ужином.

В этом-же году, за болезнью и отсутствием хозяйки, бал будет заменен карточной игрой.

Во дворе его особняка накрывались столы для угощения низших служащих и рабочих, также для всякого, кто-бы ни пришел, хоть с улицы, хоть нищий — « милости просим », — отказа не было.

***

Накануне дня Петра и Павла, Бушев обычно заказывал молебен, причащался Св. Таин., а днем принимал просителей.

Он сидел в своем кабинете; хоть и был выбрит и « припаражен », но туловище его обрюзгло, сгорбилось, черты лица расплылись, в глазах застыла печаль; Петр Андреевич принимал посетителей, входящих по-одному, остальные ждали очереди в передней. Не мало люда прошло перед ним. Он рассеяно выслушивал просьбы, машинально совал конверты с заранее вложенными кредитками; некоторые получали рекомендательное письмо, — подпись Бушева что-нибудь да значила. отказа не бывало.

На письменном столе между пепельницей и чернильным прибором, стоял кувшин квасу со льдом: накануне своих именин, после Св. Причастия, он в рот не брал спиртного.

**
*

Вот вошел, ковыляя на деревянной ноге, инвалид. На груди звенели медали, а в кармане — « вошь на аркане ». Просил места сторожа. Но какой-же сторож, одноногий ? Он получил от Петра Андреевича известную сумму вспомоществования и обещание ежемесячного жалования на харчи и махорку :

« Это тебе за оборону Отечества. Пока жив, будешь получать в моей конторе ».

Инвалид прослезился, не знал, как и благодарить. Ушел осчастливленый.

После него приоткрылась дверь. В щелку проскользнула тоненькая женская фигурка, будто монашенка, — в темном платьице, черный платок спущен на лоб, голова потуплена. Быстро прошла к письменному столу, опустилась на колени, и замерла в земном поклоне.

— Встань. Лишь перед иконой гоже этот поклон

бить, а я такой же грешный, как и все человеки. Чего просишь? Если в моих силах исполнить, — не откажу.

Женщина не поднималась с пола; ее плечи вздрагивали, она беззвучно плакала. Петр Андреевич подошел к ней.

— Ну, полно убиваться. Что за горе у тебя? Говори, не бойся. Что надобно?

— Простите меня, Христа ради.

Она откинула со лба платок. Золотистые кудри выглянули на свет, синие заплаканные глаза поднялись с мольбой на Бушева. Он остолбенел... первое движение — волна радости: « Дарья, Дарьюшка... доченька... » Но другая волна — темной обиды — захлестнула первую.

— Ага? Выгнал тебя барин-полюбовник? Сбросил, как перчатку с руки? Так ты вот и о муже законном вспомнила, прощения просишь? И выбрала такой день, когда я всех ублаготворяю. А тебя... ну, Бог простит, Дарья. Только уходи с глаз моих, нет тебе больше места в этом доме.

Медленно, камнями падали тяжелые слова. А взгляд говорил другое — в душе его шевелилось и поднималось чувство жалости.

За два года женитьбы на Дорушке, никогда не видел Бушев слез на ее глазах. Вид их поразил его. Не сознавая того, — он был эстетом. В своих деловых поездках по захолустьям, розыскивал в заброшенных усадьбах старые картины, скупал их, украшал свой дом, жертвовал в музеи или в Купеческий Клуб (где был почетным членом), посылал в учебные заведения в которых на его счет училось несколько сирот. Дорушку выбрал себе в жены главным образом за ее наружность и вот, в данный момент, любовался ею, одухотворенной горем. Слезы, блиставшие в глазах ее, казались ему алмазами с отсветом небесных лучей.

А Дарья Ниловна, не вставая с колен, исповедовалась:

— Никто не гнал меня. Сама я добровольно бежала из чужого дома. Он уехал в столицу по делам. Осталась я одна, и вот, как бы спало с меня наважденье. Стала я размышлять. Перечитала письма матери, где она журила меня, про вас и мальчика писала, упрекала. И вдруг словно озарило меня : поняла, что не любовь, а мечта держала меня возле человека, который не был избраником сердца, а заворожил чем-то ядовитым. Когда-же он уехал, то сошли с меня чары, а за ними как водой смыло воображаемую любовь. Стаал я сравнивать, да не в его пользу вышло сравнение с вами, милый мой Петр Андреевич. Лишь в горе моем оценила я вас... »

Дорушка рассказала и о том, как ни за что побил ее Лутонин, унизил скверными словами, как гордость ее возмутилась, унося остаток чувства к этому человеку.

— Если вам неугодно чтобы я осталась при вас на всю жизнь, то постригусь в монастырь; но не хотела бы покинуть мир, не высказав того, что накопилось в душе. Вы должны, Петр Андреевич, знать всю правду. Правду говорю я, а вы знаете, что никогда, ни одним словом я не солгала перед вами.

Бушев, слушая ее, проникал внутренним взором в совесть кающейся. Сцена побоев особенно поразила его. Он сжал кулаки; будь на то его воля, убил-бы лютого барина, — и не за то, что увез его жену, а вот за эти побои... но все-же не хотелось ему сдаваться.

— Вот что, Дарья, — сказал он наконец, — я не судья тебе. Пусть наш сын решит. Если узнает тебя, то будет это указанием перста Божьего, и ты останешься матерью при нем. А коли нет, — то иди себе, как решила, в монастырь.

— Ваша воля — закон, Петр Андреевич, — как прикажете, так и будет, — смиренно ответила Дорушка и вздохнула, опустив голову.

Внезапно, Бушев одумался. Ответ жены был та-

кой, каким ему полагалось быть в купеческой семье с крепкими устоями. Но вдруг Петр Андреевич испугался, взволновался: ребенок мал, а ну — как не узнает своей матери? Что тогда делать? Отпустить Дорушку в монастырь? закопать там ее красоту, а с ней и свою радость... лишиться ее?

Он стал перед окном, побарабанил пальцами по стеклу и приказал:

— Поднимись-ка в свои комнаты. В спальне в шкапу висят платья что принесли от портнихи, после того как я отправил твой гардероб к моей теще, пришедшей просить для тебя развода. Так вот, говорю, переоденься, да причешись к лицу. Не гоже Бушевой показаться на людях замухрышкой... не то странница, не то послушница...

Дорушка не выдержала. Порывисто вскочила и, со всей стремительностью на какую была способна ее цельная натура, — бросилась на шею мужа.

— Петр Андреевич, голубчик! Простили вы меня, чувствую это, простили от всего вашего великодушного сердца... простили! До гроба останусь с вами, ничем не огорчу, — все мои заботы и думы будут чтобы угодить вам, загладить мою вину. Тетя и мать журили меня за дурость, но, вижу я, что не будь моей ошибки и горя от нее, — не оценила-бы я вас. Бог хоть и послал испытание, но милостиво снял с меня наваждение. А как же я счастлива что вернулась к вам! — так, отрывочными фразами, спешила Дорушка выразить свою радость и благодарность. Ловила и целовала руки мужа, те руки, что несмотря на их грубый вид, порой так нежно ласкали ее, приносили подарки, успокаивали боль при недомогании, — и сейчас гладят по голове, вытирают слезы белым платком, пахнущим смесью одеколона и табака. И этот запах так много напомнил ей, влил в душу тихий домашний уют.

Теперь-то уж, Дорушка никуда не уйдет из своего

дома. « Милый мой Петр Андреевич », — повторяла она.

Счастье, прочное, не призрачное, было с ней, она его не упустит, ни на что не променяет.

Бушев видел, что она искренна, и не противился ее ласкам. Отрадно было ему слышать от Дарьюшки непривычные слова любви. Он крепко обнял ее, прижал к себе.

— В Евангелии есть притча о блудном сыне : он вернулся в отчий дом, отец его принял и созвал друзей на пир. Вот и ты — блудная доченька моя — вернулась в наш дом. Так неужели оттолкну тебя ? Оставайся хозяйкой, займи свое место. А завтра будет пир-горой и танцы. Гостям объявим, что ты была больна и поправилась к моим именинам...

А сейчас, как переоденешься, едем в Летний Сад. Там гуляет с нянькой наш сынок. А... знаешь, Дарьюшка ? За твое отсутствие он похорошел : на тебя становится похож.

***

КАБАЧЕК В ПЕРЕУЛКЕ

На юге Франции, в маленьком переулке большого города, русские эмигранты (тогда еще не старые), открыли ресторанчик. Помещение было маленькое. После головоломных измерений, уместили 6 столиков, на 4 персоны каждый. Из « залы » была дверь в кухню и окошечко для подачи кушаний.

Главный пайщик, Владимир Семенович, смастерил полку для выставки напитков и закусок. Его жена, Нина Васильевна, взялась за добычу стульев. Обегав лавки старьевщиков, достала, но разнокалиберные; ее муж с помощью Павлуши (второго пайщика), сбили доски на подпорках, накрыли соломенными тюфячками, выпросили у Нины Васильевны полинявшие портьеры — (прикрыть наготу тюфячков); получились диваны. Итак, насчет сидений, все было в порядке. Третий и последний пайщик звался Мыколо Хведоровыч Нэдопойло.

Распределили должности : Владимир Семенович стал заведовать покупками по хозяйству и оплатой счетов. Нина Васильевна занялась кассой и напитками : вино заперла на ключ, а прочее стояло на полке над кассой. Павлуша получил должности метр д'отеля, подавальщика и мальчика на побегушках. Недопойло занял место повара, при условии : « шоб до мини на куфню ныхто носа нэ пхав » (чтоб никто ко мне на кухню носа не совал). Затем — приступили к устной и пись-

менной рекламе : всем соотечественникам прожужжали уши о своем деле и разнесли по квартирам и эмигрантским предприятиям записочки : « Приглашаем на открытие ресторана « Кабачок ». Специальности русско-украинской кухни. Цены умеренные ».

**
*

Открытие состоялось в одну из суббот. Кильки, селедка, пирожки и винегрет красовались на полке среди разноцветных напитков. На столиках стояли меню, карточки вин и цветы. Павлуша, в белом галстуке, ожидал клиентов. Нина Васильевна восседала за кассой. Повар колдовал на кухне. Владимир Семенович стремился выйти « по важному делу » (ему хотелось выпить), а Нина Васильевна с Павлушей наблюдали и не выпускали его.

Явилось порядочно народу, заняли все столики. Главной приманкой был борщ... еще-бы ! Недаром Мыколо Хведоровыч был хуторянином « с пид Полтавы ». Заказав борщ и прочее, клиенты принялись за водочку и закуску, а главное — за разговоры, вскоре ставшие общими. Вспоминали, что, где и когда едали в Москве. в Петербурге и на волжских пароходах. А за одним из столиков побил все рекорды рассказ о том, как была оборудована первая обжорка в Константинополе. Там, наших беженцев было — хоть отбавляй ! Многие очутились без средств. Один предприимчивый человек, в компании с несколькими русскими матросами, задумал открыть дело, где можно было-бы сытно и дешево кормить соотечественников. Сняли за гроши помещение на Галате, рядом с комнатами женщин « известной профессии ».

« Залу » разгородили старыми одеялами, поставили длинный стол и скамьи сделанные из ящиков, добытых на базаре у турок. Чистота соблюдалась образцовая, — матросы драили пол и стол будто палубу любимого

корабля. Посуду купили; вилки, ножи и ложки « словчили » в кофейнях у тех-же турок. В заднем помещении было 2 мангала : на одном кипел борщ, на другом жарились котлеты. Вино и водка не переводились : хозяева сами были не дураки выпить. Клиентура своя — русская. Кто мог, — платил наличными; немогущие платить брали в кредит, записывая счет мелом на стене. Когда сумма доходила до трехзначной цифры — хозяин делал словесное внушение. Если же это не помогало, а записи росли дальше, он брал упорствующего за шиворот, выпроваживал, записанное стирал; на дальнейшее махал рукой.

Случалось, что заявляли претензии : так, один посетитель заметил :

— Хожу сюда второй месяц, и каждый день одно и то же, — борщ и котлеты. Нельзя ли, наконец, переменить ? — Прислуживающий, заика-Толя, ответил :

— Ко-конечно ммowно : сперва по-подам котлеты, а по-после борщ.

Как-то осталось от вчерашнего дня рубленное мясо, а для варки борща были одни кости; овощей и прочего купить было не на что... Компаньоны почесали затылки. Вдруг Федя хлопнул Толю по плечу и сказал : « Идем », а хозяину : « Варите ваши кости, жарьте котлеты, остальное достанем ».

***

На одной из ближних улочек, турок вез на базар тележку с овощами. Проходя мимо, силач Федя « нечаянно » двинул плечом, тележка повалилась, овощи рассыпались; турок завопил, собралась толпа. В суматохе, Толя подобрал в свою авоську что мог, и помчался во-свояси. Федя стал помогать турку, поднял тележку, собрал с земли, сложил на нее овощи, и пригласил пострадавшего пообедать. Турок заулыбался, и в об-

нимку с Федей приволок свой экипаж к русской обжорке.

Его угостили борщом, котлетами, и уговорили на водочку. Расчувствовавшись, турок на прощанье подарил повару весь оставшийся у него товар.

Как-то, проверяя стенные записи, хозяин обнаружил, что соседкам — Розе, Берте и Сулейке — отпущено по три порции котлет с гарниром. « В чем дело, Толя ? » — спросил он заику, заведовавшего хозяйственной частью.

— Я... нос-сил им кушшать...

— Ты-же знаешь, что на вынос кредита не полагается ?

Толя смутился, обещал принести деньги. Однако, это тянулось долго; хозяин решил получить следуемое самолично. Женщины встретили его протестом : « Да мы уже давно все заплатили ! » Хозяин ушел в недоумении. В честности Толи не сомневался; соседки тоже не стали бы выдумывать. Решил допросить Толю. — « Объясни толком, — получил ты за котлеты, или нет ? » Толя покраснел, замялся, и ответил : « Поп-получил... только нат-турой ».

Слушая этот увлекательный рассказ, клиенты в Кабачке (на Лазурном Берегу), выпили почти всю водку и съели закуски, но заказанного борща им еще не подали. Начиная волноваться, Нина Васильевна побежала на кухню.

« Николай Федорович, где-же борщ ? Клиенты ждут ».

« Нэхай ждуть, — прогремело в ответ. — Як принесуть смэтану, зараз подам ».

Желая выиграть время, Нина Васильевна суетилась возле столиков, вдруг спохватилась. « А где Володя ? Где-же Володя ? » Из окошечка высунулась голова в белом колпаке. — « Дэ Володя ? Та Володя-ж пишлы за сметаною ».

Павлуша устремился отыскивать беглеца и смета-

ну. В его отсутствие снова появилась в окошечке голова. « Чья тут половына мозгов ? » — прегремел бас. « Моя, моя », — поднялась дама от одного из столиков.

⁂

Тем временем Павлуша обходил соседние и отдаленные пивные учреждения. В каждом из вежливости что-то заказывал; наконец обнаружил Владимира Семеновича. Он стоял у стойки со своим однополчанином. Взаимно воскрешались картины прошлого : дружба с детства, уют старой усадьбы, юность в гвардейском мундире. Дрожал кровавый смех революции... развевались знамена Белого Движения... кошмаром вставало вынужденное бегство... Чокались и вспоминали. По тонким огрубевшим пальцам стекало вино.

Рядом, в стеклянной банке белела сметана. Схватив ее, Павлуша помчался в « Кабачок ».

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ

(Повесть)

Это было в 1915 году. Мир еще не отрешился от старых понятий. На фронте шла I-я Германская Война; маленькая обывательская жизнь еще не свернула со своей дороги, а колесо Мировой Истории уже начинало решительный крутой поворот...

**
*

В конце июня, в провинциальном городе юга Франции, на глухой улице случилось событие: к Фриде Лемих (даме почтенного возраста) явился господин для снятия меблированной комнаты. Его изысканные манеры и то, что не торговался, внушило доверие. Намекнув на свое высокое происхождение, он заявил, что переедет в тот же день. Сообразив, что « дело серьезное » мадам Лемих не осмелилась попросить задатка. Едва он ушел, принялась за уборку помещения, что не помешало ей сбежать вниз рассказать о своей удаче привратнице; та доложила брату, через него были осведомлены возвращавшиеся с базара женщины, — в короткий срок, весть облетела всю улицу.

После полудня показался перевозчик с тележкой нагруженной чемоданами и сундуками. Обыватели не сомневались, что он везет вещи нового квартиранта.

Остановившись у дома № 20, перевозчик стер с лица пот и поднялся на второй этаж, где у раскрытой двери ожидала Фрида Лемих.

« Здесь нанял комнату господин князь ? »

« Кня-а-зь ? » — Лемих захлебнулась от изумления, однако на протянутой карточке было напечатано « РОНИ »... и больше ничего. Отступив перед натиском вещей, она помогла расставить их в небольшой комнате. Хотелось спросить, почему перевозчик назвал князем господина Рони (как ей представился утром наниматель). Вопрос вертелся на языке, но пришлось воздержаться : незнание имени того, кто снял комнату, — во время войны — могло бы оказаться для хозяйки чревато последствиями...

***

Скоро появился и сам Рони. Приехал на извозчике, расплатился и стал подниматься по лестнице. На звук колес поднялись шторы у балконов, распахнулись закрытые ставни, высунулись головы, у подъезда столпились любопытные; владелица лавочки перешла улицу и присоединилась к компании. Немало народу глазело на господина Рони (это имя уже все знали). Он должен был бы заметить эту толпу, но не обратил внимания, — зато собравшиеся мигом усвоили все детали и стали перемывать его косточки.

Такие фигуры в России называли вешалкой : длинный и сухой, Рони не сгибал головы, но поворачивал справа-налево; его шея, словно оградой, окружалась крахмальным воротничком. Выбритые щеки и подбородок, подстриженные усы, лысина прикрытая зачесом, зыбь морщинок на слегка реставрированном лице, белокурые с проседью волосы. Рони перешел за 70 лет (в чем не признавался); улыбаясь, показывал вставные зубы. Надо упомянуть о его глазах, — без них портрет был бы неодушевлен. Они подкупали всех, кому при-

ходилось с ним встречаться: добрые, нежно-голубые с выражением доверчивого ребенка, не знающего жизни. Рони одевался по моде, не курил, не пил, был вегетарианцем, и... но об этом речь впереди.

В данный момент он стоял в комнате загроможденной сундуками и, не снимая перчаток, с достоинством беседовал с хозяйкой. Разговор велся по-французски, но можно ничего не упустив, передать его по-русски. Рони знал еще итальянский, немецкий, английский и русский языки, употребляя лишь изысканные выражения. Вот сокращенное изложение того, что он говорил Фриде Лемих:

« Мне рекомндовали вас, как симпатичную квартирную хозяйку, добрую и отзывчивую к своим жильцам.Услыхав о таких высоких качествах, я не стал искать иной квартиры и направился прямо к вам. В этом не раскаиваюсь, и вполне удовлетворен оказанным мне любезным приемом ». Речь эта была настолько продолжительна, что при начале ее, часы показывали два, а когда Лемих могла вставить и свое восторженное слово, — они перешли за три. Тут Рони посоветовался относительно перестановки мебели и заявил: Было бы желательно иметь еще одну комнату. Ко мне заходят посетители, — надеюсь вы не откажете устроить для меня хотя бы подобие салона?

***

Когда приступили к размещению вещей, этим занялась лишь Фрида. Рони снял перчатки, но больше говорил, чем делал и сообщил много интересного. Хозяяка узнала что он — русский, живет во Франции больше 40 лет. С детства обучался иностранным языкам в ущерб родному. Родственники обидели его, присвоив наследство и назначив грошевую пенсию, да и та не приходит по случаю войны. Он простил родным, надеется, что они раскаятся, — о чем ему предсказали

гадалки и ясновидящие. Его мать вышла вторично замуж; отца он потерял в раннем детстве; — смолоду был богат, тратил в Париже большие деньги на приемы и заказывал костюмы у лучших портных. « Я любил приглашать гостей и смотреть как в хрустале пенилось вино и умирали на кружевной скатерти орхидеи. Общество у меня собиралось блестящее... бывали и коронованные особы ».

***

Один из сундуков оказался особенно тяжелым : в нем было много книг и тетрадей переплетенных в черный коленкор. На каждой был наклеен билетик с надписью « Рони ». — « Здесь мои сочинения. В Париже меня печатали и читали, приглашали на рауты. Однажды, на официальном обеде, я предсказал нынешнюю войну, доказывая что некоторые страны (не хочу их называть), вели двойную политику. Но это было больше 20 лет тому назад, и никто не верил мне ».

Фрида взглянула на часы и спросила : « Не желает ли господин Рони пообедать ? » — на что получила милостивое согласие. Проводив хозяйку до порога, задержал ее, объясняя, что по утрам пьет не кофе, а молоко.

***

Войдя в кухню, Фрида сперва вымыла кастрюли, вычистила заплывшую жиром печку, понюхала масло и помчалась за свежим. Лавочка была полна покупателей. Некоторые приступили к госпоже Лемих с расспросами касательно господина Рони; вспомнив, что в начале войны эта публика обозвала ее « грязной немчурой », Фрида буркнула : « жилец как все ». Развесившие уши и сгоравшие от любопытства, были разочарованы, и, едва она вышла, дали волю своему

неудовольствию намекая на то что « всякий знает какая Лемих « американка » и что жилица ее тоже себе « румынка »... К счастью, Фрида не слыхала этого злословия, — она растапливала на сковородке масло и даже не заметила как проскользнула на кухню Буреско, — жилица, снимавшая комнату рядом с той, где поселился Рони. Она сделала рупор из ладоней и прокричала : « Гутен морген ». Лемих вздрогнула, закивала в направлении комнаты жильца, закрыла двери. « Теперь можем поговорить, и то по-французски ». Однако на этом языке мадам Буреско изъяснялась не всегда понятно, а Фрида не говорила по-румынски; после двух-трех фраз поневоле пришлось перейти на немецкий. По количеству выпускаемых слов, собеседницы могли бы сравниться с пулеметом, друг друга почти не слушали, каждая тараторила свое. Тема, однако, была общая; увлеченный чтением какой-то книги, Рони не подозревал, что разговор шел о нем...

***

Стряпня Фриды приближалась к концу, но она еще не успела всего рассказать о новом жильце, повторяя его монологи, восхищаясь воспитанием и образованностью. При этом шопотом добавляла : « перевозчик назвал его кня-зем ». Это звучало особенно веско. Буреско поддакивала : « Сразу видно, что это джентельмен : хорошо одет и с ним много багажа ». — Она была не первой молодости, лакомка и материалистка. При начале войны имела столкновения с полицией, но вышла сухой из воды, и продолжала жить у госпожи Лемих. Они подружились большую часть времени проводили вместе. В их однообразной жизни, появление Рони явилось событием.

***

Перелив суп из кастрюли в фарфоровую миску, Фрида поставила ее на поднос и постучала в дверь жильца. Он предстал перед ней в голубом балахоне с широкими рукавами и кружевом у шеи. Это одеяние произвело на хозяйку неожиданное впечатление : она взвизгнула, произнесла « ах » и чуть не уронила поднос с супом, все же донесла его до столика, путь к которому был нелегок из-за множества сундуков. Рони пространно благодарил за внимание, извинился за домашний костюм и уселся кушать. Фрида спросила « не угодно-ли вам чего-нибудь ? » на что последовал ответ : « Зачем вам беспокоиться ? Вы безконечно любезны, как только может быть любезна самая очаровательная из квартирных хозяек. А впрочем, будьте добры принести мне воду Виттель, я привык иметь ее на столе ». Лемих просияла и скрылась. За дверью сторожила мадам Буреско. Фрида приложила палец к губам, набросила вязаную накидку и побежала в аптеку. Исполнив поручение, села с подругой обедать на кухне. Шопотом доложила обо всем касавшемся ее жильца, воспроизвела жесты и повторила запомнившиеся слова; лишь во фразе о собственной любезности запуталась как в лабиринте. После дессерта дамы стали у двери, стараясь разглядеть в замочную скважину что делает и как кушает господин Рони. Удовлетворив свое любопытство, снова сели на табуреты и стали догадываться : « князь он или не князь ? » — Вдруг открылась дверь, и на пороге показался Рони. Буреско вспыхнула, юркнула в свою комнату. Лемих, с восклицанием « ах ! » приняла поднос из его рук. Глядя вслед убежавшей, Рони осведомился : « кто эта полная дама ? » Фрида наговорила массу похвал по адресу « полной дамы » и прибавила : « она очень хотела бы с вами познакомиться ».

« А кто она такая ? » — « Румынка ». — « Чем занимается ? » — « Продает чужие вещи и зарабатывает себе комиссию ». — « А как она урожденная ? » Про это Фрида не знала. Рони еще полюбопытствовал « ре-

лигиозна-ли она? », на что получил ответ что религиозней и добродетельней мадам Буреско едва ли можно кого сыскать. « Это похвально », — одобрил Рони. — « К какой-бы религии не принадлежали люди, я их уважаю, если они верующие. Я вот, православный, а у меня имеются и наши иконы и статуэтки католические. Особенно чту Мадонну из местечка Лагэ »(*) Тут он показал Фриде несколько образков и ладонок висевших у него на длинной золотой цепочке; прочел лекцию о религиях, доложил сколько церквей в Париже, Риме, Лондоне, и чем какая замечательна. Вспомнил подробно о своем посещении Лурда. Из вежливости, Фрида слушала стоя, держа поднос. Когда у нее затекли руки, попросила позволения поставить его на стол. Рони на полуслове прервал монолог и вернулся к разговору о мадам Буреско, заявив, что готов с ней познакомиться. Это состоялось тут-же в корридоре. Буреско, ожидавшая вызова, нарумянилась и подвила волосы. Рони извинился за « домашний туалет » и сказал : « Я люблю вашу родину, это музыкальная страна. Стихи Кармен Сильва известны всему миру ». Буреско, польщенная, улыбнулась, хотя и не знала кто такая Кармен Сильва.

* * *

В 8 утра, Фрида осторожно постучала в комнату Рони. Он открыл, принял через щель поднос с горячим молоком, сказал, что будет одеваться и просит его не беспокоить. Лемих помялась, имея что-то спросить, но ушла и вернулась через час. На ее стук Рони ответил, что выпил молоко и сел заниматься; через полтора часа выйдет гулять, и тогда можно будет унести поднос и убрать комнату. Фрида постояла в нерешительности,

---

*) Лагэ — местечко недалеко от Ниццы, где есть монастырь с почитаемой католиками статуей Мадонны.

потом робко попросила: «Я бы вас не беспокоила, но по правилам обязана вписать вас и отнести листок в полицию до II-ти часов.

— Принисите бумагу, я заполню ее. — Фрида полетела в свою комнату и через минуту снова стучала в дверь жильца. Рони принял листок; с замиранием сердца она ждала результата. Наконец, бумага и паспорт были просунуты в щелку; Фрида схватила их, развернула, воскликнула «ах!» и стрелой помчалась в комнату Буреско. Толстуха стояла возле умывальника и, подняв кувшин, собиралась лить воду в таз. Она была одета по-утреннему: в короткой выляневшей нижней юбке; по ногам спускались длинные панталоны с оборками; босые ступни были обуты в стоптанные туфли; на голове топорщились папильотки, вязаная фуфайка стягивала груди. Когда хозяйка без предупреждения ворвалась в комнату, Буреско испугалась: «не нагрянула-ли полиция?» Поставив на пол кувшин, задрожала. Фрида не дала ей опомниться, поднесла к носу бумаги: «По-лю-буйтесь!» Шлепая туфлями, Буреско поспешила к окну, по дороге захватила очки, отдернула занавеску и прочла: «Фамилия Волышов. Звание :Князь». Она заморгала глазами, словно ослепленная, опустилась на стул: «Ай-ай-ай! Что-же я говорила?» Кивавшая восторженно головой, Фрида подала паспорт. Дамы тщательно исследовали его. Документ подтверждал, что обладатель его был князем Волышовым...

***

Пока Лемих ходила в Префектуру, стараниями ее подруги вся улица была осведомлена о том, что у них поселился не простой смертный, а знатный господин.

Гордая и сияющая, Фрида, вернувшись, постучала в дверь жильца: «Не угодно ли вашему сиятельству получить обратно паспорт?»

Князь пригласил ее к себе : « Теперь, так как вам известно мое имя, то вот что я хочу попросить : никому не говорите о моем титуле, а при посторонних зовите просто « Рони ». Не удивляйтесь, что это имя напечатано на моих карточках, — семейные неурядицы, временное расстройство дел, враги и кое-какие обстоятельства, заставили меня прибегнуть к псевдониму. Однако, это гармоничное сочетание букв не менее славно чем имя князей Волышовых. Это имя принадлежит (тут жестом были указаны тетради) писателю и поэту. Это имя носит (указательный палец коснулся груди) оратор, речи которого были бы преданы гласности, еслибы не содержали горькой правды. Это имя избрал себе (брови и ладонь поднялись кверху) — посвященный в тайные науки, умеющий читать в душе человеческой, оккультист немалых знаний и... маг ». Князь сделал паузу и спросил : « По-ня-ли, что такое Рони ? »

⁂

В короткое время князь очаровал обоих дам. Для Фриды он стал господином и повелителем; она ему прислуживала и угождала. То же делала и мадам Буреско, но в меньшей степени и не безкорыстно, надеясь извлечь выгоду. Он милостиво и свысока принимал такое отношение. Усерднее всего, дамы старались накормить его сиятельство. Фрида изобретала вегетарианские блюда, бродила по базару выбирая свежие овощи. Буреско ловила его при выходе из комнаты : « Не сделаете ли мне честь попробовать моего варенья ? Не угодно-ли вашему сиятельству отведать пышки с битыми сливками ? » — при этом титул произносился особенно « смачно », а на лице порхала улыбка. Волышов поднимал брови, поворачивал голову вбок : « о-о, как вы меня балуете », — затем делал честь госпоже Буреско и лакомился ее стряпней. Она сияла. Заводился безконечный разговор, появлялась хозяйка; сладкое,

под аккомпанимент словоизлияний, быстро уничтожалось; многое узнавалось с той и с другой стороны. Выяснилось, для чего Рони хотел иметь « салон » : он признался, что гадает, иначе говоря, « дает консультации », за что берет плату. В Париже брал больше, но в провинции уменьшил цену. Мадам де Тэб конкурировала с ним, но что такое мадам де Тэб? Она и Рони! Это все равно что лампа и солнце. Князь обещал погадать подругам, при условии, чтобы они ему рекомендовали клиентов. Как-то Буреско разоткровенничалась, рассказала, что у нее два сына, — один служит в русских войсках, а младший — в австрийских. Приходится сражаться против русских, но что поделаешь? начальство приказывает. Рони удивился, что у нее сыновья разной национальности; она объяснила,что была два раза замужем, и носит также фамилию Кусте. Когда он усумнился, — сгоряча показала свои паспорта на разные фамилии, но тут-же спохватилась, начала объяснять, что это собственно не паспорта... и ничего не доказывают. Рони поднял палец и сказал строго: « Вы можете все, или ничего не говорить, тайн для меня не существует, — когда сосредоточусь, я все вижу в магическом зеркале, и прибавил: « впрочем, я политикой не занимаюсь ».

Фрида не осталась в долгу и доложила подробности своего прошлого. Она происходила из почтенной баденской семьи, рано вышла замуж за американца Лемих; давно уже никакого отношения к Германии не имеет, как ошибочно утверждают соседи. Рони успокоил ее сказав что он, как маг и окультист, выше предрассудков, и тут же предложил — для практики — говорить по-немецки.

**
*

Как-то Рони пригласил к себе обоих дам. Они вошли на ципочках. Сделав величественный жест,

заявил что сегодня свободен и может дать им консультации. Последовали восторженные восклицания. « О-о, пожалуйста не стесняйтесь. Это самое меньшее что я могу сделать для моей кормилицы (поклон в сторону Буреско) и для моей внимательной хозяйки. Ну, что же вы стоите ? Прошу сесть на диван ». Князь показал на овальное зеркало в серебрянной раме : « здесь я вижу будущее ». Затем вынул из картонки коробочку с фарфоровым глазом и кожаный футляр где лежал металический обруч, полученный им от индийского факира. Во время гадания обруч надевался на голову и увеличивал ясновидение. На нем были вырезаны треугольник, планеты, рука и цифры. Последним явилась охапка прозрачных покрывал. Опорожнив свой запас, Рони осведомился у мадам Буреско о годе, месяце и часе ее рождения. Она захихикала : « как же можно сказать год рождения, когда я хочу казаться молодой ? » Рони холодно заметил : « Или гадать, или попусту терять время ». Фрида толкнула подругу локтем. Сообразив, что кокетство не у места, Буреско со вздохом сообщила все, что требовал предсказатель, « только часа рождения, я, извините, не запомнила ». Он вызвался гадать и без этого, и задал Фриде те же вопросы. Она заявила не без гордости : « Я знаю час моего рождения, — мать записывала на бумажку когда у нее рождался кинд ».

Выбрав коричневое покрывало, Рони накинул его на голову стянув обручем : « Теперь я приступаю к гаданию. Прошу соблюдать тишину. Сперва дам вам практические советы ». Он перелистал записную книжку, прочел что-то и стал говорить глядя в потолок : « Мадам Буреско находится под покровительством планет Марса и Меркурия. Имеет наклонность к торговле. Спорит из-за пустяков, мелочна и любит сплетничать. У нее нежное сердце... и неизвестно, чем занимается когда выходит из дому без мадам Лемих ».

— Фуй, шанде ! — не выдержав воскликнула Фри-

да. Строгий взгляд Рони призвал ее к порядку; он продолжал: « Хорошее отношение к ближнему, у мадам Бureско, часто имеет подкладкой — надежду получить себе выгоду ».

— Это таки верно, — вздохнула Лемих.

— Ага, — подчеркнул Рони, — значит, я правильно говорю?

— Да уж так правильно... лучше бы и не так. Посмотрите мне будущее.

— Раньше дам советы. Ваш цвет — красный, он рассеивает дурные флюиды. Ваш камень — оникс. Эмблема восьмерка. Духи — смесь опопонакса с карилопсисом. Если захотите чтобы дело удалось, не забывайте этим душиться; говоря с нужным лицом, обмахивайтесь надушенным платком. Носите у корсажа, или на груди... (Рони подумал) да, гвоздики подойдут. Теперь посмотрю в зеркало, где увижу ваше будущее, но предупреждаю: мне являются разные видения, — не пугайтесь выражения моего лица. Фрау Лемих, битте, задерните занавеску.

Рони поставил перед собой зеркало. Минуты две молчал, наконец прошептал: « я вижу... » Фрида прижалась к подушке дивана, произнесла чуть слышно: « ах! » и от волнения раскрыла рот. « Темное пространство... » — мрачно начал князь. « Тюрьма », — вздохнула одна из дам. « Тюрьма, — согласился предсказатель. — Наверху узкое окошко, на столе кувшин и ломоть хлеба ».

« Вы этим и кончите, — шепнула Фрида подруге, — к чему держите два паспорта? » Рони продолжал: « Вижу лист бумаги. На нем написано... »

« Что, что написано? » — дрожа перебила Буреско.

« О дорогах, о поезде. Это может доставить вам большие неприятности, но, если будете следовать моим указаниям, то есть, одеваться в зеленое... »

« В красное », — поправила Лемих. « В красное с

зеленым, — не сдался Рони, — станете душиться... эээ... м-мм... смесью указанных духов... »

« Апопонакса с карилопсисом », — услужливо подсказала Фрида.

« Фрау Лемих ! Вы не даете мне слова сказать. Кто предсказывает ? Вы, или я ? Затем, — (обернулся он к Буреско,) если будете носить у пояса гвоздики, то хорошие флюиды победят дурные и вы минуете тюрьмы ».

« Погадайте мне, — попросила Фрида, — а то мне пора готовить завтрак ». Почувствовав аппетит, Рони ответил : « Вы меня спускаете с небес на землю. Ну, что такое завтрак, в сравнении с тайными силами ? Не легко мне давать два оккультных сеанса в короткий срок. Мое зеркало еще полно тумана после видений ». Фрида сделала жалобную мину, умоляюще сложила руки. Рони смилостивился и начал : « Вы добры,экзальтированы и довольствуетесь маленькой выгодой... вы... »

Вдруг раздался звонок. Все вздрогнули. Сорвавшись с места, Фрида помчалась отворять. Ее подруга тотчас приложила палец к губам и раздвинула их вширь. Получилась как бы улыбка. « Господин Рони, вы несомненно видели в волшебном зеркале что Фриду вызывали в полицию из-за писем. Она их получает из-заграницы. И что это за корреспонденция во время войны ? Она мне писем не показывает, хотя мы дружим. Разве это честно ? Я ведь не доносчица. Когда мне кто секрет доверит, то храню его как могила, скорее издохну, чем кто из меня слово вытянет. Знаете что, князь ? У одной благородной дамы сдается комната, с салоном, как раз подходящая для такого знатного жильца, как вы. Даже мебель голубая и шолковые портьеры. Я дам адрес, посмотрите ».

Князь молча разглядывал свои ногти. Буреско продолжала : « Может быть, подозреваете, что я хочу получить комиссию в случае если вы там поселитесь ? Ошибаетесь, я право, из уважения к вам. Мне обидно,

что князь, такой ученый и воспитанный, живет в комнатушке где и повернуться негде ».

— Конечно, здесь тесно, — согласился князь. — Но я найму комнату рядом, как только вы съедете. Об этом, как вы знаете, мы условились с мадам Лемих. Она заботливая хозяйка, я ею доволен. А как только вы освободите комнату...

« Я готова хоть завтра, чтобы вам угодить. Но я много задолжала Фриде, она меня не отпустит ».

— Не от-пу-стит ? Я с ней поговорю, — заволновался князь ».

« Нет, нет, умоляю, не говорите. Очень прошу о нашем разговоре не передавать ей. Я уж сама съеду ».

***

Раздался робкий стук и вошла Фрида. « Там пришел какой-то господин. Я не могла понять : к вам он, или не к вам ? »

— Как же так, — ко мне или не ко мне ? — вспылил князь. — Разве нельзя сообразить ? Как одет ? Кто такой ?

— Одет в сюртук, а кто такой, не говорит. Твердит, что обстоятельства заставили его искать покровительства у высокой особы, и больше ничего.

— Фрау Лемих. Ну, как же было не понять ? От вас не тайна, что я занимаюсь консультациями-предсказаниями. Визитер, очевидно, не желает назвать своего имени. Мало ли какие бывают семейные обстоятельства ? Надо было пригласить его ко мне, невежливо заставлять клиента ожидать в передней. Мне нужен салон. Приходят люди, а я вынужден принимать их как полунищий. — Князь волновался, суетился убирая на-спех « гадательный арсенал ». Хозяйка пошла звать посетителя, Буреско шмыгнула за ней. Рони находился еще во всей амуниции чародейства : на голове было покрывало стянутое магическим обручем, в руке — коро-

бочка с глазом. Он бросил все на кровать, прикрыл пледом и опустился в кресло.

***

В комнату вошел гость, остановился у порога и с достоинством поклонился. Князь глянул из-за своих колен (кресло было низкое, а ноги длинные), и увидел странную фигуру : это был господин лет 60, с проседью в волосах. Казалось, будто он составлен из четыреугольников. Туловище было самым большим, поменьше — голова, затем кисти рук и ступни ног. Даже нос имел эту форму, а глаза были так запрятаны вглубь, что их почти не было видно. Движениями и постановкой головы вошедший напоминал птицу. На его приветствие, Рони ответил вопросительным наклоном головы. Человек-птица произнес скрипучим голосом : « Честь имею представиться : Поль Пиала ».

— Рад вас видеть. Чем могу быть полезным ?

Пиала сделал несколько шагов : « Разрешите сесть ?»

— Конечно, прошу. — Господин сел и, сложив руки, уставился на князя.

— Я докладывал вашей хозяйке, что решил прибегнуть к вашему покровительству : нахожусь в затруднительном положении, и ничего не могу сделать без посторонней помощи. — Пиала посмотрел на князя, сидевшего перед ним спиной к свету. Сел он так намеренно, чтобы окно освещало человека, с которым придется беседовать. Когда Лемих доложила князю о визите, он обрадовался. Начинался второй месяц как он переехал на новую квартиру, и не мешало бы заплатить хозяйке. Она еще не намекала по этому поводу, доставляла молоко, хлеб и минеральную воду, приносила выдававшийся по карточкам сахар, готовила ему вегетаринские блюда, была внимательна и почтительна; тем не менее, князь сознавал, что всему бывает конец,

и что уважение, кредит и тому подобное, измеряется не титулом, а кошельком. А там у него была лишь мелочь. Вот почему Пиала, явившийся (как предполагал Рони) погадать, — стал ему интересен, хотя и произвел отрицательное впечатление.

— Вы ищете моей помощи ? Я готов дать вам консультацию, хотя только что принимал двух дам и очень утомлен. Но когда за сеанс получаешь плату, то следует забыть о себе, чтобы угодить клиенту..... что же вы встали ? Пожалуйста, садитесь.

Человек-птица отступил вглубь комнаты. На лице его появилось выражение, будто его угостили чаем куда вместо сахару насыпали соли. — Вижу что помешал вам, извините, зайду в другой раз... — бормоча это, Пиала шел к двери; его достоинство куда-то испарилось.

— Какой вы однако странный, — вскочил Рони. Вам кажется неподходящей эта обстановка ? Она временная. Если вас смущает цена моих консультаций, то могу сбавить, — я вхожу в положение каждого. Теперь война, и даже состоятельные люди принуждены себе во многом отказывать. Я тоже когда-то жил широко и одевался у лучших портных, а теперь...

« Я не насчет денег », заскрипел Пиала, « у меня в банке лежит капитал и вообще не имею привычки торговаться. »

« В чем же дело ? Вы любите женщин ? »

« О, да », — растянул рот в улыбку Пиала. — « Это я люблю », — и он сделал шаг по направлению к Рони.

« Если у вас есть деньги, то вы можете себе позволить эти... »

« Забавы ? конечно », — подтвердил посетитель и подошел ближе. К нему сразу вернулась птичья величавость. Рони продолжал :

« Очевидно, какая-нибудь женщина вам нравится ? Вы пришли просить моей оккультной помощи, чтобы привлечь ее к себе ? »

« Нет », — ответил Пиала, — « хотя девушка, обра-

зованная молодая и красивая выбрана мною, и я намерен предложить ей стать моей женой. Но не это является целью моего визита ».

« Не желаете ли вы, — (снова закинул удочку предсказатель) — обратить капитал в спекуляцию, например на игру в рулетку ? Я укажу превосходную систему основанную на астрономических вычислениях. По слухам, закрытое из-за войны Казино в Монте-Карло скоро будет открыто ».

« Я и на игру не прочь дать часть капитала. Но дело в том, что не могу распоряжаться деньгами, хотя они и лежат в банке ».

Рони начинал терять терпение. « Как же так ? Странно... Да вы сядьте господин... господин... »

« Пиала », подсказал опускаясь на стул человек-птица. « Имея все права на капитал, не могу им воспользоваться из-за неудачно сложившихся обстоятельств. Я — преподаватель по профессии. Учу немецкому, английскому и французскому языкам. Немецкий из-за войны прекратил преподавать, уроки английского мог бы, да некому. В нашем городе все или бездельничают, или темными делами занимаются, а насчет просвещения — туго. Мой ученик и воспитанник, оставил мне, умирая, капитал. Но для пользования им надо иметь некоторую сумму, а у меня ее нет ».

« Почему-же ваш ученик, сделав завещание, не обставил дела так, чтобы вы могли получить деньги ? » Пиала смутился на секунду, но тотчас нахохлился как курица и продолжал : « Мой воспитанник оставил документ, по которому я могу требовать с его семьи эти деньги, — но должен внести кое-что адвокату — (эти жулики ничего даром не делают), после чего мое дело двинется вперед ».

— Страный человек был ваш воспитанник, — заметил князь, — если он хотел сделать доброе дело...

— Доброе дело ? — вознегодовал Пиала. — Не он мне, а я ему сделал одолжение. Мы с ним из Англии

поехали во Францию; там он занял крупную сумму и не мог уплатить в срок, поэтому выдал чек... без покрытия. Если бы его отец узнал про такие проказы, то лишил-бы его наследства. Я этому молодому повесе одолжил мои сбережения. Так кто-ж кому сделал добро ? Я избавил его от больших неприятностей, может быть и от тюрьмы. Одолжил ему немало : 30.000.

— Насколько понимаю, ваш воспитанник подписал вам вексель. На какую сумму ?

— На 50.000 франков. Он был щедрый, а у его семьи милльоны фунтов. Он к сожалению ничем не воспользовался, — умер от несчастного случая.

— Я нахожу... впрочем, в жизни разные случаются обстоятельства. Став на точку зрения, что 50.000 франков ничто в сравнении с милльонами, то вы, по своему, правы. Я готов помочь вам, но при условии...

Пиала просиял, поспешил заявить, что « на все согласен », и прибавил : « Я не сомневался в том, что вы могущественный и благородный человек. Не даром слава об этом бежит впереди вас ». Рони принял значительный вид.

— Конечно, у меня есть связи и знакомства. До вашего прихода была здесь почтенная и уважаемая особа у которой влиятельные родственники в Румынии и дела в нашем городе. Затем имею в виду еще одно лицо, ведущее переписку с заграницей. А я сам, когда впадаю в транс, многое вижу в магическом зеркале. Итак, считайте ваше дело улаженным. Условия-же мои таковы : когда достану деньги адвокату и для поездки вашей в Лондон... ведь придется ехать туда ?

— Думаю, что да.

— Стало быть, вы поедете со всеми удобствами. Для первых расходов достану вам известную сумму, из которой вы мне дадите 3 тисячи, а я обязуюсь вернуть их с барышом *).

---

*) В то время означенные суммы были крупными.

— О, возврате не должно быть и речи, — возразил Пиала.

Условились завтра-же пойти к довереному лондонского адвоката, чтобы он подтвердил подлинность слов своего клиента. Очень довольный, Пиала собрался уходить: князь, окрыленный надеждой на поправку своих дел предложил ему на прощанье вопрос, — не знает ли он кого-нибудь, кто бы интересовался оккультными науками? Эта удочка была закинута с целью получить клиентов для гаданья, но Пиала хлопнул себя по-лбу и охватил руку князя своими холодными потными пальцами.

« Конечно, знаю. Как это я раньше не подумал? Вы обязательно пойдете со мной туда. Вас интересуют таинственные науки? В ближайший же вторник пойдем туда ».

« Куда это « туда? » спросил князь освобождая свою руку. Человек с моим именем не может « всюду » ходить ». Пиала отодвинулся от князя.

« Я тоже (с достоинством заметил он) не бываю в обществе подходящее под определение « всякое ». Я выбираю мои знакомства. Дочь хозяйки, куда я вам предлагаю пойти со мной, намечена для чести стать моей женой. Это одно уже доказывает, в какой дом я приглашаю вас. Впрочем, если не хотите, я не настаиваю ».

Рони сбавил тон. — Какой вы, право. Поговорим спокойно. Куда вы намерены ввести меня?

« В дом жены шведского посланника. Она занимается тайными науками, и собирает вокруг себя... »

« Жена посланника? Как она урожденная? » — перебил Рони.

— Этого я не знаю, но она несомненно знатного происхождения. В данное время состоит председательницей здешнего Теософского Общества. У нее собираются выдающиеся люди, приезжают и из других стран. Попасть на ее вторники — большая честь.

— Как фамилия этой дамы? — снова перебил Рони.

— Графиня де Ризор. Князь подошел к этажерке где стояли его книги и достал Готский Альманах. Пиала взглянул на часы и заявил, что ему пора уходить. Еще раз условились на другой день идти к адвокату, а во вторник, — на собрание Теософского Общества.

***

Оставшись один, князь подошел к двери балкона (служившей ему и окном), начал перелистывать Готский Альманах. «Де-Ризор...» бормотал он, «граф? никогда не слыхал». После недолгих поисков и соображений, выяснилось, что дама, в чей дом звал его Пиала, была не графиней, а просто госпожей де Ризор, и что муж ее был не посланником, а консулом в одном из небольших государств. Удовлетворив любопытство, — «я так и знал, что Пиала приврал, — разочарованно подумал Рони. Консулов и их жен он не считал «крупными величинами» вращаясь, — (во времена своего величия) — в кругах высшей дипломатии. Обеднев, отошел от этого мира, уединился в свое ничтожество, и скрылся под псевдонимом. Князь хотел было отказаться идти к госпоже де Ризор, не будучи с ней знакомым. Однако, сообразив, что в теософском Обществе могут встретиться полезные люди и клиенты для гаданья — решил пойти.

***

До переезда к Фриде Лемих, у князя были крупные неприятности. Приехав из Парижа, он снял комнату у женщины сомнительной репутации. Она сразу-же была очарована высоким происхождением, титулом, ученостью и прочими качествами Вольшова, но посте-

пенно все это стало тускнеть из-за ничтожной причины : жилец три месяца не платил за квартиру и задолжал молочнику. У хозяйки, обладавшей психологией содержателей меблированных комнат, лопнуло терпение и она как-то без предупреждения ворвалась в комнату Рони с возгласом : « Знаете-ли, господин князь ? вы мне уже надоели ». Застигнутый врасплох, Рони встревоженно поднял брови. На его немой вопрос тотчас последовал ответ : « Я не намерена терпеть такое безобразие », и было прибавлено : « если не будет мне через неделю уплачено за просроченное, то я вас вышвырну на улицу ». — Волышов возразил с достоинством, даже слегка возвысив голос : « Вы забываете, что я русский князь ».

« А мне на это начхать ! » заорала хозяйка. Когда это выражение долетело до сиятельных ушей, обладатель их чуть не лишился чувств. Заперев за мегерой дверь, он опустился в кресло. Да... пора было платить за комнату, а чем ? Хозяйка пригрозила багаж, книги и рукописи забрать к себе до уплаты долга, на что по закону имела право. Лишиться же своего имущества, было для него « смерти безвременной подобно ». Надо было на что-то решиться.

***

Вечером, обмотанный шарфом и компрессами, князь писал дрожащей рукой :

« Председательнице Благотворительного Русского Общества »

8-го апреля 1915 года. Милостивая Государыня,

Вам пишет одинокий, больной и всеми покинутый старик. Много слыхал я о Вашей доброте, побудившей Вас стать во главе благотворительной деятельности. Долг каждого из нас облегчать страдания ближнего, но не всякий решается отдаться служению этого долга. Тем крупнее Ваша заслуга, вызывающая восхищение

тех, кто имеет счастие вращаться в Вашем окружении или узнает в стороне о Ваших добродетелях». (Князь очевидно хотел сказать «на стороне», но долгие годы проведенные вне России отразились на его фразах, которые часто были переводом с французского).

Я никогда не обращался к благотворительности. было время когда я сам помогал нуждающимся, обладая большими средствами. Моя мать, рано овдовев, вышла вторично замуж, и я родился два года спустя. Сестры от первого брака, после смерти матери присвоили себе все наше состояние. По моим принципам, я не мог судиться с женщинами, но подал об этом деле письменный доклад русскому Государю. Злодейски убитый и в Бозе почивший Император Александр II не успел утвердить мое прошение. Это лишило меня состояния, до сих пор находящееся в руках сестер.

Происхожу я из знатной семьи, и надеюсь, что Вы не примете меня за просителя в лохмотьях обивающего пороги Благотворительных Обществ.

Должен Вам заявить, Милостивая Государыня, что я не прошу у Вас денежной помощи, хотя и очень нуждаюсь. Вы знакомы со многими и могли бы рекомендовать меня как человека Вашего общества, принужденного обстоятельствами работать : я предсказываю будущее и даю у себя консультации оккультного свойства, беру плату, и это дает мне возможность существовать. Я жил в Париже, где имел клиентуру, но покинул его из-за войны, когда и все оттуда бежали от Цеппелинов. Поселился я на юго Франции из-за климата, но здесь меня никто не знает. Не могу прибегнуть к рекламе, — это преследуется законом. Власти невежественны в области тайных наук, и не могут отличить шарлатана от имеющего истинные познания.

Предсказания мои часто сбываются. Так, я предсказал смерть всем известного С. и предупредил о том его жену, предлагая себя в виде громоотвода, т.е. хотел взять на себя тяжесть его судьбы — кармы, и тем про-

длить его жизнь. Она не поверила мне, муж ее вскоре умер». —Князь остановился; ему было трудно думать и писать по русски, вздохнув, закончил:

«Не считаю себя вправе дольше занимать Ваше время. Прошу внимательно отнестись к моему письму, в данный момент мое положение очень тяжелое».

Не сомневайтесь в том, что наступит момент, когда я получу возможность пожертвовать крупную сумму для Ваших бедных. Буду счастлив сделать это, а пока предоставляю себя Вашим любезным заботам».

Ясно и четко князь подписал «Рони» и свой адрес. Затем следовал постскриптум: «Простите что не открываю своего имени. Подписываю мой литературный и оккультный псевдоним».

***

Когда князь закончил и перечитал письмо, часы показывали около 8-ми вечера. Последний же обход почтальонов был в 9. Ему хотелось поскорее отправить свое послание, для чего надо было выйти опустить его в ящик. Просить об услуге хозяйку, после утреннего разговора, — не смел. Обратиться к привратнице? но адрес «Председательнице Благотворительного Общества» мог бы навести ее на нежелательные размышления: «Сообразит, что я нуждаюсь и потеряет ко мне уважение». Пришлось снять компрессы, надеть крахмальную рубашку, узкие ботинки, подновить лицо, вставить зубы. Бедный Рони употребил немало усилий, — он чувствовал себя почти больным; выйти же на улицу без перечисленных атрибутов, Волышев не решился бы и под угрозой смерти.

На цыпочках, (чтобы не услыхала хозяйка,) он покинул свою комнату и запер дверь. Письмо было вовремя опущено. Возвращаясь, столкнулся у подъезда с привратницей, вежливо поклонился, осведомился о здоровьи. Получил удовлетворительный ответ и тот же

вопрос. Женщины болтливы, Рони тоже отличался многословием. Между ним и мадам Рибо завязался длинный разговор. Начал его князь из политических целей желая забежать вперед: он объявил, что собирается покинуть комнату, так как недоволен хозяйкой. Это произвело неожиданный эффект, — оказалось, что привратница имела зуб против квартирохозяйки.

— У такой пройдохи никто из порядочных людей не станет жить. Вы отлично делаете съезжая от подобного чудовища». Князь поднял брови: — Отчего вы полагаете, что она чудовище? — Тут ему, с таинственным видом, были доложены ядовитые и приперченные подробности. Он слушал внимательно, в благородном негодовании произносил: «о-о-о, или а-а-а», и все запомнил. Расстался с мадам Рибо дружелюбно, и в самом прекрасном настроении поднялся по лестнице. Отворив ключом дверь вошел в переднюю и сделал торжествующую гримасу в направлении хозяйкиной комнаты.

***

Войдя к себе, князь опустился в кресло и задумался. Сведения полученные от мадам Рибо давали ему козырь в руки. В голове начал составляться план, но... чтобы исполнить его, пришлось-бы прибегнуть к... шантажу.

— Без этого не обойтись, — начал шептать, раздеваясь, Рони. Оставаясь наедине с собой, он часто говорил свои мысли вслух. — Неужели я так низко пал, что пойду на это? На компромис с собой, со своей совестью? Но если я на это не решусь, что же тогда получится? Я снова подвергнусь нападению со стороны этой фурии, буду принужден унижаться, лгать, уверяя что все заплачу... Едва ли Благотворительное Общество немедленно придет мне на помощь... и вот, в мои годы, придется очутиться на улице, лишиться моих вещей.

Найти другое помещение можно, но... чем заплатить? Хозяйка не пощадит меня. Стало-быть, шантаж? Я, последний в роде Волышовых, пойду на это?? — Он встал и начал нервно шагать по комнате: «Если я переменю адрес, это будет сопряжено с хлопотами. Как ни вертись, надо иметь хоть какие-то гроши. Откуда их взять? Все ценные вещи заложены, осталась лишь цепочка с образками... но разве мыслимо отдать ее в руки ростовщика?» — Князь метался и не находил себе места. В своем волнении нечаянно повалил стул. Тотчас раздался стук в стену: «Что вы спать не даете? За комнату не платите, электричество жжете, да еще дебоширите?» Узнав голос хозяйки, Рони взглянул на часы; время зашло за полночь. «С волками жить, по волчьи выть. Что же делать? — он стал готовиться лечь в кровать. Перед тем помолился, после сосредоточился. Ему стало казаться, что летит куда-то в высь; в комнате мелькали золотистые искры. «Все образуется», решил он, успокоился и тотчас заснул.

***

Через несколько дней хозяйка снова ворвалась в комнату Рони. Он приводил в порядок ногти и одновременно читал какую-то книгу. Поднял брови и хладнокровно спросил: «Что вам угодно?»

— Мне угодно знать, когда вы наконец соблаговолите заплатить за комнату и избавите меня от вашего сиятельного присутствия?»

— А мне угодно, — невозмутимо ответил князь, — чтобы вы не позволяли себе входить ко мне без разрешения, были бы вежливы и не безпокоили из-за пустяков.

— Пу-стя-ков?? — заорала мегера взбешенная тоном неплатящего жильца. — Бедной вдове должают месяцами за комнату, да еще издеваются над ней? И

некому за меня заступиться! Был бы жив мой покойный муж, он бы показал вам.

— Почему вы так кричите? Я не глухой. Не лучше-ли поговорить спокойно. Может быть, я завтра-же заплачу вам. — Хозяйка изобразила на лице подобие вопроса и опустила кулаки которыми упиралась в бока. Князь продолжал:

— Сегодня ко мне заходила одна дама. Сообщила, что Префект города заинтересовался мной и просил ее привести меня к нему на раут в свой дом, чтобы демонстрировать гипнотический сеанс. — Хозяйка моргнула глазами и втянула голову в плечи. Наблюдая за ней князь сделал паузу и продолжал: « Эта дама — одна из моих парижских клиенток. Ее фамилия Хризотопутос. Можете прочесть ее имя в местной светской хронике ». Словно невзначай на кушетке лежала развернутая газета и синим было отмечено: « Интимный прием у нашего уважаемого Префекта ». Князь остановил свой палец на заголовке и показал хозяйке. Она прочла, и кстати заметила разложенный на кровати парадный костюм. В ее голову закралось сомнение, но из осторожности пришлось стать любезной.

— Вы будете иметь счастие видеть нашего дорогого Префекта? — медово осведомилась она, « дадите гипнотический сенас? И заработаете? »

— Несомненно, — небрежно сказал князь. « Но не в этом дело. Я намерен кое-о чем поговорить с вами. Ведь я буду представлен Префекту. Он конечно спросит меня, где я живу и прочее. Возможно, что и сам отдаст мне визит. Так вот, хотел бы я знать, что это у вас за девица живет? »

— Моя племянница. Не понимаю такого вопроса. — Глаза хозяйки забегали.

— А та что жила на прошлой неделе, то пле-мянница?

— Конечно... сестра той, что сейчас живет. Но, мне пора уходить. — Князь загородил ей дорогу став

перед дверью. — А те три девицы, что у вас жили, тоже сестры и ваши племянницы? — он многозначительно поднял брови.

— Это были... мои пенсионерки, — залепетала хозяйка.

— А женщины живущие в гарсоньерках по нашей лестнице? Ведь помещения ваши. Какие туда мужчины ходят и остаются на ночь? Как вы можете это допускать в приличном доме? Я, ваш единственный законно прописанный жилец, являюсь ширмой для подобных безобразий?

Хозяйка сообразила, что дело плохо. Жилец, казавшийся « лунатиком » и не от мира сего, подмечал все, и был осведомлен лучше, чем то было бы желательно. Приняв смиренный вид, она решила выпытать, что он намеревается предпринять? Но не тут-то было. Князь все заранее обдумал : и словесное нападение противника, и возражения и вопросы, — не даром было у него еще две беседы с мадам Рибо, для чего пришлось расстаться с последними франками. Через полчаса хозяйка, потная и красная, спросила напрямик : « Чего вы от меня хотите ? » Рони ответил откровенно : « Завтра придет молочник, ему надо заплатить за прошлое. Устройте, чтобы он доставлял молоко и не приставал с долгом. Я еще месяц проживу у вас, в конце его заплачу за все. А до тех пор, извольте отдать рукописи вами вчера похищенные из моей комнаты когда я выходил по делам ». Не говоря ни слова, мегера вышла, но двери досталось так, что она едва не соскочила с петель. Через некоторое время, та же злополучная дверь приоткрылась : женская рука швырнула на пол коричневый портфель и кипу связанных бичевкой тетрадей. Князь бросился к этому сокровищу. Убедившись, что все цело, взобрался на стул и поместил рукописи на шкап за резьбой так, чтобы не было видно. Совершив этот подвиг, бросился в кресло и, радуясь как ребенок, произнес вслух : « Завтра у меня будет молоко ».

⁂

Рони попал в счастливую полосу. Молочник не безпокоил его, и ежедневно доставлял свои продукты. Хозяйка избегала встречи, но была вежлива. Занесенная благоприятным ветром, зашла к нему клиентка интересовавшаяся будущим родственников, от которых ожидала наследства. Ушла, замучив предсказателя почти до обморока, но оставила приличный гонорар. Затем, некая особа известная своим морганатическим браком, всеми почитаемая титулованная вдова, пожертвовала Рони известную сумму за его стихи воспевавшие ее добродетели. Стихи были посланы давно; не имея ответа, князь вежливо напомнил о себе. Вскоре зашел секретарь высокой особы и, удостоверившись с кем имел дело, с извинением передал деньги. Наконец явилась из Благотворительного Общества дама пришибленного вида, оказавшаяся платной помошницей председательницы. Она принесла деньги, потребовала росписку и чтобы он открыл свое имя. Извинилась что прислали мало но... « в Обществе у нас нет сумм для раздачи »... тут запнулась, не решаясь добавить « бедным ». Перед ней стоял, хотя и в поношенном костюме, но несомненно благородный господин, а по манере держиться был виден светский человек.

Он милостиво принял конверт, имени своего не открыл, написал росписку и начал любезный разговор усадив посетительницу в кресло. Госпожа Чернушкина оказалась любопытной. Она пересмотрела образки, крестики медали и ладанки, узнала подробности из далекого прошлого. Рони был в прекрасном настроении, увлекся воспоминаниями (отчего начал сильно хромать русский язык). Между прочим, описал маскарад бывший в доме его матери более полувека тому назад: « Наши залы были декорированы тропическими растениями. Лакеи в ливреях, докладывали о входивших гостях. Среди переодетых в восхитительные травести,

я отличался, так как носил на этом бале богатый ориентальный костюм специально выписанный из Персии. Я имел малиновые шолковые чулки кончавшиеся выше колен. Гости получили возможность любоваться моим нарядом и делали комплименты. На голову я одевал черный парик поднявший блеск моих глаз. Мой громадный успех стал причиной тому, что сестры остались недовольны мной. Вот от таких безделушек зародились зависть и нерасположение ко мне, кто был их братом... »

Чернушкина слушала с упоением и ушла в странном состоянии : Рони внушил ей уважение и... жалость. Однако очутившись перед своей госпожей, она, давая отчет о посещении господина Рони, не удержалась чтобы не посплетничать. Подперевшись ладонью и раскачивая головой, доложила :

« Подумайте, он красится. Щеки и губы. А по русски говорит как иностранец, даже смешно ». Генеральша все выслушала.

Вскоре в русской колонии пошли слухи о том, что живет в городе не то граф, не то барон; проиграл состояние в рулетку, обобрал сестер, пустил мать по-миру, задавая балы и маскарады. Впоследствии явилось новое толкование : Рони оказался лицом, скрывающимся заграницей из-за принадлежности к тайному Обществу Мартинистов. Шопотом прибавляли, что он совратил очень высокое лицо при Дворе, после чего началось преследование и изгнание мартинистов из России. Наконец родилась последняя версия за которой осталось прочное место : Рони — попросту проходимец, присвоивший чужое имя и титул; скрывается по причине не подлежащей огласке... замешан в подделке какого-то завещания. Вот почему не бывает ни у русских, ни в общественных собраниях.

Рони попал на язычек кумовьям и кумушкам во время войны, когда все тревожились событиями, а

«домашних» тем для разговоров не находили. Газеты и письма из России получались с трехнедельным, а то и месячным опозданием, театры были закрыты, больших приемов не делали, а благотворительные однообразные концерты всем набили оскомину. Дамы работали в госпиталях, — один из них был оборудован на русские деньги; там помещались раненые французские офицеры посланные для поправки на юг. Организовался Русский Комитет для помощи нашим военнопленным в Германии; в лагеря отправляли посылки с продовольствием и носильными вещами. Главным жертвователем был граф Строганов, живший в то время на юге Франции.

Вышеозначенная деятельность не мешала русским собираться друг у друга. За самоваром, сандвичами и печеньем чесали языки. Говорить о войне — значило повторять одно и то же: в официальных биллютенях больше сообщалось о погоде, чем о военных действиях. Семейных-же дел — измен или флиртов — не было: в ту эпоху члены русской колонии не превышали возраста 90 лет, но не было среди них и младше 50-ти. Случались похороны. Покойника отпевали на дому и в местном Православном Соборе, приносили венки и цветы, плакали, вздыхали, служили панихиды. Когда-же печаль рассеивалась, снова принимались за круговое чаепитие.

Сплетня о Рони, занесенная Благотворительным Обществом попала как бензин на тлеющий костер. Разговоры, сплетни и догадки о нем, росли, будто снежный ком из которого ребята лепят деда-мороза. Человек одарен фантазией, а ей нужно чем-то питаться. Один расскажет, другой не так поймет, третий прибавит, четвертый повернет по-своему, пятый украсит завитушками, и выростает целое здание. Князь был далек от мысли, что стал предметом пересудов русской колонии, куда он не показывался. Дамы, зашедшие к нему гадать, сплетен не передавали. Он со спокойной совестью уп-

латил хозяйке и молочнику, наградил мадам Рибо и переехал к Фриде Лемих.

Русская колония в это время нашла другой предмет для разговоров, а бедный Рони напрасно ждал клиентов или помощи от Благотворительного Общества.

⁂

Познакомясь с князем, Пиала проникся уверенностью, что получит свой капитал; адвокат подтвердил, что в одном из банков Лондона лежат деньги, на которые господин Пиала имеет известные права. Удостоверившись в этом, Рони собрал семейный совет из Фриды Лемих и мадам Буреско. Он председательствовал и красноречиво доложил, что имеется в виду выгодное дело но, чтобы двинуть его, нужно достать десять тысяч. Доверчивая по натуре Фрида заявила : « Будь у меня такая сумма, я бы ее одолжила ». Буреско сказала, что не рискнула бы своими деньгами, но чужие поищет и займется этим не откладывая. Потребовала себе 10% комиссии и обещание князя отчислить ей кое-что с его будущего выигрыша в рулетку.

⁂

Во вторник Пиала снова позвонил у дверей квартиры Лемих. Ему открыли и провели в комнату князя. Входя, человек-птица изобразил улыбку в направлении Волышова и мотнул головой на хозяйку давая понять, что ее присутствие нежелательно. Ожидавший его чтобы идти на Теософское Собрание, Роня был в сюртуке, при галстухе и в ботинках из серой замши. В его глазах светилось удовольствие от мысли, что он попадет в хорошее общество и себя покажет. Пиала, затянутый в жакет распространял по комнате запах дешевых духов. Этим ароматом и замысловатым галсту-

хом, он надеялся покорить сердце дочери госпожи де Ризор.

⁂

Де Ризор или графиня, как ее все величали, жила в аристократической части города, отдаленной от центра. Путешествие продолжалось недолго, так как князь нанял извозчика : идти пешком было бы утомительно, а трамваев он не признавал. За две улицы до « Виллы Глициний » князь заметил людей идущих в одном и том же направлении. Казалось, все были между собой знакомы и, судя по одежде, пользовались известным достатком. Преобладали пожилые дамы. Он с любопытством рассматривал идущих, поворачивая голову, но сохраняя позу : сидел прямо и корректно, как подобает господину привыкшему ездить в экипажах. Пиала уловил направление взгляда своего спутника, в присутствие которого чувствовал робость, подобострастно следя за каждым движением. Ему импонировал титул, — это украшение, в то время, было еще в почете. Желая удовлетворить любопытство князя, он пояснил : « Это все идут туда, к графине ».

— Почему же идут ? Отчего не берут извозчиков ? У госпожи де Ризор всегда бывает так много народу ?

— Бывает и больше, сами увидите.

В небольшом переулке, в глубине сада стояла вилла. В открытые двери входила толпа народа. Две горничные в батистовых передниках и наколках, едва успевали принимать шляпы, палки, дамские манто. Им помогал мальчик в ливрее. Войдя, Волышов почувствовал запах ладана, сразу оценил убранство дома и тонкий вкус хозяев. Он пришел в хорошее настроение и уловил тон, который следовало держать. Впрочем все

омрачалось тем, что его ввел в « приличный » дом, Пиала, мелкая сошка. Князь предпочел бы явиться в блеске литературных и ораторских успехов, в ореоле богатства, в славе... мага. Ах, эти деньги ! Без этого придатка стушевывался титул и приходилось маскироваться псевдонимом.

**
*

Шум голосов вывел Рони из задумчивости. Пиала стоял возле него и, вытягивая шею, старался заглянуть в комнату рядом. Он схватил князя за рукав и, нагнувшись, нырнул в толпу. Рони, бывший как на буксире, невольно последовал за ним, причем толкнул двух дам и не успел извиниться. Они очутились в большой зале уставленной стульями и креслами, где сидела многочисленная публика. Комната была затянута сукном светлокоричневого цвета, с бордюром стилизованных воронов. Мебель была обита старинной парчей. На стенах висели картины, с потолка свешивались хрустальные люстры. Посреди зала — концертный рояль с поднятой крышкой; драпировка из сукна с бордюром летящих воронов отделяла первую комнату от второй. Князь увидел, что стены там были завешаны черными тканями с китайскими вышивками, по одной из них спускалась кожа огромной змеи. В углу стоял столик с графином воды, стаканом и колокольчиком : подле помещались черная доска и позолоченное кресло напоминающее трон; его высокая спинка выделялась на фоне открытой двери за которой были видны шкапы с книгами в одинаковых переплетах. Над дверью висел треугольник, на нем синим, зеленым и красным был нарисован пентаграм, с глазом внутри, со змеей кусающей себя за хвост. Над пентагромом две буквы : « А.Б. » (Анна Безант).

Спутник Вольшова заметил два свободных стула, посадил князя и сел возле сказав шопотом, что впереди

места предназначены для почетных гостей и членов Теософского Общества, а кресло поставлено для графини, — она приходит позже и открывает собрание. « Вице-Председатель уже здесь » — Пиала мотнул головой на плотного господина с вопросительным выражением лица. Кроме него указал любимую ученицу графини — фанатичку теософку и на библиотекаршу : она сидела на стуле и что-то быстро записывала. А вот — ученые мужи — гордость салона де Ризор : известный математик, со лбом собранным во множество морщин; другой со впалой грудью, болезненный на вид, антрополог и дарвинист. Затем седой старик, с пушистыми до плеч волосами и длинной бородой привлекавший внимание своими необычайно живыми глазами. В прошлом он был наставником одного из королей небольшого европейского государства. После трех « столпов » Пиала обратил внимание князя на постоянных посетителей теософских вторников. Среди них выделялась молодая вдова с мушкой на щеке. Ее золотые украшения были аляповаты, туалет не отличался вкусом, но ее мильоны привлекали поклонников. Кроме нее, пользовался успехом художник-кубист, — немолодой, серый и мрачный. Его можно было бы сравнить с волосатой улиткой, если бы она существовала. За ним было преимущество, что Председательница его отличала стремясь всегда посадить в синедрион ученых мужей или почетных гостей. После каждой лекции задавала вопрос : « Господин Асквис, имеете что-либо возразить ? » на что следовал ответ : « Нет, благодарю вас, возразить нечего ». Рони полюбопытствовал, какие-же такие особые чары в этом художнике ? Почему Председательница Общества интересуется им ?

« Вероятно потому, что он ее соотечественник », — ответил Пиала и указал еще на кучку людей, скромно ютившихся у стены, обобщив их под названием : « опекаемые графини ». Как после оказалось, госпожа Ризор делала добро и раздавала деньги неимущим. Дом ее

всегда был полон просителями, гревшимися в лучах ее благотворительности.

« А вот и... она ! » — лицо Пиала скорчилось в блаженную улыбку. Он сделал движение головой, словно подавился лакомым куском и указал на входившую молодую девушку. « Дочь де Ризор ? » догадался князь.

— Да. Моя будущая невеста, — был уверенный ответ.

Младшая дочь Председательницы выделялась среди собравшейся публики. На ней лежал отпечаток благородства и достоинства. Изящная шея поддерживала маленькую голову с белокурыми волосами. Большие синие глаза глядели несколько надменно, но были красивы. Несмотря на теплое время года, она была одета в шерстяное платье с длинными рукавами. К ней тотчас подошло несколько человек. Ей кланялись, хотели говорить с ней. Скоро возле нее очутилась и старшая дочь, — полная противуположность сестры. Это была замужняя дама, поэтеса и артистка одного из скандинавских театров. Лицо ее было словно выточено из камня, впалые глаза подчеркнутые синевой горели странным огнем, скулы выдавались. Она имела привычку встряхивать головой и отводить со лба прядь темных волос, причем было видно уродство ее пальцев. Одевалась оригинально, в балахон с широкими рукавами стянутый у пояса бисерным шнуром. Говорила глухим, будто мужским голосом.

После дочерей последовал выход самой графини. Ее появление не могло бы пройти незамеченным не только в Обществе Теософов, где она была Председательницей. Ее наружность, походка, манеры, — все напрашивалось на сравнение с драгоценной жемчужиной. Несмотря на немолодые годы, была стройна, с прекрасным цветом лица и необычайно живыми глазами. Одну из стен украшал ее портрет, писанный небезъизвестным художником. Он передал ее изящество и величие, безукоризненной формы руку, оттенил

серебро красиво убранных волос, — но не мог точно изобразить ее глаза. Вероятно из-за искрящейся в них прозрачной глубины. Князь, при взгляде на нее, понял силу ее обаяния и то, почему так много народу в ее салоне, почему сразу все замолкли при ее появлении. Когда же он взглянул на ее младшую дочь, она показалась бесцветной, несмотря на свои 20 лет...

***

Председательница заняла кресло-трон и позвонила в колокольчик. Ее жест дал возможность полюбоваться холеной рукой украшенной изумрудами. Наступила тишина; раздался голос, низкий, отчетливый. Говорила на прекрасном французском языке с легким акцентом, сказала что предоставляет слово Вице-Председателю, который прочтет отчет о прошлой лекции и возникших возражениях. Затем объявила, что будет доклад господина Кусова, русского ученого. Он объяснит, что представляет из себя астральное тело и световые лучи, окружающие ореолом каждого из нас. « Но прежде чем начнется лекция », (закончила графиня), « дочь моя, Анна Стивенсон прочтет свое стихотворение ». Тут она перегнулась и, отыскав глазами своего соотечественника, позвала : « Господин Асквис, в первом ряду есть место ». Издали последовал ответ : « Благодарю вас, графиня, я здесь прекрасно вижу и слышу ». — В этот момент раздались апплодисменты. В дверях с пентаграмом показалась старшая дочь хозяйки и, встряхнув головой, начала декламировать :

« О, Дух невидимый, ведущий нас из тьмы,
Ты, сливший семь начал в одно !
Зовем Тебя, и все смиренно, мы
Стучим в закрытое окно...
О, Дух ! взгляни на падших ниц,
на связь, что нас объединяет,

и пусть экстаз склоненных лиц
звездою избранной пред Вечным засияет.
Пошли нам своего посланника небес
с живительной струей таинственных познаний,
и складки темные скрывающих завес —
раздвинь для нас, — дерзающих созданий. —

***

Анна Стивенсон подняла голову кверху, туда-же устремилась ее правая рука. Не меняя позы приняла дань оваций; удалилась когда Председательница позвонила колокольчиком: « Теперь приступим обычным порядком к нашему заседанию. Господин Олети, доложит отчет прошлой лекции ».

У столика с водой вырос Вице-Председатель, итальянец, с большими усами, маленькими глазками и тщательно зачесанной лысиной. Светлый костюм обтягивал его атлетические формы, он выставлял грудь, важно поворачивал голову и видимо гордился своим постом в Теософском Обществе. Взором победителя он окинул дамскую публику. В первых рядах сидела особа перешагнувшая критический возраст, имевшая виллу и прекрасное состояние. Итальянец глядел на нее пылким взором, она ему отвечала — влюбленным. Надувшись и откашлявшись, он начал по тетради: « На прошлом вторнике Пастор Курт читал здесь лекцию на тему: « Можно ли быть одновременно теософом и христианином? », и старался доказать, что это несовместимо ». (Тут Вице-Председатель был прерван неодобрительными возгласами. Колокольчик водворил тишину). « Как доказательство своего предположения, Пастор Курт привел в пример что мы, теософы, считаем будто каждый из нас носит в себе частицу божества, и верим, что благодаря ей, мы, после ряда перевоплощений, можем приблизиться к степени божества. Пастор из этого вывел заключение, что мы

преисполнены гордыни и в нас отсутствует первейшая христианская добродетель — смирение. Далее Пастор обвинил наше учение в том, что мы видим во Христе не Сына Божия, а лишь одного из Его избранных пророков, какими до Христа были Кришна, Будда, Платон, Сократ и позже Иоанн Креститель. По мнению пастора Курта, если теософы не признают Христа Богом, а в Матери Его видят только легенду и аллегорию, стало быть они антихристиане, — иначе говоря наше учение, есть учение антихриста». Олети остановился, обвел глазами аудиторию, где последняя фраза вызвала восклицания и смех. После вмешательства колокольчика, продолжал: «Пастор Курт также восстал против теории перевоплощения и упорствовал в том, что это мираж и воображение, однако не привел ни одного доказательства в подтверждение своей точки зрения. Таково было содержание лекции, записанной мною по памяти, так как пастор отказал нашей Председательнице в просьбе оставить для просмотра записки по которым читалась лекция.

«А когда господин Курт попросил одолжить ему книгу Блавацкой "Ключ нашего учения", я ему не отказала», — отпустила шпильку библиотекарша. Хлопки и одобрительные возгласы поднялись с энтузиазмом. Не покидавший своего поста Олети улыбнулся в первые ряды и продолжал: «После лекции пастора Курта господин Раев, в доказательство перевоплощения, привел слова Евангелия: «Он был среди вас и вы не узнали его», — это ответ Иисуса Христа на вопрос учеников: «Ты не Илья-ли пророк?» Затем господин Кударис прочел выдержки из индусской книги Веда, где было указано полное сходство между Кришной и Христом. На это русский поп, (Олети так и выразился «поп») возразил: «сходства никакого, ибо Кришна убивал диких зверей, а Христос зверей не убивал; к тому же мать Кришны, будучи юной девицей засыпала под деревьями и ей во сне являлся юноша причем она

испытывала блаженство». По мнению попа, это было подозрительно. Далее выступали еще несколько лиц, так как лекция пастора многих задела за живое. Сегодня предстоит лекция господина Кусова об астральном теле. В следующий вторник будет сообшение господина Баливера который, по влечению, перешел из католической в иудейскую веру. Тема его лекции: «Теософия — союзница и глава религий». Мы послали приглашения: пастору Курту, нескольким аббатам, равину и просим многоуважаемого попа Булимова не отказать почтить своим присутствием означенный доклад». — Настоятель бывших в городе двух православных храмов, поднялся из первых рядов: «Благодарю, буду непременно». Закончив свой отчет Олети долго раскланивался с публикой. Наконец уступил место господину Кусову.

⁂

За его продолжительной лекцией Рони сидел вытянувшись, напрягая волю чтобы не задремать: он не отдыхал после завтрака и был утомлен впечатлениями. Кусов говорил медленно, употребляя санскритские, латинские и теософские термины. При первых же фразах Рони почувствовал что нового ничего почерпнуть не может: он был любознателен, оккультизмом интересовался чрезвычайно, прочитал немало книг; был знаком с Сент Ив д'Альведр, — вдохновленный им даже выпустил роман в диалогах; имел честь жать руку Фанега, беседовал со Скиапарелли и был в переписке со знаменитым Лафонвиелем. Наконец, сам обладал даром предвидения, предсказывал будущее. Словом его умственный и образовательный запас был достаточно велик, так что лекция Кусова не могла ничего добавить к его познаниям. Лектор напоминал ему юные годы, школьную скамью, учителя на которого в классе рисовали каррикатуры; он часто пощипывал бородку и потирал руки, голос его был сладкий,

французский выговор отчаянный, тем более что он картавил подражая французам. Черная доска, мел в руке выписывающей какие-то фигуры, щеголяние словами вроде « линга-шарира », « кама рупа », « монас » и столик со стулом, — усиливали впечатление чего-то школьного. Аудитория тоже напоминала сидевших учеников : как полагается первые ряды были внимательны, кое кто записывал за лектором. Сзади « на камчатке » пошаливали, раздавался шопот, заглушенный смех или сопенье, — будто уснул на последней парте ленивый ученик.

***

Находящееся « по ту сторону жизни » дано знать немногим, и то лишь в мутном свете, прикрытое аллегориями и туманом неразобранных письмен. Знание это освещается верой в загробную жизнь и даром ясновидения которым обладают немногие. Большинство людей ничему не верят, даже смеются над областью таинственного. Они уподобляются нашим предкам, не верящим в появление самодвижущей машины, в завоевание воздуха и передачу звуков на расстоянии. Иные видят свет лишь в окошке материализма и не доросли до сферы высшего мышления, некоторые готовы признать : « там что-то есть ». Из них и была, в большинстве, составлена публика приходившая на теософские собрания. Кусов обладал некоторыми знаниями в области оккультизма, и, хотя щеголял учеными словами, но в лекции своей старался применяться к аудитории, излагая как можно проще и понятнее, иллюстрируя большими картонными листами, на которых, по утверждению лектора, были изображены астралы.

« Каждый из нас окружен как бы лучами или сиянием : у головы это длиннее, а в нижней части туловища — едва заметно. Если тело где-либо поражено болезнью, сиянье в том месте уменьшается и

темнеет. Лучи астрала бывают разного цвета, это зависит от качеств и недостатков человека, от умственного развития. Благочестивый и кроткий светится голубым; вспыльчивый и сладострастный — красным. В припадке гнева получаются лучи бурые с коричневым оттенком; у скряги они зеленоватые. Не думайте что лучи эти правильны, — это как бы газ беспрестанно колеблющийся, принимающий причудливые формы. Вот мать, кормящая младенца», — Кусов показал розовый овал с переплетением голубых и золотых кругов. « А вот человек в момент совершения преступления ». Тут перед публикой появился овал коричневый со змеящимися красными и зелеными полосами. Кто-то из аудитории усумнился : « Кто же видел преступление и кем был зафиксирован этот астрал ? » На это последовал ответ, что рисунок сделан ясновидящей изобразившей бывшее ей откровение. В заключение лекции Кусов объяснил, что астрал такой же смертный как наша земная оболочка; он выходит из нее когда умирает тело. Не следует сжигать мертвых : это причиняет астралу большие мучения подвергая искусственному преждевременному отделению. Также и бальзамирование тела заставляет астрал скитаться дольше чем полагается. Животные обладают свойством чувствовать его, благодаря шестому чувству почти утерянному человеком. Обратите внимание на лошадей проезжающих мимо кладбища : они прядут ушами и косят глазами, т. к. на могилах, оградах и деревьях находятся астралы умерших. Собаки воют предчувствуя смерть в доме : они видят начинающееся отделение астрала от покидаемого им тела. Однако со смертью и растворением астрала не все кончается для человека... но об этом в следующий раз ». Лектор закончил, ответил на вопросы, раскланялся на аплодисменты.

***

В публике поднялся говор и шум, задвигали стульями, все разом заговорили. Окружили председательницу и лектора, начался обмен впечатлениями. Рони наметивший план действий, схватил за рукав своего спутника и попросил, чтобы он его представил хозяйке дома. Лицо Пиала изобразило крайнее смущение, он пролепетал : « Это неудобно, в другой раз, графиня занята ». Поняв, что от него ничего не добьешься, князь решил действовать самостоятельно. Пиала нагнул голову, нырнул и очутился сзади младшей дочери графини. Волышов заметил недалеко от себя заведующую библиотекой и почтительно поклонился ей. Она приветливо кивнула. Ободренный, Рони начал с ней разговор : « Извините, что обращаюсь к вам, не имея удовольствия быть представленным ». Согнулся в поклоне, библиотекарша изобразила на лице ответную улыбку. « Мое имя, то есть, псевдоним, Рони. Я писатель и оккультист ».

« Оккультист ? » просияла она, « это интересно ».

« Очень интересно », — подтвердил Рони. « Я недавно из Парижа, но везде посещаю места по моей специальности. Услыхав о теософском салоне графини де Ризор, попросил одного знакомого ввести меня. Не имея чести быть представленным графине... » — « Это ничего не значит », — перебила библиотекарша, — « наша Председательница не знает и половины тех, кто бывает на собраниях ». Волышов поднял-было удивленно брови, однако тактично опустил их : « все-же я хотел бы быть представленным хозяйке дома и засвидетельствовать ей мое почтение ». — « Графиня будет рада с вами познакомиться, особенно если вы интересуетесь теософией ».

« Как же может быть иначе ? Это молодая наука в оккультном мире, и я хотел бы углубиться в нее.

« Могу рекомендовать книги из нашей библиотеки : в « Секретном Учении » Блавацкой вы найдете все что нужно. Но если желаете ближе познакомиться с на-

шим Обществом, я вас представлю графине. У нас по четвергам бывает курс обучения, читаются книги, разбирается прочитанное. Члены нашего Общества, и посторонние, делают интересные доклады. Наша Председательница, конечно, пригласит вас ».

« Это очень ценно », — кивнул головой Рони, — « я может быть запишусь и в члены вашего Общества ». « Мы будем рады », — ответила библиотекарша и вынула из сумочки книжечку с отрывными квитанциями, но Рони остановил ее : « Нет, нет, не сейчас, я сперва должен подготовиться ».

Тут они с Волышовым посторонились, так как две горничные вносили столик, уставленный тарелками с сандвичами и печеньями, а также чай с молоком. Мальчик в ливрее нес второй столик. Вошедшие тотчас были окружены публикой; чашки с беловатой жидкостью замелькали в руках. Ближе всех стоял Пиала, загребавший себе на тарелочку печенья и внушительную порцию сандвичей. « Вероятно, будет угощать дам », — подумал Рони, но ошибся. Отойдя в сторонку, человек-птица занял созерцательный пункт сзади младшей дочери графини, и начал пожирать еду запивая чаем, причем лицо выражало полное удовольствие. Занятый наблюдением над Пиала, князь не заметил как затерялась в толпе библиотекарша. Он огорчился, но тут к нему подлетел, с чашкой в руке, Вице-Председатель. Он очевидно искал кому-бы сплавить чай и, заметив Рони, атаковал его : « Не угодно-ли вам ? — « Благодарствуйте », — ответил Волышов принимая напиток, и в свою очередь, атаковал Олети, заведя разговор того-же содержания, как с библиотекаршей. Однако, он сгустил краски и расточил витиеватые похвалы по адресу теософии, воздержавшись от готовности записаться в члены Общества. Когда он заявил что занимается оккультными науками и имел удовольствие беседовать с Фанегом, итальянец выразил намерение познакомить его с госпожей де Ризор. Рони то-

лько этого и ждал. Он последовал за Олети и через минуту предстал пред прекрасные очи Председательницы. Услыхав что он писатель и оратор, а также не профан в оккультных науках, — подала ему руку. « Рада с вами познакомиться. Я всегда приветствую, когда мой салон пополняется выдающимися людьми ».

« По отношению ко мне, это слишком лестно. Мое имя редко появлялось в печати, хотя несколько книг уже выпущено и, если разрешите, я преподнесу вам мой скромный труд о драгоценных камнях и о вдохновении свыше. Книги эти я написал руководствуясь собственными наблюдениями и опытом. В первой изложил любопытные открытия о соотношении драгоценных камней с индивидуальностью человека, их влияние на нервную систему ».

« Обязательно ознакомлюсь с вашим трудом; все ваши книги будут приобретены для нашей библиотеки ». — Беседа Председательницы и Рони затянулась. Они ушли в столовую где продолжали живейший разговор. Услыхав имя маркиза Сент Ив д'Альведр, госпожа де Ризор призналась, что незнакома с его теориями. Рони удивился и обрадовался: для него появилась возможность дать что-то новое и убедить Председательницу Общества Теософов в том, что он тоже обладает кое-какими знаниями. Рони не договаривал (излагая свою тему) и оставлял почву для догадок. Он ни за что не хотел открыть своего имени,

— В виду временных затруднений я скрываюсь под псевдонимом. Громкое имя требует золотого ореола. — Тут он назвал, как бы невзначай, несколько лиц русской и иностранной аристократии, а также дипломатов, с которыми был знаком. Разговор его и манеры, несмотря на некоторую жеманность, были изысканы, костюм элегантен, хотя старомодный. В конечном результате графиня была очарована и заинтригована. — Если хотите скрываться под псевдонимом, воля ваша. В этом доме все свободны, — сказала она и пригласила

Рони к себе в конце недели на чашку чая. Он с достоинством принял приглашение. Хозяйка встала полагая, что разговор кончен, но Рони заявил что имеет сказать нечто по секрету и просил извинить, что после области духовной перейдет на почву материальную.

« Я намекнул на расстройство моих дел. Не сомневаюсь в том, что скоро все поправится, и я стану на равную ногу с лицами от которых невольно удалился, но... в данное время принужден зарабатывать свой хлеб. Мое приниженное положение является свыше посланным испытанием, — это моя « карма » (судьба). Чтобы существовать, я даю консультации, то есть предсказываю будущее на основании астрологических вычислений и внушения свыше. К сожалению, принужден брать за это плату, хотя, по моим понятиям, не следует мешать оккультные науки с материальным интересом ». — Так говорил Рони и все больше завоевывал симпатию госпожи де Ризор. При последних словах голос его дрожал, глаза выражали неподдельную грусть. Она взяла его за руки : « Тронута вашим доверием. Будьте покойны, я все понимаю и никогда не позволю себе осуждать вас. Прошу считать меня и моих дочерей в числе ваших постоянных клиенток; буду многим рекомендовать вас ». Рони молча склонился над протянутой ему рукой. Графиня пригласила его следовать за собой в залу, где уже начиналось музыкально-вокально-литературное отделения. У Председательницы Теософского Общества было принято, после лекций угощать чаем, а затем желающие исполняли артистическую программу, — играли на музыкальных инструментах, пели, декламировали, или переодевшись в соответствующие костюмы, выступали в характерных танцах.

***

Когда кончилась артистическая программа, публика начала расходиться. В тесноте, Рони разлучили с графиней, а ему хотелось еще поговорить с ней. Через некоторое время хозяйке попалась на глаза его высокая фигура; она поманила его. — « Куда же вы исчезли, господин Рони ? Я хотела вас кое с кем познакомить; к сожалению, многие ушли ». Все же она представила его ряду лиц. Рекомендация Председательницы Общества побуждала внимательно отнестись к « замечательному предсказателю и ученому оккультисту ». Вокруг князя собрались особы женского пола, расспрашивали, откуда он, давно-ли из Парижа ? К нему тянулись ладони и сыпались просьбы прочесть судьбу по линиям рук. Он отшучивался, говорил что уже поздно, пора домой и роздал свои карточки с обозначением адреса, дней и часов приемов. Вскоре к нему подошли и дочери графини, — мать познакомила их со своим новым протеже. Разговаривая с младшей, он вдруг увидел возле себя Пиала, смотревшего на девушку влюбленными глазами, и одобрительно кивавшего за каждым ее словом.

***

Возвращаясь с теософского собрания, Рони сиял и улыбался. Из разговоров с ним, Фрида Лемих кое-что знала, а так как у нее не было секретов от привратницы, то последняя, встретив князя на лестнице почувствовала, что случилось что-то необычайное. Все окружающие господина Рони были уверены в том, что вот-вот на него посыпятся мильоны и надеялись извлечь из этого пользу. Фрида мечтала о квартире за городом, с садиком, куда князь будет приезжать из Парижа отдыхать на юге. Мадам Буреско хотела бы иметь « веер обсыпанный алмазами », а привратница думала : « недалеко то время, когда за каждую услугу буду полу-

чать крупную монету ». В ожидании будущих благ, господина Рони уважали, и даже любили.

⁂

Услыхав, что в двери поворачивается ключ, Фрида бросила стряпню и устремилась навстречу князю. Он впервые отлучился из дому на долгий срок, и она безпокоилась. « Ваше сиятельство. Не случилось ли чего ? Или, может быть, трамвай опоздал ? » — Волышов с презрением открыл рот. « Трамвай ?. Ах, фрау Лемих, прежде чем говорить, вы бы думали. Разве я езжу на трамваях ? » — Фрида сконфузилась и юркнула в кухню. Он последовал за ней : « Должен сказать вам (тон не допускал возражений), что не могу жить дольше в подобных условиях ». Хозяйка выронила из рук нож и картофель, а князь безжалостно продолжал : « Я уже не раз говорил вам, что мне необходим салон. Прошу сделать все, что можете, чтобы исполнить мое скромное требование. Ко мне, может быть, на днях придут клиенты, не могу же я давать им консультации на умывальнике ? Войдите в мое положение ».

Фрида из высокой женщины превратилась в маленькую. « Я вас вполне понимаю, князь, — зашептала она (громко говорить не было сил), « знаю, что такому высокорожденному лицу невозможно жить в одной комнате... но что же поделать ? Буреско еще остается в моей квартире. Я бы вам уступила мое помещение и перебралась в кухню, но я сама принуждена ютиться в темном чуланчике.

« Добейтесь того, чтобы мадам Буреско уехала, на то вы и хозяйка. Надо быть энергичной. Поймите наконец, что опасно жить в одной квартире с женщиной пользующейся во время войны двумя паспортами. А если она окажется шпионкой ? Тогда оба мы с вами будем скомпрометированы ». Фрида начала-было протестовать. Рони остановил ее безапелляционным : « Не ви-

ляйте и не выдумывайте. Я все вижу в моем магическом зеркале ».

**
*

Мадам Лемих огорчилась до глубины души. Она-то безпокоилась, что князь долго задержался, она-то старалась с обедом чтоб ему угодить, она ли не надеялась узнать что за вторники у графини, какие такие люди теософы? А в результате — холодный душ и ультиматум: « Чтоб мне был салон ». Разогреваемая собственными жалобами, Фрида обиделась и всплакнула. Это не помешало ей сготовить вкусный обед и пойти для князя за минеральной водой.

**
*

Рони предполагал назначить прием клиентов с будущей недели.

Он перечитывал оккультные книги, возобновлял в памяти свои знания, твердил наизусть магические формулы, поручил хозяйке разгладить вуали и привести в порядок аттрибуты гаданий. Как-то к нему заглянул Пиала, но Волышов принял его сухо обезкуражив заявлением: « Я видел в моем зеркале, что дочь госпожи де Ризор на вас не обращает никакого внимания, а за глаза даже насмехается ». Последнего Пиала никак не ожидал и, побледнев, спросил: « А ваше зеркало никогда не... ошибается? » Рони был выше того чтобы обижаться на подобное подозрение и ответил: « Оно мне открыло также что вы никем не были представлены де Ризорам, а пробрались в их дом самовольно, без приглашения. Несмотря на это я вам благодарен, что вы указали мне туда дорогу ». Пиала съежился и исчез. После этого долго не появлялся. Кроме него завернул к Рони секретарь особы известной своим морганатическим браком. Он оказал князю небольшую денежную

помощь и обещал прислать клиентов для гадания. Ушел, не выслушав длинного монолога и поверг в отчаяние замечанием: « Что это вы в такую глушь забрались? Не думаете ли принимать клиентов в подобной конуре? Здесь и повернуться негде ».

Бедная Фрида Лемих. И досталось же ей после этого визита ! Князь почти что вышел из себя и категорически заявил, что если у него не будет салона, то он « примет энергичные меры ». В чем бы они заключались, он и сам не знал, но было необходимо испугать хозяйку и разрядить свое неудовольствие. « Вы поймите, он сказал « ка-нур-ка ». Это ужасно! Ка-нур-ка ». Слово было сказано по русски. Что такое « канурка » Фрида не знала, но видя гнев его сиятельства, решила что это что-то скверное и обидное.

***

Рони прихворнул от этих треволнений. Мадам Лемих лечила его симпатическими средствами. Например, обмотать шею на ночь чулком снятым с собственной ноги, или — выливать за окно остатки недопитой воды : ветер подхватит и унесет болезнь. Добрая женщина ломала себе голову, придумывая, чем бы помочь горю, как бы создать несуществующий « салон ? » Она не решалась беспокоить Буреско, боясь ее доносов на неправильное ведение квартирных книг и другие недочеты, о которых « подруга » была осведомлена лучше самой Фриды. Поведение же князя в отношении мадам Буреско было странное, а может быть « хорошего тона » как решила наблюдавшая за ними Лемих. Он был любезен, шутил и принимал ее угощения, а когда румынка выходила из дому, пилил Фриду, требуя « салон ». Наконец, доведенная до крайности, она все же нашла способ выйти из положения.

***

Этажом ниже она имела еще одну квартиру приносившую скромный доход. Много перебывало там всякой шушеры; поживут месяц-другой, съедут, случалось, что и не заплатят. Портили мебель, рвали белье, били посуду, прожигали папиросами скатерти и простыни. Натерпевшись, Фрида решила сдать помещение хоть бы и дешево, но хорошим жильцам. Дала объявление.

К ней явились седой господин с молодой дамой, ведшей на ремешке фоксика. Осмотрели помещение, переговорили между собой и спросили цену. Хозяйка спросила недорого, господин предложил половину. Лемих всплеснула руками: « Три комнаты с кухней! На солнце! Меблировка, белье посуда! » Дама и господин переглянулись и надбавили, заметив: « Меблированных квартир в городе — хоть отбавляй, но ваша нам понравилась. Будем платить аккуратно, жить до конца войны. Если уедем летом в горы, то квартиру оставим за собой ». Фрида подумала, пошевелила губами и согласилась. Тут же получила за месяц вперед. Это случилось за год до того, как Рони снял у нее комнату.

⁂

Жильцы оказались тихими, нетребовательными. Воспитанный фокс без толку не лаял и лестницы не пачкал. Молодая дама ни с кем не вела знакомств, не пускалась в разговоры с привратницей, даже не ходила в лавочку, а посылала свою поденщицу. Поэтому все решили, что они « гордые ». Пожилой господин, по утрам сам приносил себе хлеб и газеты, не допускал никаких фамильярностей и, вероятно поэтому, стал пользоваться всеобщим уважением. Оно еще усилилось, когда в местных газетах стали появляться статьи за его подписью. В них речь шла о России, и излагались такие вещи, что никто глазам не верил... Автор утверждал и доказывал, что в этой стране печать почти свободна, женщина не рабыня и даже лучше огражде-

на законом чем в некоторых цивилизованных странах. Литература одна из выдающихся, язык богатый, прекрасный. А мужик — подумайте ! у каждого имеется корова и лошадь, кур и уток не считают. Голубей и кроликов там не едят, — держат для забавы *).

Солдат — смышленый. Русская Военная Академия выпустила несколько одаренных полководцев, между прочим и Суворова (почему не Суварова ?). Что же касается климата, то местами он прекрасный. На Украине, например, овощей, фруктов и хлеба родится больше, чем во всей Франции.

Эти статьи колебали сложившиеся понятия, читатели качали головами : « Всему поверить можно, а этому трудно. Вранье. Нет, шалишь, нас не проведешь », — и прозвали русского господина « шутником ». Однако он не унывал и продолжал твердить, что Россия не дикая страна; что касается веры — там почитают Богородицу также как Мадонну у католиков, идолам не поклоняются, а при венчании, в Церкви стаканов не бьют. Ему не верили, но читали с удовольствием. Французы любознательный и симпатичный народ, а вот растолкуй ему что-либо о России, расскажи, что у нас мужья жен плетками не стегают, прислугу не хлещут кнутами, медведи не бегают по улицам, волки не воют под окнами... Выслушають. Удивятся. На прощанье выразят симпатию, даже упомянут известных им « Тольстои », « Достоэвски », « Тшеков », а на другой день предложат те же вопросы и начнут сказку про белого бычка.

***

Про пожилого господина и его даму ходили слухи, будто они не дядя и племянница, а вроде как бы муж и жена, только удивлялись, что она юная, а он седой,

---

*) Все это происходило до переворота 1917 г. (прим. автора).

но сплетничали умеренно, с оттенком симпатии. Но вот появился Рони и затмил жильцов мадам Лемих; внимание, разговоры, сплетни, почтение, уважение — все перекочевало на его сторону. Фрида, иногда вешавшая на ручку двери жильцов букетик цветов (при чем звонила и убегала), или приносившая молодой даме домашнее печенье, — словно забыла о ней и видала лишь раз в месяц получая плату за квартиру.

Однако случилось обстоятельство заставившее мадам Лемих вспомнить о жилице I-го этажа и нанести ей визит. Как-то, после завтрака, она позвонила у парадной двери. Молодая дама тотчас открыла : увидя хозяйку с букетом мимозы, приняла подарок и пригласила зайти посидеть.

— Я не хочу вам мешать, зашла на минуту, — уселась на диван Фрида.

— Извините меня за домашний туалет, сегодня так жарко, — дама оправила складки платья. Хозяйка с неодобрением взглянула на ее розовое дезабилье, с отсутствием рукавов замененных кружевной оборочкой. Руки и плечи дамы напоминали портрет Виже Лебрен, но Фрида не была сильна в искусстве и почувствовала себя скандализованной. Однако, не выразила порицания и приступила к сути своего визита : « Я к вам с просьбой ».

— Рада быть вам полезной, — ответила дама, ставя мимозу в серамиковые вазы украшавшие камин.

— Мой жилец, князь, о котором вы конечно слышали — степенно начала маадм Лемих.

— Какой жилец ? я ничего не знаю, — был ответ. Фрида с изумлением взглянула на молодую особу. « Ни-че-го не знаете ? » — протянула она. « Его зовут Рони. О нем же только все и говорят ».

— Понятия не имею. Ни от кого не слыхала, — Фрау Лемих ушам не верила. « И господин Муров, (так была фамилия дяди молодой дамы), тоже ничего о нем не слыхал ? » — И дядя наверно ничего не слыхал.

— Да что же такого особенного в вашем жильце? И какой он князь?

Фрида обрадовалась случаю поболтать на интересную тему, доложила подробности о Волышове, даже фамилии его не переврала. «Так он русский князь?» — заинтересовалась молодая дама. «Почему он в бедственном положении? Жаль, что мы раньше не знали, мы бы с ним познакомились».

«Его затрудненное положение временно, скоро будет он снова богат», — поспешила уверить хозяйка. — «Знаем мы эти временные положения...» — вздохнула дама и бросила взгляд на фотографии, где была снята в красивых туалетах, а ее дядя — в блестящем гвардейском мундире. «В чем заключается ваша просьба? Пупсик, стыдно чесаться при гостях», (замечание относилось к фоксу).

«Право не знаю, как сказать... боюсь вас безпокоить, — заерзала Фрида и ее добрые глаза умиленно уставились на даму. Ни за что не решилась бы она просить о чем бы то ни было, но это касалось князя. Для него она даже поборола врожденную застенчивость. Заикаясь и путаясь, спросила разрешения для его сиятельства, в определенные дни и часы пользоваться столовой для приема его посетителей. Это можно устроить когда уходит господин Муров из дому... это ненадолго, лишь пока не уедет мадам Буреско».

«Рада оказать вам услугу, но все же надо познакомиться с вашим жильцом. Пупсик, не приставай!» Фокс перестал барабанить лапами по руке своей хозяйки, прыгнул на диван, начал гримасничать и скалить зубы издавая звуки похожие на вой. «Что с ним такое?» — полюбопытствовала Фрида.

«Он просится гулять. Ну, так передайте князю, что господин Муров и я будем завтра ждать его к чаю». Эти слова были сигналом к уходу. Рассыпавшись в благодарностях, Лемих удалилась, довольная результатом своего визита.

* * *

На другой день ровно в 4 часа дня, Рони (хотя ему надо было лишь спуститься этажом ниже), надел мягкую шляпу, палевые перчатки и захватил палку с сердоликовым набалдашником. Прибавим к этому черный жакет, серые в полоску панталоны и мастерски повязанный галстук — получим представление о господине с изяществом нажимающего кнопку звонка. Дверь открылась. Волышов очутился лицом к лицу с женщиной лет 25-ти и был сразу поражен ее наружностью. Наталия Андреевна не была красавицей, но всем нравилась. И не только своей внешностью; привлекала ровным ласковым отношением к людям и, главное, способностью выслушивать то, что ей говорили. Самое простенькое платье, на ней — казалось « туалетом ». Ее охотно приглашали на приемы и чаепития в русской колонии, но она редко где показывалась. Приглашения стали реже, когда в местных органах печати стали появляться заметки на бытовые, а порой и злободневные темы подписанные « Наташа ». Ей стали завидовать и осуждали, приписывали статьи перу Мурова, под которами она, якобы, лишь подписывала свое имя. Но мало ли что болтают языки ? Хорошее говорят, обычно, о людях ничтожных, а все дурное, некрасивое и грязное выливается на тех, кто чем-либо выделяется.

— Имею удовольствие видеть мадемуазель Чекалову ? — приятно улыбаясь, представился князь. — Извините, не знаю вашего имени-отчества.

« Меня зовут Наталия Андреевна. Приятно с вами познакомиться ». Гость был приглашен в столовую. Фокс тотчас атаковал его, забарабанив лапами по щегольским брюкам; песик даже повизгивал от удовольст-

вия. Рони более чем милостиво отнесся к проявлению собачьего гостеприимства..

— Он чувствует в вас хорошего человека, и по своему выражает, — пояснила Наталия Андреевна. « Пупсик, ступай на место ».

— Он не мешает мне, но так скачет, что трудно рассмотреть его. Кажется, он породистый ?

« Да... его мать была премирована в С. Петербурге. Ну, перестань надоедать, Пупс. Хочешь сахару ? » При этом магическом слове фокс оставил гостя в покое, взлетел на стул, соскочил на пол и стал служить. Разговор некоторое время вертелся вокруг собачьих тем. Рони сказал что у него еще недавно был пудель, но перевезенный летом в горы, не вынес высоты, умер от разрыва сердца. « Собака — друг и спутник человека. Она притягивает хорошие флюиды, изгоняет ларвы. Перед смертью она устремляет последний взгляд в небо. Однако, простите, я еще не поблагодарил вас за то, что согласились предоставить мне вашу столвую для консультаций ».

В эту минуту вошел Муров. Он был среднего роста, с круглым веселым лицом, седыми усами, и пострижен под машинку. Одевался, как и Волышов, старомодно и душился дорогими духами. Поклонившись князю, подал ему небольшую красивую руку. « Рад с вами познакомиться, князь. Не сомневаюсь, что принимаю у себя интересного человека ». — Волышов озарился ответной улыбкой : — « А я всегда читаю ваши статьи в парижских и местных газетах, отдаю должное вашему уму, таланту и знанию истории ».

« Приятно слышать подобную оценку моего труда. Вы очевидно тоже сильны в истории. Она — база, на которой основывается настоящее ».

« И строится будущее », — заключила Наталия Андреевна.

« Правильно. Потому я и прошу тебя глубже вни-

кать в нее. А скажите, князь, вы из того рода Волышовых, который... »

« А вы принадлежите к той ветви Муровых, которая... » — тут собеседники вдались в генеологические подробности, отыскали отдаленное родство и немало общих знакомых. Визит князя затянулся до вечера. Расстались довольными друг другом. Волышов был приглашен на другой день к завтраку.

***

Надежды Рони оправдались: неделю спустя после вторника у теософов, по рекомендации госпожи де Ризор, к нему стали приходить клиенты. Члены Общества хотели угодить своей Председательнице, к тому же, их любопытство было возбуждено таинственностью предсказателя. На улице где он поселился, у подъезда останавливались экипажи: карточка Рони была прибита у входной двери с обозначением дней и часов приемов.

Натали Чекалова приняла большое участие в новом знакомом, — придала своей столовой вид « салона », уходила с Муровым в часы консультаций и позволила поставить в корридоре сундук с аттрибутами гаданий.

Давая консультации князь добросовестно исполнял роль предсказателя: накрывался вуалями, давил себе голову магическим обручем, сосредоточивался и напрягал свои способности ясновидения. Эти декоративно обставленные сеансы не были похожи на демонстрации перед Буреско и Фридой, — там он забавлялся, а к приходившим от Теософского Общества относился серьезно, тем более что они могли бы уличить его в « подделке ». Поэтому ему приходилось тратить свои силы и, как он выражался « отдавать частицу самого себя ». Рони правильно говорил прошлое, угадывал ближайшие события, удачно определял болезни и давал разные советы. Клиенты возвращались к нему и

посылали друзей. Бедный князь утомлялся, а после приемов превращался, по собственному определению, « в выжатый лимон ». Вечерами сидел в кресле с холодными компресами на сердце и на голове. На участливые вопросы хозяйки махал рукой и закатывал глаза : говорить не мог... Консультации приносили доход, вскоре Рони щедро расплатился с Фридой и подарил ей новую газовую плиту. Натали Чекалова получала букеты роз и обещания погадать ей, от чего отклонялась, понимая как трудно дается это предсказателю. Принимая цветы, замечала : « Мне право совестно... Зачем тратитесь ? » — « Дорогая Натали Андреевна », отвечал князь, розы должны сопровождать вас, имейте их всегда при себе, они к вам притянут хорошие флюиды. Я гожусь вам в отцы... и может быть больше... (он хотел сказать в дедушки, но пожалел себя.) Позвольте старому джентельмэну заботиться о вашем благополучии ». Тут он переходил на рельсы французского языка и катился по ним на подобие экспреса. Натали покорялась, брала рукоделие и слушала не прерывая. Порой какая-нибудь оригинальная мысль привлекала ее внимание и она после делилась со своим дядей.

« Ну, что тебе еще наболтал князь ? » — часто спрашивал он, — « расскажи ».

« Ах, дядя, вы всегда относитесь к нему с критикой. Он конечно любит поговорить, но примите во внимание его одиночество. Он много читает, думает, а высказаться и поделиться не с кем. Вот, сегодня, он привел место из Евангелия от Марка, глава 5-я. Там говорится о том, что женщина больная кровотечением подошла к Христу, прикоснулась к Его одежде и тотчас исцелилась. Иисус тут-же почувствовал, что вышла из Него сила. Основываясь на этом, Рони полагает, что в человеке соединено два начала : добро и зло. Бог отдает свою силу для добра, которую черпает от тех, кто живет в добре. Если же мы будем только брать от Него и ничего не возвращать, то зло, черпающее свои

силы из источника зла, может победить. В этой победе Рони видит ад и смерть, а Христос обещал жизнь, учил любви, добру, и принес в жертву себя для победы над злом: он открыл путь для возможности не довести человека на земле до падения в ад. Если бы люди правильно приняли Его учение, то достигли бы полной победы над злом, получили бы вечную жизнь и блаженство. Князь все это излагал более научно, а я передала как поняла — своими словами».

«Ну, друг мой, если бы это было так просто, то не писали бы столько книг и не собирали бы Соборы для решения религиозных проблем». — Муров задумался, хотел что-то прибавить, но только сказал: «и ты, и твой князь вы еще дети, а дети часто по своему толкуют, и по своему правы...»

***

Чтобы увеличить клиентуру и поддержать свой престиж, Рони аккуратно посещал по вторникам и четвергам теософские собрания, для чего тщательно одевался и брал извозчика. По вторникам его сажали в первые ряды, он слушал лекции, а к четвергам сам подготовлял доклады черпая материал в своих записях и изучая пассажи оккультных книг из своей небольшой ценной библиотеки. Он заинтересовал госпожу де Ризор, неоднократно просившую его прочесть популярную лекцию на одном из вторников. Не желая переутомляться, он отделывался обещаниями.

Пиала продолжавший аккуратно посещать собрания, по прежнему любовался затылком и спиной дочери хозяйки, но к Волышеву не подходил, даже избегал его боясь насмешек над его матримониальными намериниями касательно недоступной ему девушки. Князь же почти не замечал его, хотя в душе чувствовал благодарность за то, что Пиала ввел его в салон де Ризор.

Однако все эти консультации, езда за-город и подготовки к сообщениям начали отражаться на здоровьи князя. Возраст его был почтенный, организм слабый, а вегетарианский стол и вода Виттель не способствовали его укреплению. Волышов стал страдать мигренями, часто находился в состоянии полной прострации. Тогда он сидел в кресле, одетый в один из своих балахонов, бледный, зубы его лежали в стакане с водой. В такие дни одна лишь Фрида имела к нему доступ. Услыхав ее стук, Рони вставлял зубы, накрывался вуалем, а затем едва слышно разрешал войти. На заботливый вопрос « не позвать ли доктора ? », отвечал, что он сам может лечить и понимает болезни... да и что такое болезнь ? Ее вообще не существует. Нужно иметь здоровый дух, а когда он ослабевает, его следует укреплять, тогда и тело воспрянет. « Откуда вы взяли, что я болен ? » — внезапно сердился князь. « Я совершенно здоров, нахожусь в созерцательном состоянии... вот и все ». За его спиной Фрида сокрушенно качала головой, уносила нетронутый обед и говорила уходя : « Я поставила на столик колокольчик. Если что понадобится, позвоните, я приду ».

« Мне ничего не нужно кроме воды Виттель », — ослабевшая рука показывала хозяйке на дверь.

⁂

Так шло время в течении двух месяцев. Рони продолжал хорошо зарабатывать, круг его клиентуры расширялся. Кроме консультаций он делал гороскопы и продавал амулеты : для счастья в игре, для привлечения любимого человека, для удачи в делах и предприятиях. Большинство дам посещавших Теософские собрания приобретали изображения лягушек, ящериц, слонов, черепах и т. п. Украшения эти, в виде брошек или подвесок, были из благородного или простого метала, — смотря по средствам заказчиц; Рони имел с этого

доход. Еще продавал ладанки, которые сам мастерил из бархата или шолка зашивая в них молитвы или каббалистические знаки. Рони мог существовать безбедно. Однако, удача, перевернувшая бы его жизнь — еще не являлась.

⁂

Князь изобрел несколько систем игры в рулетку. В одну из них твердо верил, — но требовалась известная сумма денег. « Какие-то три тысячи франков », — возмущался он. — « Подумать только, — я тратил больше этого на один прием для друзей ». Но... прошлого не вернешь, а настоящее в руки не давалось. Конечно, если бы он откладывал деньги, хотя бы небольшой процент с каждой выручки, то, к концу года скопилась-бы нужная сумма. Однако, князь копить не умел, тратил не считая, накупал себе ненужные вещи и делал подарки. Это привело к тому, что желание обогатиться все сильнее овладевало им. И вот он решил, что следует съездить к Мадонне в монастырь местечка Лаге, помолиться и попросить исполнения желания. Несмотря на свое звание предсказателя, на занятия оккультными науками, Волышов утром и вечером молился наивной детской молитвой, и не сомневался что Мадонна услышит его.

Для поездки в Лаге(*) он решил нанять экипаж, но не был настолько эгоистичен чтобы не разделить с кем-нибудь эту роскошь. Ему захотелось пригласить Мурова, и особенно — Натали, но едва ли она согласится оставить на целый день взаперти своего фоксика, а взять его в Лаге — немыслимо.

Князь долго обдумывал и волновался. Наконец, все сообразил и наладил. Сперва пошел к стоянке извоз-

---

*) Местечко недалеко от Ниццы, где есть монастырь с чудотворной Мадонной.

чиков, долго выбирал лошадь. На черной нельзя было пуститься в путь — могло случиться несчастье. На белой? был бы вызов судьбе. Остановился на рыжей, и, не торгуясь, условился ехать через два дня. Придя домой сказал Фриде: « Я приглашен жильцами первого этажа на загородную прогулку, но мадам Чекалова беспокоится, не зная на кого бы ей оставить своего фокса? » — Как и следовало ожидать, Фрида немедленно изъявила готовность стеречь, кормить и выводить собачку и даже обиделась что о ней никто не подумал. Устроив Пупсика, Рони спустился в первый этаж и приступил к Натали « Андрэвна » с таким разговором:

« Дитя мое, не находите ли вы, что война слишком затянулась? Ночью мне приснился сон: ко мне явился Архангел Михаил и сказал: « Если бы все женщины воюющих стран молились о мире, то Бог услышал бы их, и мир был бы заключен. (Тут последовал многозначительный взгляд и поднят указательный палец). « Поэтому я заказал экипаж, а мадам Лемих была так добра что согласилась присмотреть за собачкой в ваше отсутствие ».

Хотя Натали привыкла к оборотам речи князя, но все же ничего не поняла. « Какое отношение между концом войны, заказанным экипажем и фоксом? »

« Я был уверен что вы сразу поймете меня », — обрадовался князь. — « Другим женщинам приходится часами растолковывать самые простые вещи. Конечно, есть соотношение: я вас приглашаю с господином Муровым... » тут полилась пространная, витьеватая и любезная речь. Кончив ее, Волышов просиял получив согласие ехать с ним в Лаге, — а если Натали согласна, стало быть и Муров присоединится без возражений.

***

В день поездки, предполагая закусить в лесу, взяли с собой домашних котлет и пирожков. Заказали бу-

лочнику яблочный пирог, захватили фруктов, молоко, бутылку вина и неизменную Виттель. Выехали рано утром. Лошадка трусила мелкой рысцой, к удовольствию Рони, не переносившего « бешенной скачки ». Он был одет по сезону в темный костюм, голову прикрыл мягкой шляпой. На ногах — башмаки с гетрами, в руках новая палка с крючком из черепахи. Ввиду свежей погоды, на нем был еще пуховый жилет. Князь был в отличном настроении и без умолку занимал разговорами своих спутников. Под это изысканное журчанье Муров задремал, а Натали молчала и было впечатление что она не слушая думает что-то свое, никому не доступное и грустное. Порой все-же вставляла замечания или спрашивала по существу.

« У вас мужской ум, дитя мое, и чары женщины », — восхищался Рони и переводил разговор на оккультные темы. Между прочим, рассказал где-то слышанную им легенду :

ЛЕГЕНДА

Когда Господь Бог создавал вселенную, одним из Его творений была планета, где Он заложил семена Любви, Добра и Красоты, желая взрастить существа по Своему образу и подобию. Этой планетой была наша Земля.

Люцифер, получивший от близости Бога часть Его божественной силы, зная о тайне Земли, решил воспользоваться плодами семян заложенных Творцом, чтобы стать равным Ему. Для этой цели покинул Люцифер небесную сферу и опустился на Землю. Будучи во власти злобы, ненависти и властолюбия, он, найдя семена жизни, стал их выращивать. И что же? — получились страшные чудовища, — гиганты с безобразными головами; пресмыкающиеся с когтистыми лапами, чешуйчатым хвостом и перепончатыми крыльями; они раззевали пасти и пожирали друг друга. Появились растения, с ядовитыми плодами, переплетающиеся в непроходимые чащи, где извивались и ползали змеи. Проклиная Создателя, Люцифер продолжал свои поиски, но, вызванные к жизни семена не давали плода с образом и подобием Бога...

Однажды явилось перед ним нечто покрытое шерстью, с длинными ногами; руки доходили до колен; в голове под низким лбом были близко поставлены глаза. Существо гримасничало, скалило зубы, а при помощи цепкого хвоста взбиралось на деревья и бросало вниз

твердые плоды. Люцифер с отвращением отвернулся. Теряя надежду на успех, он вошел в змея и, проползая в самые непроходимые гущи, нашел тщательно скрытое место.

Это был дивный сад, где среди свежей зелени цвели прекрасные цветы, весело журчали ручьи, из скал били источники чистой воды; порхали необычайной красоты птицы, бабочки и стрекозы. Под сенью деревьев лежали ласковые звери; с веток свешивались сочные плоды.

У входа в сад росло большое развесистое дерево, вмещавшее в себе ВСЕ ПОРОКИ и ЗЛО. Змей-Люцифер обвился вокруг ствола и стал выжидать.

Вскоре появились, обнявшись, два прекрасные существа. В их телах, речах и движениях, чувствовались образ и подобие Божии. Звери тотчас подошли к ним, легли у ног; птицы слетелись, запели песни, цветы повернув головки, струили для них аромат; деревья, наклоняя ветки, предлагали свои лучшие плоды.

На дереве скрывавшем пороки и зло, росли яблоки. Люцифер сорвал одно и бросил к ногам первых людей на Земле. Они не дотронулись до него. Тогда Люцифер заговорил : « Почему вы не желаете отведать плодов этого замечательного дерева ? » Они ответили : « Мы имеем все от Отца нашего, а плоды дерева, ростущего у входа в сад, Он запрител нам есть »

И вот Люцифер стал соблазнять людей, доказывая, что жизнь их будет еще лучше, прекраснее, что они познают свободу, если отведают плодов таинственного дерева. « Вы станете равными Богу !.. Он запретил вам есть эти плоды, чтобы вы пребывали в неведении и всегда подчинялись бы Ему; вы и не подозреваете, что за пределами этого сада расстилается чудесный мир, закрытый для вас ». — Подобными речами Люцифер заронил семена любопытства в первых людях. Они соблазнились и вкусили плод запретного дерева. Вместе с этим плодом вошли в них ПОРОКИ и ЗЛО. Люди

покинули божественный сад, который скрылся от них в густом тумане...

⁂

С той поры начал Люцифер повелевать людьми; они стали его рабами. По его приказанию, в поте лица обрабатывали землю, боролись с дикой природой, с ее чудовищами, подвергались игре страстей и бушевавших стихий. Женщины в муках умножали потомство способствуя населению Земли, и даже внешний облик людей изменился к худшему.

Однако, заложенная в них ИСКРА БОЖИЯ — душа — излучая Любовь, Добро и Красоту, — борется со злом и стремится соединиться с Богом.

⁂

Слушая эту легенду, Наташе казалось, что перед ней открылась какая-то истина к которой она давно бессознательно стремилась.

⁂

В маленькой церкви при монастыре в Лаге Рони и его спутники отстояли обедню. Каждый молился о своем. Статуя Мадонны, в мерцании свечей и лампад, в струящемся ладане, в волнах несущихся к ней молитв, — будто трепетала и лучилась внутренним светом. Казалось что она даст облегчение, исполнит заветное желание. Сила веры, сконцентрированная в святом месте, делала чудеса, о чем свидетельствовали надписи на мраморных досках, сплошь покрывавших стены храма.

⁂

Выйдя из монастыря, князь, Муров и Натали провели день в сосновом лесу. Погода была безветренная. Лучи осеннего солнца, мягко падая, давали тепло, но не палили, как летом. Наталия Андреевна хозяйничала, завтракали на траве. Муров балагурил и мешал ей. Князь говорил без умолку, усевшись на складную скамеечку, уперев подбородок на сложенные на палке руки. Он не снял ни перчаток, ни шляпы, с удовольствием принимал знаки внимания, тронутый тем что Натали постелила ему на срубленном пне салфетку и поставила прибор. Следя за каждым ее движением, он мечтательно посматривал в синюю даль. Когда кончил завтрак и запил своей водой, следующими словами выразил благодарность : « Натали Андрэвна, жалею, что вы не моя дочь. Вы достойны носить имя князей Волышовых ».

***

Возвращались домой при закате солнца. Напоенный ароматами юга, вечер затих, море было гладкое, уходящее солнце украсило его перламутром. Утомленные впечатлениями, все молчали, даже князь не находил темы для разговора и задумчиво любовался горами. Ровная дорога стелилась подобно золотистой полосе.

Внезапно лошадь споткнулась и упала. Она тотчас встала, но случившееся было так неожиданно, что спутники невольно вздрогнули и встревожились. Рони побледнел, сосредоточился и сказал : « кто-то из едущих в этом экипаже умрет до конца года. Я это чувствую. Лошадь, обладающая атрофированным у человека шестым чувством, видела астрал обреченного. Но это не относится к вам, дитя мое », — улыбнулся он Наталии Андреевне.

Инцидент с лошадью и слова князя произвели тяжелое впечатление. Муров с племянницей облегченно

вздохнули когда извощик остановился у подъезда их дома.

Неизвестно, о чем молились Муров и Натали, но просьба князя к Мадонне исполнилась, — к нему пришла удача. Она постучалась утром поздней осенью в лице мадам Буреско. Несмотря на ответ князя : « Обождите, я не одет », — она ворвалась в комнату, сияющая, и не дав вылиться неудовольствию по поводу бесцеремонного вторжения, выпалила : « Я достала деньги ! Целых десять тысяч для вашего пациента. Идите к нему скорее, по дороге условьтесь с адвокатом, так как в три часа мой капиталист обещал внести всю сумму. Я-же буду его стеречь, чтобы не передумал и не сбежал. Сама его приведу, — давайте адрес адвоката, и ждите нас ».

При нахальном вторжении мадам Буреско, Рони так рассердился, что у него « в зобу дыханье сперло », но имея привычку выслушивать до конца когда с ним говорили, он переменил гнев на милость. Стал любезен и предложил присесть, извинившись за беспорядок. Буреско не села, а посоветовала торопиться : « Время бежит, а время — деньги. Надо ловить удачу за хвост ». Поморщившись от вульгарных выражений, князь дал адрес адвоката и прибавил :

« Не опоздайте и не выпустите клиента ».

« Я-а ? выпустить такого гуся ? Да я к нему как осьминог прилипну, не ускользнет. Только уж вы, ваше сиятельство, пожалуйста кончайте туалет и бегите по делу ». Буреско уплыла, Рони кончил одеваться, вышел из дому, нанял извозчика и поехал куда следует.

***

К общему удовольствию, все сошло гладко. Удостоверившись, что дело было верное, клиент мадам Буреско дал аванс, получив росписку на уплату через два месяца : этот срок требовался из-за войны и по-

ездки в Англию. По уходе заимодавца, Пиала честно расплатился: адвокат получил гонорар, Буреско — проценты, а князь три тысячи. Задрожавшими руками Пиала собрал оставшиеся деньги, пересчитал, сложил, завернул в платок, спрятал в карман и застегнул английской булавкой. Итак все началось благополучно: румынка заплатила Фриде задолженное за квартиру и угостила обильным обедом. Подруга ответила ей приглашением в кафе где заказала по три порции мороженого. Был проект пойти в кинематограф, но дамы отяжелели и вернулись домой вздремнуть. Спать однако не могли, так как объелись и были встревожены радостными переживаниями.

Что же касается Рони, он ничего не любил делать наобум. Придя от адвоката заперся в своей комнате, надел балахон, достал записную книжку и стал распределять свой капитал. Обдумав, рассчитал, что для его игорной системы достаточно тысячи пятисот франков. На остальные решил доставить себе и своим друзьям разные удовольствия и жить временно не работая ввиду того, что вскоре золотой поток польется из зал казино в его карманы. В то далекое время жизнь была так дешева, что три тысячи франков, для скромного потребителя, являлись капиталом...

***

На другой день с утра князь отправился по магазинам. Оттуда, по его адресу прислали немалое количество пакетов и картонок. Удовлетворив свою слабость относительно одежды и косметик, Рони приобрел несколько редких книг и сделал подарки: Фриде — теплые туфли и кружевную пелерину; мадам Буреско получила (вместо осыпанного алмазами) веер в блестках с изображением торреадора. Муров — экземпляр Готского Альманаха, а Натали была смущена когда он

поднес ей брошку в виде золотой розы : « Это вам на счастье, дитя мое », — сказал Рони.

***

Несколько дней князь отдыхал. Пропускал теософские собрания, писал у себя в комнате, а при закате солнца гулял в городском саду. Внезапно он заявил, что переезжает жить в Монте-Карло; его друзья удивились, а Фрида огорчилась до слез. « Я должен быть последовательным в моих поступках, — игра в рулетку восстановит мое богатство которое я решил отдать на служение добру. Я вооружен знаниями и обязан применять мои силы ».

Никакие уговоры и доводы не поколебали его решимости : « Я дал себе слово и сдержу его, — с достоинством возражал князь. — Волышов всегда верен своему обещанию ». Вскоре он начал готовиться к отъезду.

***

Рони снял в Монте-Карло комнату с салоном. Когда устроился, пригласил всех на новоселье : « Увидите, какая у меня хорошая обстановка и какой восхитительный вид на море ». Накануне пошел проститься с жильцами первого этажа. Натали была дома. « Дитя мое, я нарочно сторожил на лестнице ожидая когда выйдет Муров. Хочу поговорить с вами о серьезных вещах ». Тут князь сделал паузу глядя на молодую женщину. Она молча ждала что будет дальше. « Вот », снова заговорил он, « вы предпочитаете когда говорят по русски, не любите когда его мешают с французским. Разрешите мне говорить на этом языке, я с детства привык, меня стесняют мой акцент и ошибки когда изъясняюсь по русски ».

« Говорите как вам удобнее, дорогой князь. Я вас слушаю ».

« Дитя мое, я восхищен не только вашей наружностью, но и благородством и достоинством присущими вам. Вы мне внушаете полное уважение. Не раз выражал я сожаление что вы не моя дочь, много думал над этим и решил что вы могли бы носить имя княгини Волышовой еслиб согласились выйти за меня замуж. Честно предлагаю вам только имя, — в мужья не гожусь и не только по возрасту, а потому что живу в области ничего общего с нормальной жизнью не имеющей. Это будет красивый союз : я последний в роде, мое имя исчезнет вместе со мной. Пусть же оно заблестит как звезда в вашем образе. Для приличия поселимся в одной квартире. Предоставлю вам полную свободу, знаю, что во зло вы ее не употребите. Конечно, буду надоедать вам моими разговорами (вы такая благосклонная слушательница), а когда умру вы останетесь вдовой князя Волышова. Ваша слеза будет лучшим венком для моей могилы, а я и за гробом буду помогать вам и оберегать ».

Наталия Андреевна слушала не прерывая и не возражая. Она поняла что его предложение является фантазией, но была тронута искренностью и тем, что Волышов предлагает ей единственное сокровище которым обладал, — свое имя.

« Вы молчите, но я чувствую что понимаете меня и в принципе согласны. Но как бы ни был я этим счастлив, должен сам себе сделать возражение... что такое даже самое блестящее имя, если не окружено золотой рамой и не имеет пьедестала ? Без этого оно является бременем для того кто носит его. Моя бедность, — это единственное препятствие для нашего брака. Но я добьюсь своего. Мне известны тайные науки. Это знание, соединенное с внутренней силой, одолеет рулетку при помощи изобретенной мною системы игры; я во-время остановлюсь, но борьба будет

изнуряющей. Я приобрел необходимые книги, переселюсь в незнакомую обстановку, где начну подготовляться. Применю силы природы действующие против животного магнетизма доминирующего в рулетке. Около нее собираются все ларвы созданные людскими пороками : в воздухе носятся отвратительные флюиды, — жадность, зависть, любостяжание, алчность, разврат, скупость, эгоизм, вплоть до мыслей о самоубийстве (тягчайшего из преступлений против законов природы). Все перечисленные уродливые порождения низших инстинктов, свили себе гнездо в роскошных залах Казино. Нелегко будет подчинить их себе, но нет ничего невозможного. Мне придется вести особый образ жизни, соблюдать известный режим, давать высшее напряжение моральных и умственных сил. Я не совсем блефф в смысле предсказаний, — с детства обладаю даром предвидения; когда сосредоточусь, многое становится мне ясным и видимым. Вот, я предвижу и вашу судьбу. Не имею права ее открывать, но хотел бы стать между ней и вами, защитить от того, от чего вы сами уберечь себя не сможете. Если мне удастся восстановить мое материальное богатство, оно частью пойдет на помощь нуждающимся. Вы не подозреваете, как тяжело принуждать себя выпрашивать подачки, унижаться... мы с вами будем отыскивать достойных бедных людей и деликатно помогать им. Знаю, что вы будете моей незаменимой помощницей. Скажите, как вы смотрите на мое предложение ? От вас зависит дать мне силу и энергию ».

Натали протянула ему обе руки : « Конечно, я согласна. Только не будем возобновлять этого разговора ». Глаза Рони засияли. « Благодарю вас, я не ошибся ». Она проводила его до двери, посмотрела вслед... внезапно ее охватил холод, стало жутко и бесконечно жаль князя.

***

Итак Рони перебрался в Монте-Карло. Он два раза пышно справил новоселье. На первое было приглашено избранное общество: госпожа де Ризор с дочерьми, секретарь особы известной своим морганатическим браком, Муров с племянницей и председательница Благотворительного Общества, которой князь вернул пожертвованные ему деньги. По его просьбе, Натали хозяйничала. Улучив минуту, шепнул ей: « Я почти готов и скоро начну действовать ».

Волышов снимал две прекрасно обставленные комнаты. Из окон открывался вид на море. На фарфоровых тарелках и серебрянных блюдах, были сервированы конфеты, ананасы, персики, бананы, а также пирожные, из-за войны и недостатка провизии, сделанные из риса с изюмом, и фиников. Для дам был крюшон, для мужчин — коньяк. Изысканный прием оживлялся умной беседой. Вопреки обыкновению, князь больше слушал чем говорил.

На другой день состоялся прием попроще. Приехали: Фрида Лемих, (в кружевной накидке) и мадам Буреско с испанским веером в руках. Кроме них — Поль Пиала и несколько скромных клиентов, гадавших у Рони. За чаем и вином были поданы остатки вчерашнего угощения и прибавлены, в изобилии, сандвичи с сыром и колбасой. Князь дал волю красноречию, говорил без умолку. Гости, очарованные его умом и радушным приемом, слушали молча, уплетая угощение, и едва поспели на обратный поезд.

⁂

Прошло около года. Во вращении вселенной — это ничто, а в жизни человеческой порой отмечается роковыми последствиями.

Сидя у письменного столика, Наталия Андреевна соображала, как бы ей свести концы с концами. Ее дядя, беспечный по натуре, не заботился о завтрешнем

дне. Месяца два тому назад, Натали заявила ему, что от вывезенного из России капитала осталось так мало, что она собирается искать работу; статьи в газетах больше оплачивались похвалами и благодарностями, или ложами в театры, а насчет денег — платили гроши.

Муров спокойно ответил: « Чего ты волнуешься? положись на меня, я все устрою », — и пошел гулять. На следующий день уехал заявив, что займется делами и вернется к вечеру.

Вернулся... и с виноватым видом доложил, что в надежде улучшить материальное положение, поехал в Монте-Карло и... проиграл больше половины того что у них оставалось.

« Это называется "положись на меня" », — иронически заметила Натали. — « Хорошо вы поправили наши дела, нечего сказать ».

« Ангел мой, только не упрекай. Я был уверен, что выиграю. Сперва мне везло, но я удвоил ставки и вот... » Муров смущенно мял носовой платок. « Я хотел сделать лучше... Кстати, (перевел он разговор на другую тему), — видел я твою симпатию Волышова. Он играл в « Тридцать-сорок »; у него был странный вид: как-бы стеклянные глаза, остановившиеся на одной точке, и движения автомата. Он был в большом выйгрыше, перед ним лежала груда жетонов. Вокруг него образовалась толпа, все следили за ним но не ставили, как обычно делают, когда кому-либо везет. Я долго следил за ним; он редко проигрывал, ставил крупные ставки и часто брал большие куши... Он меня не видел; не желая мешать ему, я отошел. Да... а я вот, все спустил. Ты на меня не сердишься, а? Ну, прости старого дурака ». — Муров опустился на колени. — « Это, клянусь тебе, в последний раз ».

Натали безнадежно махнула рукой, взяла фокса и вышла на воздух.

***

В конце месяца она принялась сводить счета, соображала сколько времени можно протянуть с оставшимися крохами, обдумывала, на чем бы съэкономить, как-бы найти работу; на дядю не надеялась, чувствовала что вся тяжесть ляжет на ее плечи. Вдруг раздался звонок. Натали замешкалась убирая бумаги, звонок повторился, резкий и настойчивый. Сунув счета в ящик, она поспешила открыть.

Перед дверью стояла квартирная хозяйка, в выходной кружевной пелерине, в сбившейся на бок шляпе, бледная, со всеми признаками сильного волнения.

« Мадам Лемих, что с вами ? На вас лица нет ! » — Натали взяла ее за руки и ввела в столовую. Фрида опустилась на диванчик, вытаращила глаза, открыла рот, хотела что-то сказать, но слова не сходили с ее дрожавших губ.

« Вам дурно ? Что случилось ? » — Наталия Андреевна побежала за водой.

Придя в себя, Фрида зарыдала. « Случилось такое несчастье... такое горе ! наш князь умер ». Тут настала очередь Натали. Она тоже остолбенела.

« Как... умер ? Отчего ? »

« Это неизвестно, никто не знает. Я ничего не могла добиться от его бессердечной хозяйки. Накануне был здоров, и вдруг взял и умер. Его привезли из Казино в экипаже, под руки ввели в комнату, ноги не шли, волочились, его положили на кровать. Двое ушли, один остался, никого не пустил в комнату, кроме доктора констатировавшего смерть ».

Фрида снова залилась слезами и начала причитать : « Если бы он продолжал жить у меня, этого бы не случилось, я бы выходила его. И чего он все в Казино ходил ? Я бы удерживала его. И подумать только, что все имущество князя захватила эта толстая жаба, его квартирохозяйка : зеркало в серебрянной раме, золотые часы, цепь с брелоками, гардероб, книги и рукописи, которыми он так дорожил ! Все она присвоила. Говорит,

князь был ей должен. Можно ли этому поверить ? Такой благородный, щепетильный господин. Несомненно, у него еще и деньги остались... да что деньги ? был бы он жив, а то умер одинокий, без друзей, никто ему и глаза не закрыл. Все, чем он дорожил, пропало безвозвратно, досталось постороннему алчному человеку... везет-же некоторым : такая противная женщина, ничего для него не сделала хорошего, а вот подите-же ». Фрида еще долго охала и плакала рассказывала в малейших подробностях все одно и то же, уверяла, что последние дни часто думала о князе, наконец, собралась навестить. Спекла его любимый яблочный пирог, надела его подарок — кружевную пелерину, села в поезд, приехала, позвонила; открыла « эта накрашенная кукла » и брякает : « Господина Рони вчера похоронили ». Мне чуть дурно не сделалось ».

***

Натали и ее дядя, не откладывая, поехали в Монте-Карло. Зашли к квартирной хозяйке где жил Волышов, расспрашивали. Ничего нового не узнали, но получили на память фотографию, где князь был снят в одеянии предсказателя с какой-то рукописью в руках. Обсуждая печальный инцидент, Муров, по собственным соображениям, восстановил картину этой загадочной смерти. Очевидно, князю сделалось дурно во время игры, вероятно смерть произошла тут же за столом; персоналом Казино был симулирован его вывод из игорной залы : не следовало волновать публику и давать повод для пересудов. Как вытекает из официальной статистики, смертей и самоубийств в игорном заведении не случается, а хоронят — ночью. Должно быть, князя, уже мертвого, привезли по его адресу, подняли под руки по лестнице и положили на кровать.

Затем пригласили доктора, удостоверившего смерть от разрыва сердца. Квартирная хозяйка получила все что после него осталось, может быть и больше. Инцидент был исчерпан.

Какая была причина смерти? Явилась ли она следствием режима, или переутомился организм, или произошла от упражнения в магии, от напряжения духовных сил в борьбе с темными элементами? Тайну эту Вольшов унес с собой. Муров и Натали зашли на кладбище, отыскали среди общих могил колышек, обозначавший место, где покоились кости последнего в роде князя Вольшова. « Ваша слеза будет лучшим венком для моей могилы », — с грустью вспомнила Наталия Андреевна, кладя возле оловянного номерка букет свежих роз. Начала читать молитву за упокой раба Божия... а как было его имя — не знала. « Рони », князь, и только. Когда поднялась с колен и перекрестила холмик, перед ней ожила сцена когда он сделал ей предложение выйти за него замуж. Как это было недавно !

***

Ночью ей снился сон : она стояла у перил террасы. Внизу стелился прекрасный сад с клумбами невиданных цветов. В предчувствии рассвета на горизонте застыли горы покрытые дымкой тумана. Вдруг она ощутила чье-то легкое прикосновение и стала отделяться от земли. Кто-то невидимый, невесомый, нес ее в пространство. Исчез сад, показались цепи гор покрытые снегом, сверкавшие под лучами небесных светил. Потом все растаяло, вокруг поплыла розовая мгла. Налетело ощущение тоски, тоски по чему-то оставленному, притягивавшему невидимыми нитями. Хотелось их разорвать, удалиться навсегда, но не было сил. Кто-то говорил с ней без слов, но она понимала : « Со смертью тела не все кончается. Умершие имеют возможность

общаться с близкими людьми, ограждать их от опасности, предупреждать ее ». Внезапно ей стало душно и тяжко. Почувствовала что стремительно опускается на землю. Увидела, что по улице обсаженной платанами идет погребальное шествие. Священнослужители были в светлых ризах. Синеватым дымом струилось из кадил курение ладана. Катафалк остановился перед белым прозрачным храмом. Внесли гроб, поставили посередине. Священник возгласил : « Упокой Господи душу усопшего раба Твоего Николая и сотвори ему вечную память ». « Вечная память », — торжественно и печально пропел троекратно невидимый хор. Звуки наполнили храм, расширились, вышли наружу и замерли вдали...

⁂

Натали проснулась. Этот сон, похожий на действительность, все утро преследовал ее. « Дядя, я хотела бы заказать панихиду по Волышове ».

« Хорошо сделаешь, друг мой. Но ведь ни ты, ни я не знаем его имени ? Как это так получилось ? »

Натали поднялась к Фриде Лемих. « Не знаете ли как было имя князя ? » — спросила она.

Фрида порылась в своем комоде, нашла копию листка для Префектуры о заявке жильцов, и ответила : « Его звали Николаем ».

⁂

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я храню тебя в сердце моем
как любимый портрет в медальоне;
благодарная мысль о былом
образ твой сторожит неуклонно.

Где-бы я ни была, ТЫ со мною всегда :
лик твой светлый овеян веками,
он сияет, как в небе далеком звезда
и меня озаряет лучами.

В обреченной стране разгорелся пожар
и спалил наши гнезда родные...
но, из пепла мерцает ,сквозь дым и угар,
незабвенное имя « РОССИЯ ».

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГИ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

О МАРКО БОГАТОМ И ВАСИЛИИ БЕССЧАСТНОМ — русская народная сказка в стихах с иллюстациями. (Издание все разошлось).

ТАЙНА КАЗБЕКА — Грузинская легенда 16-го века. Можно достать у:
Editeurs Réunis, 11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève
75005 — Paris

ДОМОВОЙ — Рассказы и стихи. (Издание разошлось)

ДУШОЙ и СЕРДЦЕМ — Сборник стихов. (Издание разошлось)

СКАЗКА О РУССКОМ СОЛДАТЕ, КРЫЛАТОМ БЕСЕ И ЦАРЕВНЕ ЕЛЕНЕ — (в стихах с иллюстрациями). Имеется еще несколько экземпляров у автора:
Mme Smirnoff-Makcheeff, 06510 — Carros V. Village
France

СВЕТ И ТЕНИ — неизданный роман (эпоха 1912-1918 гг.).

ВЛАСТЬ НЕУЛОВИМОГО — неизданный роман; эпоха 1919-1936 гг.).

Imprimerie P I U F. 3, rue du Sabot - Paris